ПИОНЕР 6 1987

ISSN 0130—8009

...Особняк Кшесинской. Уже несколько раз упоминал я о нем в своих рассказах о революции. Но вовсе не из уважения к бывшей хозяйке дома, звезде российского балета и фаворитке последнего российского императора Матильде Кшесинской. Вряд ли вообще мы сегодня вспомнили это имя, если бы в особняке, выстроенном на царские денежки и подаренном мадам Матильде «за дрыганожество», как четко сформулировал Маяковский, не разместился по странной иронии судьбы в бурные дни весны и лета семнадцатого года штаб, мозговой центр большевистской партии. Здесь работали Центральный и Петроградский комитеты большевиков, их военная организация, редакция газеты «Солдатская правда» и экспедиция «Правды», Центральное бюро Петроградских профсоюзов, солдатский клуб... Сегодня этот дом по праву занимает Государственный музей Великой Октябрьской социалистической революции.

А когда-то... Когда-то мимо особняка был даже запрещен проезд наемных экипажей. У входа торчал монументальный городовой в белых перчатках. В подъезде дремал швейцар в расшитом золотыми позументами камзоле. А по вечерам сюда съезжалась петербургская знать...

Архитектор А. Гоген, строивший дом, мог не стесняться в расходах и потому не пытался сдерживать свою фантазию. По стенам шелк в цветочек, цветные литографии. Мебель обтянута розовым штофом. Пушистые ковры. Ширмы с вырезанными из зеркальных кусочков медальонами. Шикарная спальная и ванная комнаты. Зимний сад с тропическими растениями. Мраморный зал и мраморная лестница...

Неплохо жилось стареющей балерине. И жилось бы, наверное, дальше, если б не слетела корона с головы ее высокого покровителя. Пришлось мадам Матильде срочно ретироваться. А особняк заняли солдаты запасного бронедивизиона. Переписали все имущество, особо ценные вещи спрятали под замок, поставили у входа охрану...

Дом на Петроградской стороне зажил другой жизнью. Там открыли солдатский клуб, читальню, разместили госпиталь для выздоравливающих фронтовиков... К новым хозяевам особняка и обратились из Центрального Комитета РСДРП(б) с просьбой помочь. После февраля у секретариата Центрального Комитета было не помещение, а всего лишь один стол в коридоре Таврического дворца. Комиссары Временного правительства да и меньшевики Петросовета не спешили предоставить большевикам крышу над головой. Другое дело — солдаты. Они с радостью потеснились. Так в распоряжении Центрального Комитета большевиков оказались сразу две комнаты. А в бывшей роскошной ванной расположился партийный архив.

Фотография В. ТЕРЕШКИНА.

ЕСТЬ ТАКАЯ ПАРТИЯ!

Да, таких посетителей особняк еще не видел. Матросы в бушлатах, солдаты в стоптанных сапогах с «трехлинейками» за плечами, рабочие в замасленных тужурках с красными повязками на рукавах, мальчишки в залатанных штанах — петроградские «гавроши», неизменные разносчики большевистских газет; работницы в надвинутых на самые глаза темных платках... Они появлялись здесь в полночь-заполночь, делились своими бедами и горестями, просили о помощи, требовали листовок, газет, агитаторов, оружия...

О многом помнят стены этого дома. Вот балкон. С него неоднократно выступал Ленин. Вот комната. В ней написаны чуть ли не все ленинские работы тех месяцев. А сквозь эти двери выходил Ильич, отправляясь на свое очередное выступление...

Июнь семнадцатого был месяцем довольно теплым. Если судить по записям синоптиков. Но июнь семнадцатого был месяцем невероятно жарким. Если судить по показаниям политического барометра.

3 июня открылся I Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов. Большевики на нем в меньшинстве. На второй день съезда слово берет меньшевик Михаил Либер. Он оправдывает вхождение представителей социалистических партий в состав Временного правительства, говорит о невозможности передачи власти в руки Совета, ратует за продолжение войны, клеймит «большевистскую анархию»...

После него на трибуну поднимается министр почт и телеграфов меньшевик И. Г. Церетели:

— В настоящий момент в России нет политической партии, которая говорила бы: дайте в наши руки власть, уйдите, мы займем ваше место. Такой партии в России нет,— глубокомысленно сообщает он собравшимся.

И тут в зале раздается знаменитое ленинское «Есть!».

Чуть позже Владимир Ильич повторил это уже с трибуны:

— ...Я отвечаю «есть!». Ни одна партия от этого отказаться не может, и наша партия от этого не отказывается: каждую минуту она готова взять власть целиком.

Многие делегаты с удивлением вслушивались в ленинские слова. Большинство из них видело и слышало Ленина впервые. Знали о нем лишь из буржуазных и меньшевистско-эсеровских газет. Ничего хорошего о большевистском вожаке и самих большевиках вычитать из них, как вы понимаете, было невозможно. А тут, в речи, выдвигалась ясная и четкая линия. Линия, отвечающая надеждам и чаяниям большей части тех, кто сидел в зале.

Меньшевистские лидеры, видя, что выступление Ленина производит на делегатов нежелательное впечатление, попытались прервать его саркастическим смехом.

— Вы можете смеяться сколько угодно,— дал им решительный отпор Владимир Ильич,— но если гражданин министр поставит нас перед этим вопросом рядом с правой партией, то получит надлежащий ответ... Окажите доверие нам, и мы вам дадим нашу программу. Наша конференция 29 апреля эту программу дала.

Естественно, что заправил съезда большевистская программа не устраивала.

...Борьба между большевиками, с одной стороны, и партиями, поддерживающими Временное правительство,— с другой, разгоралась в июне не только на заседаниях съезда Советов.

5 июня Временным правительством был арестован большевик М. М. Харитонов якобы за поддержку анархистов, разгромивших типографию газеты «Русская воля». Но из-за волны протеста, прокатившейся по заводам и фабрикам Петрограда, его пришлось выпустить. Большевики готовили мирную демонстрацию. Меньшевики и эсеры протащили в Совете резолюцию о ее запрещении. Демонстрацию, назначенную на 10 июня, пришлось отменить.

Росло недовольство и решением, вернее, нерешением Временным правительством национального вопроса. Социалистические и демократические движения Украины, Финляндии, Эстонии требовали признания автономии, преобразования России в федеративную республику отдельных национальностей. Однако обсуждение этих проблем не входило в планы министров-социалистов. Они спешно готовили наступление на фронте, надеясь, что его успех приглушит обострившиеся противоречия внутри страны, ослабит позиции противников войны, то есть большевиков.

На 18 июня соглашательский ЦИК Советов назначил демонстрацию в поддержку Временного правительства. ЦК РСДРП(б) принял решение участвовать в ней под своими лозунгами.

На улицы Петрограда вышли более полумиллиона людей. И практически ни один полк, ни один завод, ни одна фабрика не подняли лозунга «Доверие Временному правительству!». Демонстрация прошла под знаком большевистских призывов: «Долой десять министров-капиталистов!», «Вся власть Советам!», «Ни сепаратного мира с Вильгельмом, ни тайных договоров с англо-французскими капиталистами!».

Это был провал политики соглашательских партий и Временного правительства. Видимо, ему бы пришлось сложить власть, если бы развернувшееся на фронте наступление и, главное, его трагический провал не отвлекли внимания народных масс.

И все же демонстрация имела огромное значение. Она показала растущее влияние большевиков. С февраля по июнь ряды членов партии выросли в десять раз. И в несчетное количество раз выросло число ее сторонников во всех уголках бывшей Российской империи.

...Заканчивался июнь. Над Петроградом стояли белые ночи. Все было как у Пушкина: «Одна заря сменить другую спешит, дав ночи полчаса».

А на политическом небосклоне уже сгущались грозовые тучи.

Владимир ЛУЦКИЙ.

Выходит с 15 марта 1924 г.

ПИОНЕР

Ежемесячный детский журнал Центрального Комитета ВЛКСМ и Центрального Совета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина

ИЮНЬ 6

Москва 1987 г. • Издательство «Правда»

ГОД 1917-ЫЙ,

Мы:

«...Тысяча девяносто делегатов съезда. Большевиков же среди них только сто пять. Можно ли судить по этому соотношению о фактическом влиянии большевиков на рабочие и солдатские массы к моменту открытия съезда? Никоим образом!»

(Из воспоминаний члена КПСС с 1916 г. С. И. Шульги об открытии I съезда Советов. 3 июня 1917 г.)

Они:

«Для нас не подлежит сомнению, что возобновление боевой деятельности на нашем фронте является первым и непременным условием для восстановления доверия к нам союзников и для благополучного завершения войны».

(Из телеграммы министра иностранных дел Временного правительства М. И. Терещенко временному поверенному в делах в Лондоне К. Д. Набокову. 6 июня 1917 г.)

Мы:

«Как же практически представляем мы себе выход из этой войны? Мы говорим: выход из этой войны только в революции. Поддерживайте революцию угнетенных капиталистами классов, свергайте класс капиталистов в своей стране и тем давайте пример другим странам. Только в этом социализм. Только в этом борьба с войной. Все остальное — посулы или фразы, или невинные добрые пожелания».

(Из доклада В. И. Ленина по вопросу о войне. 9 июня 1917 г.)

Мы:

«Ввиду того, что съезд Советов рабочих и солдатских депутатов, к которому присоединился исполнительный комитет Совета крестьянских депутатов, постановил, признавши обстоятельства совершенно исключительными, запретить всякие, даже мирные, демонстрации на три дня, Центральный Комитет Российской социал-демократической рабочей партии постановляет отменить назначенную им на 2 часа дня, в субботу, демонстрацию».

(Постановление ЦК РСДРП(б). 10 июня 1917 г., 2 часа ночи.)

«Центральный Комитет Российской социал-демократической рабочей партии (большевиков) решил принять участие в демонстрации 18 июня. Наши лозунги: «Долой царскую Думу и Государственный совет, пересмотр декларации прав солдата, отмена репрессивных мер против солдат и матросов, вся власть Совету рабочих и солдатских депутатов».

(Телеграмма ЦК РСДРП(б) местным партийным организациям. 14 июня 1917 г.)

Они:

«...Нынешняя война есть война мировая, ...все капиталистические страны сплелись в один клубок, из которого ни одна страна — будь то даже революционная Россия — на свой риск и страх выйти не может».

(Из доклада об отношении к войне меньшевика Ф. И. Дана на I Всероссийском съезде Советов. 9 июня 1917 г.)

Они:

«...Воины, отечество в опасности, свободе и революции грозит гибель. Время настало, и армия должна выполнить свой долг. Верховный главнокомандующий ваш, овеянный победами вождь, признает, что каждый день дальнейшего промедления только усиливает врага...»

(Из приказа военного министра Временного правительства А. Ф. Керенского о переходе в наступление. 16 июня 1917 г.)

ИЮНЬ

Мы:

«...На сегодняшнее воскресенье съезд уже от своего имени назначил манифестацию (не демонстрацию!) к Марсову полю, чтобы возложить венки на братские могилы жертв Февральской революции. ...Меньшевики и эсеры думают, что этот маневр отвлечет массы от большевистских лозунгов. Посмотрим!..»

(Из воспоминаний С. И. Шульги от 18 июня.)

«...Демонстрация развеяла в несколько часов, как горстку пыли, пустые речи о большевиках-заговорщиках и показала с непререкаемой наглядностью, что авангард трудящихся масс России, промышленный пролетариат столицы и ее войска в подавляющем большинстве стоят за лозунги, всегда защищавшиеся нашей партией».

(Из статьи В. И. Ленина «Восемнадцатое июня».)

Мы:

«1) ...Наступление нашей армии на фронте за старые империалистические цели войны и при неопубликованных тайных договорах с союзными капиталистами на руку только международной буржуазии;

2) ...Происходящее под флагом «борьбы за свободу» это наступление в действительности наносит удар делу свободы и международной рабочей революции...»

(Из резолюции митинга рабочих и работниц Петрограда. 25 июня 1917 г.)

Они:

«Сейчас в Петрограде некоторое успокоение. Большевики несколько изменили свою тактику... Однако большинство относится к этому с недоверием и считает, что крайние партии лишь выжидают минуту для выступления...»

(Из телеграммы министра иностранных дел М. И. Терещенко русским дипломатам за границей. 26 июня 1917 г.)

Они:

«Причиной неустойчивости настроения, кроме усталости войной, является недостаточное понимание смысла и целей войны и отсутствие единодушия в стране и армии. ...Массовое уклонение может стать грозным явлением, так как часто прикрывается идейными знаменами большевизма».

(Из донесения А. Ф. Керенского Временному правительству. 24 июня 1917 г.)

Мы:

«...Чтобы серьезно, не по-бланкистски идти к власти, пролетарская партия должна бороться за влияние внутри Советов, терпеливо, неуклонно, изо дня в день разъяснять ошибки масс, их мелкобуржуазные иллюзии.

Сорвать эту нашу линию хотят контрреволюционеры, они всяческими средствами пытаются спровоцировать нас на преждевременное, сепаратное выступление, но мы на эту удочку не пойдем, мы не доставим им такого удовольствия...»

(Из доклада В. И. Ленина о текущем моменте.)

Абдуселим ИСМАИЛОВ

Деду, которому двадцать лет...

А было вот как:
спозаранку
я вышел на свою полянку
и вижу — ждет меня дружок,
мой жеребенок-стригунок.
Дружок мой не стоит на месте —
нам весело, когда мы вместе,—
и, под собой не чуя ног,
готов скакать мой стригунок
туда, где мы не раз подолгу
резвились...
Но его за холку
я крепко-накрепко беру
и говорю:
— Постой-ка, тпру!
Сегодня праздник — День Победы!
Я к дедушке сегодня еду.
Не торопись, дружок. Пойдем,
сначала обойдем наш дом —
его мой дедушка построил,
больших забот ему он стоил.
Но в тот же год пришла война.
«На фронт! На фронт!» — звала страна.

С другом своим, стригунком черногривым,
я подхожу к родному порогу.
Прежде, чем в дальнюю выйти дорогу,
кланяюсь дому.
Кланяюсь ивам,
ивам плакучим,
горькой печалью терпко пахучим.
Кланяюсь я, как кланялся дед...
Кланяюсь деду, которого нет,—
дед мой ушел на войну в двадцать лет...
Дедушка мой, уезжая из дому,
крепко поклялся селенью родному:
«Драться до самой Победы я буду
и не забуду
ни на минуту
дом свой родимый,
край свой любимый!..»
Так же, как дедушка, я улыбнусь
этому дому,
ему поклонюсь.

И вот мы скачем.
На дороге нет ни души.
Не без тревоги
смотрю я вверх, на небеса —
вах![1]— собирается гроза,
и тучи бродят низко-низко...

[1] Вах!— междометие, принятое у кавказских народов. Означает удивление.

И вдруг —
на цоколь обелиска
ступил копытами мой конь,
и мы услышали:
«Огонь!..»
«Сестричка!.. В медсанбат комбата!»
«Вперед!»
«За Родину, ребята!»
Грохочет эхо канонады,
летят снаряды и гранаты...
Ищу я деда...
Где же дед?
Куда ни гляну — нет как нет...

Вдруг замечаю —
кто-то низко
ко мне клонится с обелиска
и, заслонив меня собой
от пуль,
мне говорит:
— Постой!
Там бой идет!
Летят гранаты!
Тебе в ту сторону не надо,
садись-ка ты, хороший мой,
на стригунка и — марш домой!
Мы сами — уж не обессудь!—
с фашистом сладим как-нибудь.
Гляди — в поля пришла весна,
а здесь, браток, идет война.

Так говорил мне солдат с обелиска —
воин советский,
ко мне близко-близко
бронзовый лик свой подвинув.
И я
в эту минуту увидел, друзья:
было лицо мне солдата знакомо
по фотографиям из альбома —
бравым таким же казался мой дед
в свои предвоенные двадцать лет.

— Да, здесь, браток, идет война,
а где война,
там смерть видна, —
сказал он, бронзовой рукою
махнув туда,
где «Р-рота!.. К бою!»
«Поддай огня!»,
«Вперед, братва!» —
носились ярые слова,
где прочь от пламени шального
летели иволги,
и снова
солдаты падали в траву.

Наверно, все же наяву,
а не во сне я видел это,
и потому теперь «Победа»
пишу я с буквы прописной:
она — Победа над бедой...

Долго мы рядом с солдатом стояли,
долго мы деда глазами искали.
На постаменте скорбели цветы...
— Может быть, дедушка мой —
это... ты? —
с этим вопросом к солдату-герою
я обратился.
— Ты знаешь, не скрою:
внука такого иметь я бы рад,—
так отвечал мне защитник-солдат,—
только лукавить с тобой мне негоже:
мы с твоим дедом судьбою похожи.
Вместе погибли мы с ним, мальчуган.
Видишь березки?
А рядом — курган...

То не курган был —
холм могильный,
белевший гривою ковыльной.
И у одной из трех берез
стоял мой дед.
Он будто врос в узор листвы.
И, мне казалось,
он говорил:
«Какая жалость,
что не могу, внучок ты мой,
вернуться к вам —
к себе домой!..
Когда пройдет пора лихая
и, майским маком полыхая,
мир зацветет — тогда, внучок,
поймешь и ты, что я не мог
никак иначе:
для Отчизны
не пожалел своей я жизни,
как и любой из тех солдат,
что под березами здесь спят.
Когда тебе придется туго,
в любом из нас найдешь ты друга.
И ты о нас не забывай,
ну, а пока — расти, мужай!
Да, вот еще что, мальчик мой,
ты крепко-накрепко усвой:
вам, пионерам, помнить надо,
что мы, советские солдаты,
на поле брани полегли
за мир, за счастье всей Земли.

Такие вот сказал слова
мой дедушка.
Ковыль-трава
между берез его укрыла,
а я печально и уныло
стоял,
в себя прийти не мог.
Ушами прядал стригунок —
хотел, наверно, знать и он:
то было явь
иль то был сон?

Как хочешь это понимай —
был месяц май.
Победный май.

Перевел с лезгинского
Борис ПЧЕЛИНЦЕВ.

Рисунок А. МЕЛИК-САРКИСЯНА.

Борис КАМОВ

МАЛЬЧИШКА-КОМАНДИР

ГЛАВЫ ИЗ ПОВЕСТИ

Рисунки М. ПЕТРОВА.

Побег

Приходя домой из школы, Аркадий кричал с порога:

— Тетя Даша, письмо от папы есть?

В августе 1914 года, как только началась первая мировая война, отца Аркадия — Петра Исидоровича Голикова — забрали в солдаты. Провожая его на вокзал, Аркадий горько плакал и каждый день теперь ждал писем. И если тетя Даша говорила, что письмо пришло, кидал ранец, садился прямо у порога и читал.

Петр Исидорович сообщал, что служит под Ригой в резервном полку. Аркадия это радовало — значит, папе ничего не грозит.

И вдруг однажды отец написал, что из резервного полка, где он находится, отбирают добровольцев на передовую. И Аркадий принял решение.

Мальчик стал копить потихоньку деньги, которые мама давала то на тетради, то на кинематограф. Купил карманный фонарик с запасной батарейкой, складной ножик. Два рубля у него еще оставалось. И он решил, что на дорогу до фронта ему вполне хватит.

Проснулся Аркадий рано. Мама его, Наталья Аркадьевна, еще не вернулась с дежурства в больнице. День был холодный. Ночью моросил дождь. Выйдя на улицу, Аркадий повел плечами, застегнул шинель на верхнюю пуговицу. И пошел — только не направо, к училищу, а налево.

Вскоре он был на вокзале и прождал часа полтора, пока не появился эшелон из товарных вагонов. Поезд затормозил. Солдаты с чайниками и котелками повыпрыгивали из теплушек и побежали к большим медным кранам, которые торчали из стены пристройки с надписью «Кипятокъ».

Аркадий не стал никого спрашивать, куда направляется эшелон: ему и так все было ясно. Гуляющей походкой добрел он до последнего вагона. Двери в нем были наглухо заперты, но зато имелась открытая с двух сторон тормозная площадка. Когда ударил станционный колокол, Аркадий стремительно поднялся на площадку, присел на корточки и прижался спиной к стене вагона.

Рявкнул паровоз, эшелон дернулся, и Аркадий подумал, что самое трудное позади. Но машинист, видимо, не спешил на передовую. Состав подолгу стоял на безымянных полустанках. Ветер продувал площадку, и некуда было спрятаться от него. Аркадий начал замерзать. Согревался он только тем, что, держась за борт с сигнальным красным фонарем, попеременно крутил руками. На короткое время становилось теплее, а потом он снова начинал замерзать.

По его расчетам, давно пора было появиться фронту, но по-прежнему не слышалось ни орудийного грохота, ни стрекота пулеметов, а аэропланы не летали, надо полагать, из-за плохой погоды. Стемнело. От усталости и холода мальчика начало клонить в сон. И он с беспокойством подумал: «А как я тут буду спать? Чем укроюсь?» К счастью, эшелон замедлил ход. «Уже фронт!» — обрадовался мальчик. При слабом свете керосиновых фонарей Аркадий прочитал на деревянном строении: «Кудьма». Название показалось знакомым. Оно вроде бы встречалось в военных сводках.

Солдаты снова стали выпрыгивать без винтовок, но с чайниками. «Видать, еще малость не доехали»,— понял Аркадий. У него чайника не было, но хотелось есть и пить. «Добежать до буфета? А если не поспею обратно?» Но он так промерз, что спрыгнул, побежал к зданию вокзала и сразу попал в буфет. Здесь было тепло. На прилавке громоздился медный самовар. А за прилавком стоял полный бритоголовый буфетчик с распаренным лицом. Буфетчик наклонился к Аркадию:

— Что для вас?

— Чай, котлету и булочку,— ответил Аркадий и, краснея, спросил: — А сколько это будет стоить?

— Пятьдесят копеек. Изволите взять?

— Изволю, — растерянно ответил Аркадий, его капитала могло хватить всего на четыре котлеты.

Он выложил серебряный полтинник, взял тарелку с котлетой и булочкой, стакан на блюдечке, отнес их к столику и принялся за еду. Он мигом проглотил котлету, откусил булочку и стал запивать чаем. Тепло разлилось по всему телу. Захотелось спать.

В этот момент ударил колокол. «Поеду следующим,— вяло подумал Аркадий.— Утром». Гуднул паровоз, и состав поплыл мимо окон буфета.

Допив чай, Аркадий вошел в темный и тесный зал ожидания, отыскал на лавочке свободное место, сел, засунул руки в карманы шинели и заснул.

Когда он открыл глаза, было уже светло. Аркадий чувствовал себя отдохнувшим и бодрым. Он вышел на улицу. До фронта, по его понятиям, оставались сущие пустяки. И Аркадий похвалил себя, что остался ночевать: где бы он в темноте нашел на передовой папу?

Поскольку обедать он собирался на фронте, из походной кухни, то у того же буфетчика Аркадий взял стакан чая, два свежих бублика и в благодушном настроении расположился за столиком, где лежала только что принесенная газета «Нижегородский листок». Откусив бублик, Аркадий придвинул к себе «Листок», чтобы иметь исчерпывающее представление, как идут дела на фронте. И поперхнулся.

На первой же странице среди маленьких в черных рамках объявлений о том, кто умер и где что продается, было крупно и броско набрано:

«ПРОПАЛ МАЛЬЧИК, АРКАДИЙ ГОЛИКОВ. ПРИМЕТЫ: КРУПНЫЙ, СВЕТЛОВОЛОСЫЙ, ГОЛУБЫЕ ГЛАЗА, ДЛИННЫЕ РЕСНИЦЫ. НА ЛЕ-

ВОЙ ЩЕКЕ УЗКИЙ ШРАМ. ОДЕТ В ФОРМУ УЧЕНИКА РЕАЛЬНОГО УЧИЛИЩА. НА ФУРАЖКЕ И НА ПРЯЖКЕ ПОЯСА БУКВЫ А.Р.У...»

Испугавшись, что его задержат и вернут, Аркадий схватил с тарелки недоеденный бублик и поспешил на улицу. К станции подходил воинский эшелон. Однако, выскочив из буфета, Аркадий заметил на платформе жандарма, а чуть подальше — второго. О том, чтобы сесть на поезд, не могло быть и речи.

«Пойду пешком»,— решил мальчик. И пока жандармы его не заметили, шмыгнул за угол вокзала и заспешил по усыпанной углем дорожке в сторону ушедшего вчера поезда.

Между тем наблюдательный буфетчик обратил внимание, как переполошился мальчик, взяв газету. В «Нижегородском листке» он без труда обнаружил объявление и выбежал из буфета, чтобы найти станционного жандарма...

Аркадий утомленно брел по лесу. Бублик давно был съеден. Во рту остался неприятный деревянистый привкус от найденных под дубами желудей. А фронта все не было. Несколько раз, полагая, что так он сократит путь, Аркадий куда-то сворачивал. Путь не становился короче, зато гуще делался лес.

Начало темнеть. Аркадий достал из кармана складной нож, отогнул самое длинное лезвие и включил карманный фонарь. По свету фонаря его и приметил лесник, который тоже возвращался со станции. Лесник привел его к себе, жена накормила чужого мальчика и положила спать на теплую печку, где спали их собственные дети.

А утром лесник ушел на станцию и вернулся на дрожках с жандармом.

— Что же ты натворил? — спросил старый добродушный жандарм, когда они отъехали от дома лесника.— Деньги, что ли, чужие взял?

— Ничего я не брал,— зло ответил мальчик.

— Куда ж ты бежал — и на поезде, и пешком?

— К папе на фронт — вот куда.

— Так фронт же,— захохотал жандарм,— совсем в другой стороне!

...Когда Аркадия в сопровождении старого жандарма привезли домой, он больше всего боялся, что мама будет корить и плакать. А мама, узнав, куда и зачем он ехал, погладила его по стриженой голове и тихо сказала:

— Светлый мой мальчик!

Робин Гуд из реального

В училище посреди года приняли новенького, Костю Кудрявцева,— высокого худого парня с постоянно испуганным выражением лица. На все реальное это был единственный «мужик», то есть выходец из крестьянской семьи.

В училище над Костей сразу стали издеваться «аристократы» — дети дворян, офицеров и наиболее состоятельных купцов.

— Заика! — кричали они ему.— Обезьяна!

Со своей сутулой спиной и несуразно длинными руками Кудрявцев и впрямь был чем-то похож на обезьяну. Однажды Костя не выдержал:

— В-вы, м-м-маменькины сынки! П-походите за сохой — от з-зари до з-зари — станете не только сутулыми — г-горбатыми!

Косте с его недетской силой, обретенной на крестьянской работе, с его цепкими длинными руками, которые давали преимущество в драке, ничего не стоило проучить обидчиков, но он никогда этого не делал — робел. Заметив как-то в коридоре, что «аристократы» пристают к Косте, Аркадий бросил:

— Кто полезет к Кудрявцеву, будет иметь дело со мной.

— У-у-у! — не открывая ртов, затянули «аристократы», но от Кости отстали.

Аркадий был невысок, сквозь темную ткань гимнастерки проступали худые лопатки. И предупреждение могло бы вызвать только смех, если бы у белобрысого, с оттопыривающимися ушами второклассника Голикова не было бы своей твердо сложившейся репутации. О нем точно было известно, что первым в драку он не полезет, но бить при нем слабого или безответного нельзя — заступится. Голикова били за это самого — не помогало...

По счастью, на книжном развале Голиков купил за двугривенный книжку про английский бокс. Прочитав ее, Аркадий вколотил над дверью в столовой гвоздь, повесил на него обмотанную веревкой подушку и начал трудолюбиво отрабатывать удары. Но подушка была слишком мягкой — и он стал вешать на гвоздь свой ранец. От ударов по твердому и жесткому ранцу обдирались и болели пальцы. Но со временем он привык — зато удар получался точным и сильным.

Как-то после школы Аркадий бежал с кошелкой в лавку и увидел: возле духовной семинарии кучка реалистов-четвероклассников неторопливо тузит Псевича — болезненного и робкого мальчишку.

— Эй, вы, отпустите Псевича! — еще издали крикнул Аркадий. На него не обратили внимания. А когда он подбежал, истязатели дружно оставили Псевича, который с плачем помчался домой, и накинулись на Голикова.

В первое мгновение Голиков оробел. Мальчишки были явно сильнее, и потом в руководстве по боксу говорилось о правилах борьбы с единственным противником. Но улица не ринг. Аркадий бросил кошелку, занял исходную позицию — нога вперед. Левой рукой прикрыл грудь, а правой для пробы ударил снизу в подбородок рыхлого парня, который явно был заводилой. Парень не устоял и опрокинулся на спину. На Аркадия бросились двое других.

Аркадий, присев, позволил им столкнуться, а привстав, ударил по скуле того, что оказался ближе, потом другого. Тем временем с земли поднялся толстый. Из прокушенной губы у него текла кровь. Он двинулся на Голикова, выставив вперед кулаки, а двое остальных вознамерились зайти со спины.

«Смелое решение всегда правильное!» — вспомнил Аркадий прочитанное в книге. И не дожидаясь, когда толстый к нему приблизится, подлетел к нему сам — и тот опять сел на снег. После этого Аркадий обернулся, двинул еще по разу тем двоим, что собирались налететь сзади, и, подобрав кошелку, не оборачиваясь, отправился по своим делам.

Среди училищных драчунов победа второклашки Голикова была расценена как случайная. «Подумаешь, какой отыскался Робин Гуд!» И через день, когда Аркадий возвращался из школы, распахнулись ворота дома, где жил купец-мануфактурщик, оттуда вывалилась ватага реалистов (среди них Аркадий разглядел тех троих), и вся банда накинулась на Голикова. Его сильно избили.

В училище утром он появился с сине-оранжевым фонарем под глазом и широкой ссадиной на скуле. В перемену Аркадий хотел остаться в классе, но это позволялось только дежурным. И он вышел в коридор. Здесь Голиков увидел, что участники вчерашнего налета, взявшись за руки, прогуливаются возле двери его класса. Заметив Аркадия, толстый громко, театрально воскликнул: «Тихо! Робин Гуд идет!» — и вся ватага с притворным сочувствием стала разглядывать синяк и царапину на его лице.

Голиков не стал отворачиваться или закрывать синяк руками. Он позволил обидчикам насладиться плодами своей коллективной победы. А затем подстерег поодиночке всех участников налета и познакомил каждого с новинкой — удар левой с отвлекающим маневром. Больше трогать «Робин Гуда» никто не осмеливался.

Учитель Галка

Кончилась зима 1916 года. Аркадий сильно запустил уроки. Сегодня вечером он собирался приналечь на историю и математику, по которым его давно не вызывали, и заметил в дневнике в графе «словесность» маленькими буквами сделанную запись: «Сдать сочинение «Старый друг — лучше новых двух». Если бы Аркадия сейчас трахнули пустым ведром по голове, это бы его ошарашило гораздо меньше. «Как же я забыл?»

Преподаватель словесности Николай Николаевич Соколов — по прозвищу Галка — задал его десять дней назад.

— Прошу не оставлять сочинение на последний вечер,— сказал Николай Николаевич.— Наш мозг обладает замечательной особенностью — он любит возвращаться к проделанной работе и улучшать ее. Сошлюсь на Николая Васильевича Гоголя. Он писал первый вариант повести и прятал рукопись в дальний ящик стола. Через какое-то время извлекал черновик, перечитывал, находил, **что** у него плохо (это у Гоголя — плохо!),— Галка засмеялся громким, каркающим смехом,— переписывал все от первой до последней строчки и откладывал опять. И так восемь-девять раз!

— Что ж, и нам переписывать девять раз?— насмешливо спросил Мелибеев, сын известного в городе врача.

— Как угодно. Гоголь был гений. В трудолюбии тоже. Просто я советую: сегодня, к примеру, составьте только план. Завтра на свежую голову план свой поправьте и набросайте, не заботясь об отделке, черновик. Дайте черновику денька два полежать, перечитайте, сделайте новые поправки и вставочки, а на другой день начинайте переписывать набело. А чтобы у вас было достаточно времени, я вам на эти дни ничего не задаю.

Вспомнив это, Аркадий заметался в узком пространстве между буфетом, диваном и обеденным столом. Посмотрел на часы, стрелки показывали без четверти восемь. Бежать в библиотеку было поздно. Да если бы даже библиотека и была открыта? Какие книги просить и когда их читать? И мальчик в который раз пожалел, что нет отца. Если даже Петр Исидорович долго находился в отъезде и только входил в дом, Аркадий сразу кидался к нему, потому что надо было прямо сию минуту поговорить, и отец неизменно отвечал:

— Хорошо, через четверть часа.

И Аркаша ждал, пока отец помоется на кухне в тазике, переменит рубашку и наденет старенький пиджак, а тетя Даша нальет ему высокую кружку дочерна заваренного чая: если отец был сильно утомлен, то сразу не обедал. И хотя лицо его было серым от усталости, он все равно улыбался и говорил:

— Ну, пороховая твоя душа, что там произошло — выкладывай!

И Аркадий, счастливый тем, что можно все рассказать, говорил со вздохом:

— Мне опять пришлось подраться.

— Каждый день у тебя одно и то же.

— Не одно. Я не виноват. Я вышел просто погулять. А Гринька с Андрюшкой начали закапывать в песок живого котенка. Он мяукал и не хотел. Я закричал: «Что вы делаете! Вас бы так!» И стал котенка у них отбирать. Они не давали. Я все же отобрал. А теперь они говорят, что это их любимый котенок и я его украл.

— Не беспокойся. Я поговорю. А сейчас возьми книжку, посиди со мной рядом, почитай, а я часок вздремну.

И пока Аркадий ходил за книгой, Петр Исидорович уже засыпал. И мальчик сначала просто сидел и смотрел, как отец спит, потому что успевал соскучиться. И постепенно мальчику делалось спокойно. Он знал: теперь опять все встанет на свое место.

«Мой лучший друг — папа,— писал Аркадий в новой чистой тетради.— Я знаю, другие мальчики, если напроказят или случится неприятность, стараются свою вину и ошибки скрыть. Я от папы не скрывал ничего. И как бы я ни был виноват, папа никогда не ругал меня, а только говорил: «Худо, Аркаша, худо!» — и это было для меня самым большим наказанием».

...Когда мама возвратилась утром с дежурства, она застала Аркадия спящим за столом. Перед ним мерцал фитилек керосиновой лампы, в которой выгорел почти весь керосин.

— Аркаша,— встревожилась мама,— почему ты спишь одетый, за столом?

— Мамочка, ты уже пришла? — обрадовался он, с трудом приоткрывая веки.— Это я писал сочинение и нечаянно заснул.

— Тоже мне сочинитель нашелся,— улыбнулась мама.— Поди умойся, попей чаю и беги в школу.

Когда Аркадий прибежал в училище, то выяснилось, что Галка заболел, но прислал записку, чтобы сочинения ему доставили домой. И появился только через неделю.

Николай Николаевич расстегнул портфель и вынул стопку тетрадей.

— Наш с вами опыт удался,— произнес он, улыбаясь.— Большинство работ я прочитал с истинным удовольствием, но одно сочинение хочу отметить особо. Голиков написал о своем отце и сделал это бесподобно.

Класс, дружно грохнув крышками парт, обернулся к Аркадию. У Голикова остановилось дыхание. А Галка продолжал:

— Я прочитал это сочинение в двух соседних классах. Оно произвело большое впечатление. Я нахожу, Голиков, что у вас есть литературные способности. А рано пробудившиеся способности — большая редкость. Не следует думать, господа, что Голиков непременно будет писателем, но если захочет, то сумеет им стать. Мне было бы приятно, Голиков, если бы вы нашли время посетить меня.

...Галка снимал квартиру в громадном доме священника Никольского.

С высокого крыльца дома, что напротив училища, выступал человек, по виду — рабочий, в солдатской папахе и запачканной мазутом шинели железнодорожника.

— Вам сюда,— сказала служанка, которая впустила его, и показала на дверь, откуда слышались ребячьи голоса.

Голиков постучался и вошел. В просторной комнате стояли: низкая софа, низкий столик, невысокие стулья, как позднее узнал Аркадий, сделанные по чертежам самого Галки. На софе и стульях, уткнувшись в книги, сидели мальчики в форме реалистов — Аркадий не был с ними знаком. А за столом расположились еще двое ребят — один в клетчатой рубашке, другой в пиджаке с подвернутыми рукавами.

А Галка сидел за письменным столом, поставленным так, чтобы видеть всю комнату. Заметив Аркадия, учитель поднялся к нему навстречу.

— Я рад, что вы у меня,— сказал Николай Николаевич.— Посмотрите, вдруг вас что заинтересует.

Вдоль стен темнели застекленные шкафы. В них стояли книги: энциклопедия Брокгауза и Эфрона, роскошные издания классики — Шекспир, Шиллер, Гете, Пушкин, Лев Толстой и много других книг в солидных и пестрых обложках. А в одном шкафу книг не было — там лежали морские раковины, словно обросшие редкой бородой кокосовые орехи, засушенные морские звезды, китайские, темного лака, шкатулки с тонкой витиеватой резьбой, позолоченная фигурка индийского бога Будды, кривой нож в деревянных ножнах, резной из слоновой кости шар и много других диковинных вещиц. Галка привез все это из дальних стран.

Соблазн прикоснуться к этим сокровищам хотя бы пальцем был так велик, что Аркадий спрятал руки за спину.

— Здесь все можно трогать и брать руками,— сказал Галка.

Аркадий схватил нож в деревянных ножнах, потянул костяную ручку. Блеснул кривой, острый, не тускнеющей стали клинок, но что делать с ножом, если ты не в лесу и даже не на берегу реки, где можно срезать хотя бы ивовый прутик?

Зато в дальнем книжном шкафу Аркадий сразу увидел «Приключения Тома Сойера» — их в Арзамасе невозможно было достать даже в библиотеке — и «Пятнадцатилетнего капитана». И хотя нельзя было читать сразу две книги, Аркадий забрал с полки обе, уселся на низкий диванчик, открыл «Тома Сойера» — и оторвался, лишь заметив, что остался в комнате совершенно один.

— Ой, который же это час? — вскочил он и покраснел, увидев, что уже начало двенадцатого. Он кинулся к шкафу, чтобы поставить книги на место.

— Я разрешаю вам взять их с собой,— сказал, входя в комнату, Галка.

Аркадий стал бывать здесь каждый день. Мама говорила: «Это неприлично»,— а он не мог ничего с собой поделать. Когда бы Голиков ни пришел, он заставал в квартире учителя пять-шесть учеников.

С Аркадием Николай Николаевич охотно и много беседовал о книгах и судьбах великих писателей. Первый такой обстоятельный разговор состоялся в тот вечер, когда Аркадий вернул «Тома Сойера» и «Пятнадцатилетнего капитана».

— Понравились? — спросил Галка.

— Очень.

— А какая больше?

— Обе одинаково,— ответил Аркадий и увидел досаду на лице учителя.— Разве это плохие книги?

— Нет, очень хорошие. Просто я надеялся, вы уловите различия. Я понимаю, вас увлекли приключения, поэтому я что хочу сказать. Романы, которые вы прочли, созданы двумя очень талантливыми и очень разными писателями. Марк Твен был продавцом газет, чернорабочим, репортером, коммивояжером и знал жизнь Америки по собственному опыту. А Жюль Верн был прежде всего кабинетным ученым. Он редко выходил из дома. Лишь в конце жизни смог позволить себе совершить несколько путешествий. Марк Твен писал о том, что пережил сам. Это относится и к «Тому Сойеру». А Жюль Верн прочел огромное количество книг о тех местах, в которых никогда не был, сделал множество выписок, составил громадную картотеку. И на основе добытых сведений создал в своем воображении истории, которые потом становились романами: «Таинственный остров», «Из пушки на Луну», «20 тысяч лье под водой».

— Значит, Том Сойер был на самом деле, а Дик Сэнд выдуман?

— В Томе Сойере много от самого Марка Твена, каким он был в детстве. А Жюль Верн действительно очень многое сначала создал в своем воображении. Когда он писал о «Наутилусе» и исследовании подводных глубин, подводные лодки еще только строились. А полететь на Луну и до сих пор пока никому не удалось.

Но я хочу обратить внимание на одно обстоятельство: Жюль Верн умел создавать такие положения и такие характеры, которые не вызывали сомнения в их подлинности. И обо всем писал с такой убедительностью и точностью, будто сам совершил полет на Луну или провел несколько месяцев в морских глубинах рядом с капитаном Немо.

— А как возникает такой дар? — спросил Аркадий.

— Одни с этим рождаются. Другие развивают.

— Его можно развить?

— Конечно. Все можно развить, как мышцы: и память, и воображение, и быстроту мысли. Но это долгий разговор. Мы к нему еще вернемся. А пока я советую прочесть из романов Жюля Верна что-нибудь еще.

Революция

Аркадий внимательно следил за газетами. Сводки с фронтов день ото дня становились хуже. Люди не могли взять в толк — за что Россия воюет уже третий год? Во имя чего погибают в окопах солдаты, во имя чего мерзнут, голодают люди в тылу?

В январе 1917 года по всей стране начались стачки. А в конце февраля в столице, в Петрограде, началась всеобщая политическая забастовка. Десятки тысяч людей вышли на улицы с лозунгами «Долой царя!», «Долой войну», «Хлеба!». Начались стычки с полицией.

Неожиданно в Арзамас перестали поступать газеты. Продолжал работать телеграф, но городское начальство распорядилось, чтобы сведения, поступающие по телеграфу, никто из почтовых служащих под угрозой увольнения не распространял. В Арзамасе стали циркулировать самые фантастические слухи.

И вдруг в начале марта, днем, площадь перед училищем заполонили толпы. Они несли красные знамена. Никаких демонстраций в Арзамасе отродясь не было. С высокого крыльца дома, что напротив училища, выступил человек, по виду — рабочий, в солдатской папахе и запачканной мазутом шинели железнодорожника.

— Граждане,— сказал он,— поздравляю вас с небывалым праздником: царь Николка, Николай Второй, который велел расстреливать рабочих в 1905 году, царь, из-за которого мы ведем никому не нужную войну, сброшен с престола. Теперь у нас будет Временное правительство!

Люди закричали «ура», мальчишки от радости засвистели. А Голиков думал: «Что теперь не будет царя — это ясно. А когда же кончится война и вернется папа?»

В городе замелькали люди в красных рубашках. Они называли себя эсерами. А затем появились другие — уже в черных. Они именовались анархистами. А кроме того, появились какие-то кадеты. И все они призывали на митингах рабочих и мужиков окрестных сел пополнять их ряды. Народ

недоумевал: какая же партия самая стоящая? Но одно объединяло всех ораторов: они дружно ругали большевиков.

— Аркадий подошел к Галке.

— За что,— спросил он,— все ругают большевиков?

— Кого же вы слушаете? — усмехнулся Галка.— Выездновских лабазников, мясников, семинаристов, которые мечтают поскорее стать попами? Вот погодите, я отведу вас вечером к нам в клуб большевиков. Вы все поймете.

— А вы разве большевик? — изумился Аркадий.

— Конечно.

В тот же день Аркадий познакомился с Марией Валерьяновной Гоппиус, которая, оказывается, много лет назад создала подпольную большевистскую организацию в Арзамасе, и с Софьей Федоровной Шер, которая ей во всем помогала. Аркадий решил, что он будет помогать Марии Валерьяновне тоже.

«Понемногу стали доверять мне»

Революция коснулась и училищных порядков.

В реальном прошли выборы классных комитетов. В своем четвертом «А» Голиков получил двадцать голосов. Его соперник Борька Доброхотов набрал только четырнадцать. И Аркадий навел порядок в классе. Он добился полного спокойствия на уроках.

Осенью Голиков организовал в своем четвертом классе рукописный журнал «Свет». Не менее половины каждого номера была заполнена его стихами и статьями.

Но лишь только Аркадий выходил из дверей училища, для него начиналась еще более напряженная жизнь. По заданию большевистского комитета он не пропускал ни одного эсеровского митинга, потому что эсеры начали приобретать влияние в уезде.

Большевики стали выпускать «Молот» — первую газету за всю историю существования Арзамаса. Редактором ее назначили Николая Николаевича. Секретарем к себе он пригласил Аркадия.

— Я не знаю, что делать. Не умею,— искренне испугался Аркадий.

— Я тоже не был редактором,— ответил Галка.— Будем учиться газетному делу вместе.

Под редакцию отвели две маленькие комнаты при типографии Доброхотова. В одной Николай Николаевич правил заметки и статьи, планировал номера, в другой Аркадий занимался подпиской, разбирал почту, вырезал из центральных газет статьи, которые считал нужным перепечатать в «Молоте».

А когда в редакции заканчивался рабочий день, Аркадий брал недавно полученную винтовку со штыком и в паре с кем-нибудь шел патрулем по городу. Контрреволюция все активнее подымала голову, и нужно было принимать меры по охране Арзамаса.

Домой Аркадий возвращался на рассвете, часа два спал, оставлял винтовку, хватал ранец и бежал на занятия в школу. Как председатель классного комитета, он не имел права опаздывать или пропускать уроки.

Со дня на день в городе ожидались уличные бои. Большевистский комитет постановил наладить в срочном порядке военные занятия для всех членов организации. Хотя Голиков в партии не состоял, ему позволили пройти обучение тоже. Аркадий учился ползать по-пластунски, окапываться, метко стрелять из винтовки.

Удар ножом

В январе 1918 года Аркадию исполнилось четырнадцать, но выглядел он старше своих лет. Ходил в черной, сдвинутой набок папахе, в солдатской, по мерке сшитой шинели, присланной отцом. Шинель перепоясывал широкий ремень, на котором висела кожаная сумка. В ней за неимением кобуры Аркадий носил маузер. Не тот, тяжелый, длинноствольный, для которого требовался деревянный футляр, а небольшой, размером с браунинг.

Маузер этот Аркадий купил на базаре у солдата с деревянной ногой.

Однажды, возвратясь из школы, Аркадий по привычке крикнул с порога:

— Тетя Даша, покормите, пожалуйста, я очень спешу!

В ответ услышал, как тетя Даша всхлипнула в кухне, а из девичьей появились все три сестры с красными, нареванными глазами и молча на него уставились.

— Вы чего? — обмер он.— Что-нибудь с папой?

Талка протянула ему надорванный конверт «А. Голикову» и листок с черепом и костями. А под черепом разнокалиберными буквами, вырезанными из газеты, было написано: «За помощь большевикам — СМЕРТЬ!»

Аркадий почувствовал, что кровь отлила от лица и в теле возникла слабость. Это был смертный приговор. Чей?! Кто его вынес?.. Но сквозь страх и лихорадочные мысли о том, что же делать, настойчиво пробивалась и другая мысль — нужно немедленно успокоить сестер и тетю Дашу. Лучше бы всего улыбнуться или даже рассмеяться, но на это у Аркадия сейчас не было душевных сил. И тогда он рассердился.

— Я побью Володьку Тихонова, чтобы он вас не пугал и не присылал таких дурацких писем. Начитался Конан Дойла и Пинкертона...

— Да кто же теперь так шутит? — возмутилась тетя Даша.

Во время обеда хлеб и картошка застревали у Аркадия в горле. Кто приговорил его к смерти? Купец Бебешин, в лавке у которого он обнаружил укороченные аршины, и купцу пришлось платить немалый штраф?.. Нет, Бебешин бы этого делать не стал. Оставшиеся на свободе офицеры из подпольной белогвардейской организации, которую он помог раскрыть? Но если бы офицеры знали, что он причастен к их провалу, они бы просто его застрелили...

Аркадий взглянул на часы. Без пяти минут шесть. Положение осложнялось тем, что к половине седьмого он должен был поспеть к Стригулинским номерам и увидеть там Софью Федоровну...

Выходить из дому не хотелось. Но дело, по которому он должен был повидать Софью Федоровну, было важным. «И потом я с ней посоветуюсь»,— ободрил он себя. К этому добавилась еще одна трудность: как выйти из дому? Хотя сестры и тетка вроде бы поверили, что анонимное письмо — глупая игра, они все же всполошатся, если он на

ночь глядя убежит из дома. «Скажу им в последнюю минуту»,— решил он.

Часы пробили четверть седьмого. Аркадий спохватился, что опаздывает. Он надел вместо шинели верблюжью курточку, теплую, но легкую, схватил папаху и остановился: брать ли винтовку? С одной стороны, конечно, стоило. А с другой — после письма это означало бы, что он испугался. А по своим многочисленным столкновениям и дракам Аркадий знал: если твой противник заметил хотя бы тень испуга — пощады не жди.

«Возьму маузер».— Аркадий достал пистолет из ящика стола, взвел затвор, щелкнул предохранителем, сунул оружие в сумку, которая висела на поясе, и сразу успокоился. Из своего маузера он еще ни разу не стрелял — берег патроны. У него их было всего двадцать штук. И где достать еще, он не представлял. Но ладный пистолет, рукоятка которого удобно ложилась в ладонь, всегда рождал чувство защищенности.

— Тетя Даша,— как можно спокойнее произнес он, выходя в коридор,— я на полчасика.

— Куда? — выбежала в коридор тетка.— Без мамы я тебя никуда не пущу.

— Я до Володьки Тихонова и обратно.— И он выскочил на улицу.

Было темно. От луны, краешек которой выглядывал из-за туч, на снегу лежали синие тени. И хотя Аркадий был тепло одет и не боялся холода, его сразу же зазнобило. Он с опаской посмотрел по сторонам, никого не заметив, припустил вдоль Новоплотинной. Затем повернул направо, миновал просторную, в этот час совершенно пустынную площадь с темной громадой собора, сбежал вниз под горку вдоль торговых рядов и наконец увидел гостиницу.

Это было тяжеловесное строение, которое больше напоминало крепость. В его окнах мерцал слабый свет коптилок. Всякий раз, приближаясь к Стригулинским номерам, Аркадий вспоминал, что к них короткое время жил Лев Толстой.

У входа в гостиницу Аркадий остановился. Сердце билось быстро-быстро — от бега и от радости, что вот он уже здесь, а с ним ничего не случилось. И не случится. Он вошел в вестибюль. Здесь толпились солдаты, крестьяне и рабочие. У дальней стены, стоя на возвышении, выступала Софья Федоровна.

Шер была комиссаром почты и телеграфа. Этот внешне малозначительный пост давал большевикам громадные преимущества. Например, Софья Федоровна первая узнала, что большевики захватили власть в Петрограде, а кроме того, на имя Шер приходили секретные грузы — винтовочные и револьверные патроны, запалы для гранат. Получение таких грузов хранилось в строгой тайне. Сегодня ожидалось прибытие нескольких ящиков. В одном из них в разобранном виде должен был поступить ручной пулемет. Аркадию поручили узнать, когда понадобятся подводы и люди.

Софья Федоровна закончила речь. Ей захлопали, но протиснуться к ней Аркадий не сумел. И тогда он крикнул:

— Софья Федоровна!

Шер повернулась в его сторону, заметила Аркадия и громко произнесла:

— Аркаша, завтра, в девять утра. Вы поняли?

И Шер повернулась к солдату, который о чем-то спросил ее. Но Аркадию надо было еще посоветоваться по поводу письма. «Поговорю в Совете»,— успокоил он себя. Поправив сумку, которая почему-то все время сползала по ремню на живот и мешала идти, Аркадий заспешил к торговым рядам.

Луну совсем закрыло тучей. На снег ложились едва приметные полосы света из окон Стригулинских номеров. И хотя Аркадий знал, что рядом много народу, внезапно ему сделалось очень одиноко, и он захотел поскорее уйти от давящей громады гостиницы. Там, где два ее крыла смыкались углом, начинались торговые ряды, освещенные редкими уличными фонарями. От них уже было близко до Совета.

Эта мысль придала ему бодрости. Он прибавил шагу — и чуть не упал: новые подковки, которые он сам прибил к сапогам, чтобы не снашивались подметки и каблуки, скользнули по льду тротуара. Он удержался на ногах, но такой пустяк — подумаешь, поскользнулся — расстроил его и показался дурной приметой.

До поворота к торговым рядам оставалось метров десять, когда от стены гостиницы отделилась тень. Она пересекла поблескивающую льдом дорожку. И в следующую секунду уже не тень, а плотная массивная фигура в малахае с опущенными ушами перегородила дорогу.

«Письмо!»

Первым желанием Аркадия было метнуться обратно, к вестибюлю — там Софья Федоровна, там люди, но он тут же понял: не успеть. И еще он знал, как беспомощен человек, который показал неприятелю спину. Между тем незнакомец в малахае стоял, широко расставив ноги. Он ждал. Значит, он шел следом от дома?

Аркадию показалось: он слышит тяжелое дыхание, словно этот, в малахае, долго бежал и резко остановился.

В темном пространстве между Аркадием и неизвестным блеснул узкий луч.

«Нож!»

Мысль заработала стремительно и четко. Сначала Аркадий подумал, что надо выбить нож боксерским ударом, но для этого нужно было вплотную подойти, а убийца в малахае был выше ростом и сильнее. Снова навалился страх. Растворялись, уходили последние доли секунды, когда он мог навязать свои действия. Внутренний голос произнес: «Притворись: ты не знаешь, кто он и зачем тут стоит. Ты не заметил, что у него в руке». И вдруг Аркадий понял: чтобы избежать удара ножом, надо... идти прямо на нож.

Напротив гостиницы стоял магазин-склад. Окна его были закрыты ставнями. Между мужиком и домом со ставнями серел узкий проход. Аркадий как ни в чем не бывало двинулся к этому проходу и увидел, что незнакомец отводит руку с ножом назад, готовя ее к удару.

И тут Аркадий метнулся резко вправо, к гостинице, где оставалось более широкое пространство. Пока бы мужик сообразил, что мальчишка его провел, пока бы поворачивался, срывался с места и набирал скорость, Аркадий успел бы вильнуть за угол, а там попробуй догони его.

Но когда Аркадий резко метнулся в сторону, его ноги заскользили почти на одном месте — новые подковки помешали спасительному рывку. Мужик в малахае сделал несколько торопливых шагов и очутился совсем рядом. Аркадия обдало запахом самодельного вина, лука и гниющих зубов. Он услышал устрашающее: «Ииых!» — словно мясник обрушивал топор на голову быка, и увидел совсем близко искаженное гримасой ненависти и страха широкоскулое лицо, ощутил сильный, колкий удар в бок, под сердце, вскрикнул: «Ай!» — и ноги его оторвались от земли. На какое-то время

Незнакомец в малахае стоял, широко расставив ноги, в руке у него сверкал нож. Аркадий понял: чтобы избежать удара ножом, надо... идти прямо на нож.

Аркадий ощутил себя в воздухе, будто он маленький и его высоко подбросили, чтобы на лету поймать, затем упал, стукнувшись затылком о лед. И потерял сознание.

В беспамятстве он пролежал недолго, потому что, очнувшись, услышал тяжелые поспешные шаги — это наверх к собору мимо торговых рядов убегал его убийца...

Слева, под сердцем, оставались тяжесть и тупая боль. Аркадию захотелось поглубже вздохнуть, но что-то мешало это сделать. Он положил на больное место руку и почувствовал, что ладони стало влажно и тепло, будто он облил ее чаем. «Откуда здесь чай?» — удивился он и поднес ладонь к глазам. Из окон гостиницы сочился слабый свет. Аркадий разглядел, что пальцы потемнели. «Это не чай, это кровь,— испугался он.— Я ранен. А может быть, убит?» — Аркадий всхлипнул и ненароком вздохнул поглубже. В боку кольнуло, но не сильно. «Я ранен, только ранен,— обрадовался Аркадий.— Нужно скорее домой...»

Он повернулся на правый бок, неловко надавив бедром на сумку. Сразу же заболел затылок. Он машинально поправил папаху и подумал, что ушибся бы куда сильнее, не будь его папаха на толстой ватной подкладке.

Аркадий встал. Снова остро кольнуло под сердцем, и теплая струйка поползла по боку вниз. Но Аркадий уже твердо стоял на ногах и чувствовал, что может идти.

«А если он ждет меня там? — вдруг подумал Аркадий.— Вернуться к Софье Федоровне?.. Я могу истечь кровью... Нет, он меня не ждет. Он думает, что убил... Иначе бы он не убежал. Нужно домой...»

...Когда Аркадий показался в дверях столовой, семья ужинала. Под потолком ярко горела керосиновая лампа с голубым абажуром. Сестры доедали овсяный кисель, а мама, розовая от холода, с веселым, оживленным лицом, наливая из самовара чай, досказывала что-то интересное.

— Явился,— осуждающе произнесла Талка.— Обещал, что вернешься через минуточку

Но мама была наблюдательнее дочки. И хотя Аркадий, войдя в квартиру, перестал держаться за бок и спрятал за спину руку, перепачканную кровью, она мгновенно заметила пятно на куртке, бледность щек и глаза сына с огромными от испуга зрачками.

— Что с тобой?! — Мама вскочила со стула.

— Мамочка, не волнуйся,— как можно будничнее произнес он.— Меня ранили ножом.— И он показал то место, куда его ударили.

Мамино румяное с мороза лицо сделалось белее скатерти. Тетя Даша выронила фарфоровую чашку, а сестры, как гусята, вытянули шеи. Внезапно мама спокойным, незнакомым больничным голосом произнесла:

— Девочки, к себе! Аркаша, на диван! Тетя Даша — таз, горячей воды, два чистых полотенца. В шкафчике у моей постели бинты и спирт.

Тетя Даша кинулась к бельевому шкафу, мама на кухне мыла руки. Аркадий расстегнул солдатский ремень с подвешенной к нему сумкой и опустил его на пол. Было больно наклоняться, поэтому, не снимая сапог, он лег бочком на диван.

Мама появилась, держа перед лицом тщательно отмытые руки.

— Тетя Даша, разденьте его и распустите ремень на брюках.

Когда сняли куртку, то все увидели, что по рубашке расплылось темное, со свекольным отливом пятно. Аркадий снова заметил на мамином лице испуг, но она тотчас взяла себя в руки.

— Не волнуйся, я с тобой.— И она осторожно приподняла запачканный край рубашки.

Аркадий поморщился: рубашка успела прилипнуть к телу.

— Извини,— спокойно сказала мама.

Она обмакнула край полотенца, принесенного тетей Дашей, в тазик с теплой водой и начала осторожно отмывать бок. Ее движения становились все увереннее. Аркадий засмеялся.

— Ты что? — испугалась мама.

— Щекотно!

Мама обхватила его за шею и заплакала.

...Нож попал в ребро и только располосовал кожу.

Через полчаса перебинтованный, в чистом белье Аркадий лежал под одеялом на том же диване, а мама поила его с ложечки чаем. Тетя Даша по такому исключительному случаю дала малинового варенья. Когда Аркадий допил чай, мама поднялась с дивана и споткнулась, чуть не разбив чашку. Поставив ее на стол, мама наклонилась и подняла с пола сумку.

— Ты что там, гири носишь?— И она запустила в сумку руку.

— Мамочка, не надо! Осторожно, мамочка!

Но мать уже вынула письмо-приговор и маузер.

— С этим письмом в кармане ты отправился к Стригулинским номерам? — спросила она. Ее глаза были полны слез.

— Я же обещал. А ты сама говорила: «Если обещал — сделай. Чего бы это ни стоило».

— Значит, ты понимал, что тебя хотят убить? — Она взяла пистолет за ствол и потрясла в воздухе.— Почему же ты не стрелял?!

— Мамочка, я забыл про маузер. И потом, как бы я начал стрелять первым?

— Но ты бы хоть вынул его, убийца бы тогда не посмел...

Часы неспешно пробили девять раз. Аркадий сел и спустил с дивана ноги.

— Тебе нельзя так резко вскакивать,—сказала мама.— Сползет повязка.

— Мне нужно идти.

— Куда?!

— В Совет.

— Ты никуда не пойдешь! Кончились твои хождения! Читай, делай уроки.

— Мамочка, мы еще поговорим. А сейчас я должен передать важные сведения.

— Хорошо. Скажи, что нужно передать, я пойду в Совет.

— Мамочка, я тебя очень люблю. И верю тебе. Но сведения секретные. Я не могу их никому доверить.

— Да ведь тебя могли уже убить!.. А если этот, с ножом, ждет тебя возле Совета?

— Не ждет. Он убежал. Я слышал.

— Хорошо. Пойдем вместе. И там же заявим. Ты возьмешь винтовку, а я пистолет. Только покажи, как из него стреляют.— И она нечаянно сдернула пальцем предохранитель.

— Мамочка, не шевелись, он сейчас выстрелит! Затвор взведен! — Аркадий вскочил и мягко вынул у нее из руки маузер.— А провожать меня не надо — меня ж засмеют.

Лицо матери стало серым. Она в изнеможении опустилась на диван, понимая, что не в силах его переубедить.

— Мамочка, я скоро вернусь. И если что по дороге замечу — тут же выстрелю в воздух. Честное слово.

— Капель... дай мне.

Морщась от боли в затылке и в боку, Аркадий налил в чашку воды из остывшего самовара, достал с верхней полки буфета пузырек и, не считая капель, плеснул из него в чашку. Запахло мятой, валерьянкой и увядшими ландышами.

Мама выпила и протянула чашку обратно.

— Возвращайся скорей,— попросила она.

...Уже ночью, когда в доме все спали, Аркадий занес в дневник: «15 февраля 1918 года. Меня ранили ножом в грудь на перекрестке... Был в Совете».

Тяжела ты, шапка адъютанта

Летом 1918 года Аркадий Голиков чуть-чуть не уехал на фронт с проходящим эшелоном.

Прошло некоторое время, и об этом сделалось известно дома. В ответ на упреки Аркадий заявил:

— Мамочка, не сердись, но я уже твердо решил.

Поплакав у себя в комнате, мама подумала, что не позволит мальчишке своевольничать, и пошла к горвоенкому Чувырину.

— Мы создаем в городе коммунистический батальон,— ответил он.— Командовать им будет Ефим Осипович Ефимов. Вы знакомы? Нет? Командиру

положен адъютант... И Аркадий не удерет ни на какой фронт под страхом военного трибунала.— Чувырин засмеялся.— Тем более, он только что принят в партию.

В понедельник военком вызвал к себе Аркадия Голикова и сообщил:

— Как член партии, хотя и с совещательным голосом, ты мобилизован и назначен адъютантом командира коммунистического батальона.

Через час Аркадию выдали новую гимнастерку, галифе, сапоги, кобуру к маузеру, сухой паек, то есть хлеб, воблу, пакетик пшена, кусок конины, и денежный аванс из расчета 250 рублей в месяц. Вечером по этому поводу был устроен торжественный ужин. Особенно радовалась мама.

Но шла война, и ничего нельзя было загадывать вперед. Ефимова внезапно назначили командующим всеми войсками по охране железных дорог страны. Вместе со своим батальоном новому командующему было приказано отбыть в Москву. А Голиков получил сразу два повышения: он стал адъютантом командующего и начальником узла связи штаба Ефимова.

— Даю тебе два часа на сборы,— сказал Ефимов Аркадию.

Голиков побежал домой, отыскал в кладовке чемодан, с которым ездил в командировки отец, кинул на дно две рубашки, синий томик Гоголя, чистую тетрадь, чтобы записывать впечатления о войне. И щелкнул замком.

Присев перед дорогой, он тут же вскочил, расцеловал зареванных сестер, обнял тетю Дашу и выбежал на улицу.

Маму он нашел в больнице, она ассистировала во время операции и вышла в марлевой маске.

— Мамочка, я уезжаю с Ефимовым,— негромко и виновато произнес Аркадий.

— Когда?

— Сейчас, через пять минут.

Мама сорвала маску с лица и принялась исступленно целовать сына, будто прощалась с ним навек. Аркадий прикоснулся губами к ее щеке, поцеловал ей лоб и глаза и вырвался, не вынеся пытки прощанием. Ведь он впервые уезжал из дома и ему было четырнадцать лет.

...В Москве, в небольшом особняке возле Арбатской площади, где располагался теперь штаб Ефимова, Аркадий вставал раньше командующего — ровно в пять. Обливался в ванной комнате холодной водой. Затем шел к телеграфистам, где брал уже рассортированные депеши.

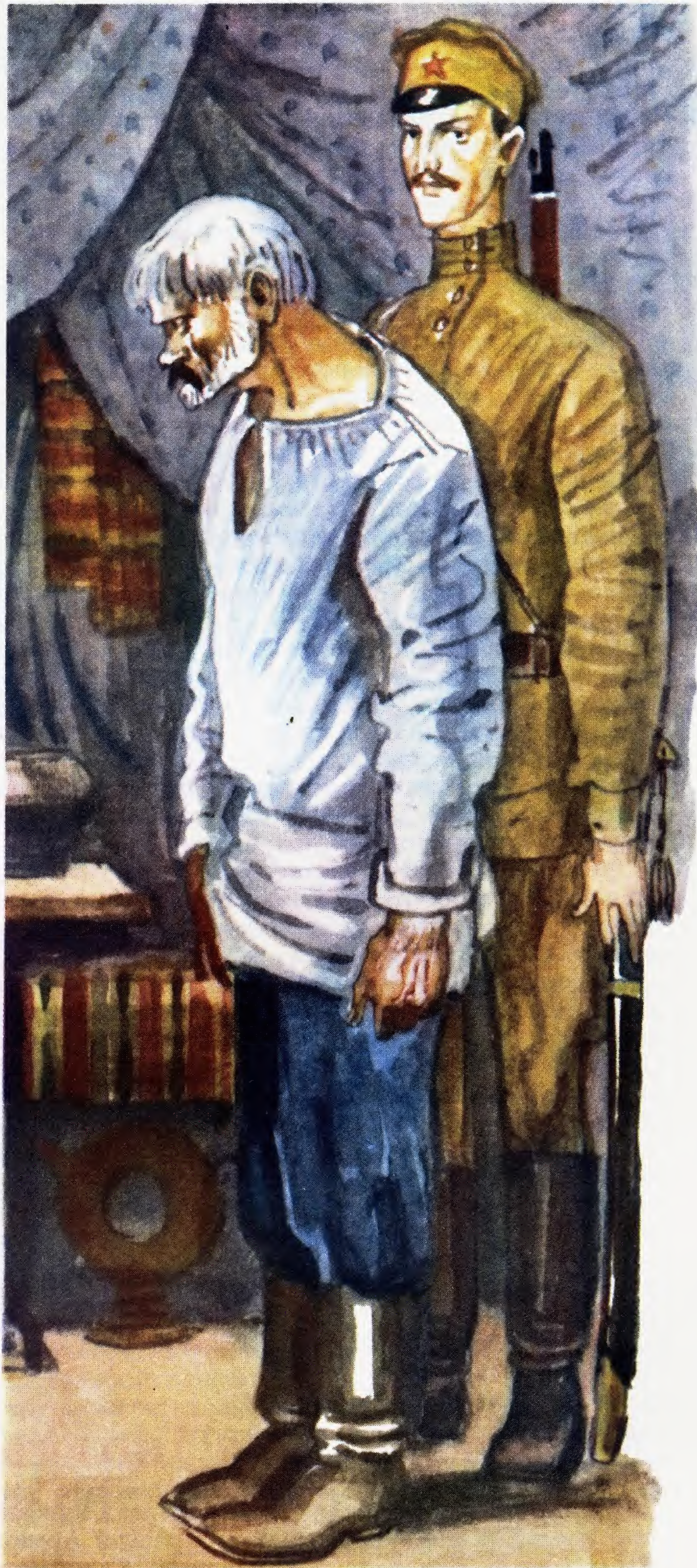
В шесть утра к себе в кабинет приходил Ефимов: розовый и бодрый от утренней гимнастики по системе Мюллера, которой он занимался много лет.

После того как Ефимов, пожав ему руку, скрывался в кабинете, Аркадий начинал волноваться и ждал вызова. Ефимов требовал от Голикова краткости, четкости и умения выделить главное. При этом он говорил:

— Аркаша, не забывай о мелочах. На войне мелочей не бывает.

Хотя еще в реальном считалось, что Голиков умеет хорошо рассказывать, Ефимов докладами Аркадия поначалу был недоволен. У командующего складывалось впечатление, что Аркадий пропускает или упускает что-то очень важное. И несколько раз Ефимов сам перечитывал все телеграммы.

— Голиков, у вас отменная память,— говорил командующий, переходя на «вы»,— но я предпочитаю, чтобы у вас четче и взвешеннее работала мысль. Вы на час раньше меня получаете сведения, но за час на фронте многое может произойти...

Мужик стоял тихо, безучастно, завернув раненую руку в подол рубахи. Казалось, его ничего не занимало.

После каждого неудачного доклада Аркадий находил время, чтобы сесть и тщательно разобраться, где он допустил промах. Вспоминать, как он краснел перед Ефимовым, было мучительно, и все же он заставлял себя переступать через эту муку, чтобы такой немалой ценой избежать замечаний на следующее утро.

Вот почему в ожидании вызова Аркадий чуть заметно шевелил губами, быстро проговаривая новости по степени их значимости и вновь проверяя

себя, не упустил ли он что-нибудь... Если Аркадий успевал эти новости про себя повторить, то уже никакие записи ему не были нужны — он все помнил: географические названия, номера поездов, количество пострадавших паровозов и вагонов, время, затраченное на ликвидацию аварии на том или ином участке громадной железнодорожной сети.

За дверью раздавался звон настольного колокольчика. Аркадий брал папку с телеграммами — на тот случай, если Ефимов пожелает сам их посмотреть,— и открывал дверь в кабинет.

Ефимов сидел под громадной, почти во всю стену картой железных дорог. На ней значками были обозначены линии фронтов, районы действия банд, которые мешали нормальному движению.

Утренние доклады Аркадия состояли из двух частей: общее положение на фронтах и обстановка на железных дорогах. Обязанности Голикова далеко выходили за рамки адъютантских. Но Ефимову недоставало грамотных людей. «Будь ты постарше, я бы и должность дал тебе повыше»,— заметил однажды Ефимов.

— По сообщению, которое поступило в четыре утра,— докладывал Аркадий,— взорван мост через реку. Как быстро он может быть восстановлен, сведений нет,— и прикалывал значок.— В пяти местах за ночь оказались разобраны рельсы. В результате потерпели катастрофу два эшелона. Один — с хлебом, другой — с войсками. Имеются жертвы. Количество не сообщается.

Железные дороги оставались беззащитными. Они тянулись на тысячи километров. И не было возможности ставить часового возле каждого рельса или каждой водокачки...

22 января 1919 года утренний рапорт прошел спокойно. Аркадий доложил, что один из отрядов охраны железных дорог разбил банду Мозгляка, а другой помешал взорвать мастерские по ремонту паровозов. Ефимов был доволен сообщениями. И когда Аркадий спросил: «Я могу идти?» — Ефимов ответил: «Обожди минуточку». Командующий открыл сейф, достал офицерский кортик в новых позолоченных ножнах, с рукояткой слоновой кости и протянул адъютанту.

— Сегодня день твоего рождения. Поздравляю. Благодарю за службу и желаю поскорее вернуться домой.

Аркадий был потрясен.

Мышеловка для Битюга

Весной 1919 года Аркадий Голиков стал курсантом Киевских командных курсов Красной Армии. Размещались они в здании бывшего Кадетского корпуса.

Когда Голиков увидел впервые полотнище с расписанием занятий, у него зарябило в глазах. В программу входили: русский язык, арифметика, природоведение, история, география, геометрия, пехотные уставы, фортификация, пулеметное дело, тактика, топография, основы артиллерии, военная администрация, политические дисциплины.

Во второй половине дня были непременно строевые учения, топографические занятия на местности, саперные работы, езда верхом, упражнения с холодным оружием и каждый день стрельба: из винтовки, пистолетов всех систем и пулеметов «максим», «льюис», «гочкис».

Классные и практические занятия с перерывом на обед продолжались в общей сложности двенадцать часов. И еще два часа отводилось на самоподготовку, когда нужно было успеть просмотреть пособия и учебники. Поэтому, когда в одиннадцать вечера звучал отбой, Голиков, как и остальные, бросался к своей койке. Через пять минут все, кроме дежурных, спали как убитые.

В шесть утра их поднимала труба, затем километровая пробежка по плацу, обтирание холодной водой, не слишком сытный завтрак — и снова четырнадцатичасовой рабочий день. Лишь в воскресенье полагался выходной.

То была двухгодичная программа офицерского пехотного училища, которую «красным юнкерам» предстояло пройти за шесть месяцев. Однако и слушателям, и преподавателям было очевидно, что вряд ли нынешнему набору удастся проучиться такой долгий срок — слишком тревожными были вести с фронта, в том числе самого ближнего, петлюровского: он проходил неподалеку от Киева...

Вскоре Голиков уже ехал в теплушке. В двух вагонах разместилось сорок курсантов. И он, Голиков, был назначен их командиром.

Последнее время на Украине развелось много банд. Особенно опасной стала банда Битюга. Объявив себя «борцом за самостийную Украину», атаман был одержим безумной идеей: уничтожить все железные дороги. Тогда, полагал Битюг, никто путей на Украину не найдет.

Битюг проявил немалую изобретательность. Он сгонял к железной дороге крестьян, приказывал им отвинчивать или отламывать на стыках рельсы, припасая для этого специально заготовленные металлические штыри. К рельсам и шпалам привязывали волов — и те стаскивали десятки метров полотна под откос.

Обезвредить Битюга и было поручено оперативному отряду Голикова.

Курсанты расположились в селе Озерцы. Оно входило в район действия банды. Днем местные жители были сдержанны, проявляли полное безразличие к отряду красных, а с наступлением темноты то один, то другой крестьянин, пряча лицо в воротник пальто или шинели, приходили тайком в дом, где квартировал Голиков, благо хозяева перебрались на время к детям. Крестьяне жаловались на бандитов: у кого Битюг забрал хлеб, у кого — корову.

— Да где же прячется ваш Битюг? — добивался Голиков.

— Да кто ж его знает? — отвечали ему.— Он с разных приходит сторон.

Отчасти это была правда. Бандитские гнезда были везде.

...На помощь курсантам пришел сам Битюг.

Рано утром Голиков взял пустые ведра и направился к глубокому колодцу, водой из которого он каждое утро обливался.

Внезапно хлопнул револьверный выстрел. Мимо колодца к забору метнулась фигура в красноармейской гимнастерке, и за кустами черной бузины началась возня. Голиков бросил ведра и кинулся на помощь курсанту, выхватывая из кобуры пистолет.

Навстречу ему из-за куста появился незнакомый мужик в серой рубахе, синих шароварах и сапогах. Правая рука его была прострелена, он прижимал ее к груди, а левую курсант Кузюмов завернул ему за спину.

— Что случилось? — спросил Голиков, пряча маузер.

— Колодец, кажись, отравил,— ответил Кузюмов.

— Веди его, Федя, ко мне.

Голиков занимал светлую чистую хату.

— Я дневалю,— начал Кузюмов.— Вижу, человек вроде крутится возле колодца. Спрашиваю: «Ты чего?» — «Водички бы напиться». Дал я ему воды. А только отвернулся, он швырк в колодец что-то и наутек. Я пальнул.

Мужик стоял тихо, безучастно, завернув раненую руку в подол рубахи и заботясь только о том, чтобы кровь не запачкала чистый пол. Казалось, в происходящем его ничто не занимало, кроме этого. Вдруг он рухнул на колени.

— Пан начальник, спаси мою дочку Оксаночку!

— Почему я должен спасать вашу Оксаночку, если вы только что пытались нас всех отравить? — возмутился Голиков.— Кстати, Федя, принеси-ка этой водички. Я бросил возле колодца ведра... Перевязывайте себе руку.— Он протянул арестованному индивидуальный пакет.

Вернулся Федя.

Голиков накрошил в блюдце хлеба, полил его водой из ведра, открыл дверь и поставил блюдце возле порога. На хлеб слетелась стайка воробьев. Они принялись дружно клевать. И вдруг заметались, вспорхнули, один тут же упал.

— При чем здесь ваша дочь? — снова спросил Голиков.— После завтрака мы могли лежать, как этот воробей.

— Пан начальник, я не хотел. Со мной сделали вот что, видишь? — Он задрал рубашку и показал спину в свежих багровых и красных рубцах.— Я все равно не соглашался. Тогда Битюг велел забрать Оксаночку. «Подбросишь в криницу чего дадим, отпущу,— пообещал он.— Не сделаешь — не обижайся». Дивчинка така молода, така гарна и дóбра. Спаси ее, начальник. А мне хоть этой воды налей — все равно.— И он опять грохнулся на пол.

Холодный пот выступил на лбу Голикова. Перед ним на коленях стоял отравитель, мужик, который согласился стать убийцей. И при этом от него, от Голикова, сейчас зависела жизнь девчонки, которой он никогда не видел и скорее всего не увидит.

— Встаньте. Где лагерь Битюга?

— Откуда мне знать? Он пришел со своими бандюками ко мне в хату.

— Почему к вам?

— Спросите у него. Я раньше Битюга никогда не видел. Староста наш, верно, подослал. Я с ним собачился...

— Что еще велел сделать Битюг?

— Чтобы я поручил тутошнему старосте, Трохимычу: чтоб сообщил в лес, коли отрава подействует.

Голиков с Кузюмовым переглянулись: курсанты потратили массу времени, пытаясь отыскать следы Битюга. А Трохимыч, маленький, проворный, без конца предлагавший свои услуги старичок, был, как нечаянно выяснилось, связником атамана.

— Хорошо. Попробуем что-нибудь сделать,— пообещал Голиков.— Федя, спрячь его,— он кивнул на мужика,— у меня тут в подполе. И никому ни слова.

Аркадий отыскал своего друга Яшку Оксюза и все ему рассказал.

— Давай трясти старосту,— выслушав Аркадия, сказал Яшка.— Ах, иуда! Пусть ведет и показывает!

— А если не покажет? Или приведет в лес, а Битюга там не будет? Или разведчики Битюга независимо от Трохимыча не спускают с тебя и меня глаз?

— Что ж, упустить такую возможность?

— Не горячись... Битюг велел всыпать отравы и сообщить, как она подействует. Для чего? Скорее всего, чтобы прийти и нас добить. Так? А что если прикинуться, будто отрава подействовала?

После завтрака десять курсантов по тайному приказу Голикова улеглись в постель. Вместо обеда командир велел кипятить чай и сушить сухари. Во второй половине дня в постелях лежало больше тридцати человек.

К вечеру, едва волоча ноги (пригодился опыт, обретенный в любительских спектаклях, когда играл стариков), Голиков отправился к старосте. Семья Трохимыча ужинала.

— Милости прошу, повечеряйте с нами,— предложил Трохимыч.

— Благодарю, мы сегодня уже плотно позавтракали,— резко ответил Голиков.— У меня позаболели люди. Есть подозрение, что нас отравили. Если оно подтвердится, разговор будет особый...— Сморщившись, словно от боли, он потер себе живот.— А пока приготовьте к утру пять-шесть подвод — повезу ребят к доктору...

— Приготовим и сенца положим,— встревожился Трохимыч.— Ишь, какая беда, а такие бравые хлопцы, такие вежливые.

...Был тот час суток, когда ночь уже кончается, а утро еще не наступило. В эту пору с двух сторон и подъехали к селу бандиты.

От леса шла та их часть, во главе которой ехал сам Битюг, недавно еще плюгавенький мужичок, разъевшийся до такого безобразия, что сам не мог сесть в седло — непременно кто-нибудь подсаживал. А с противоположной стороны деревни, от оврага, двигалась вторая половина банды под командой Карася.

Поскольку староста, прислав внучонка, заверил, что «красные юнкера» лежат по хатам в лежку, то Карась, въехав в село, жахнул в воздух из маузера... И еще, и еще... Минуты через две, не раньше ему ответило несколько винтовок. Пули пронеслись высоко над головами бандитов.

— Эй, вы, травленые, а ну выходь на середку села! Поглядим на вас поближе! — закричал тогда Битюг.

Ответом было молчание. Обе половины банды продолжали двигаться навстречу друг другу. И между ними оставалось метров двести, когда Голиков, сидя на чердаке своего дома, нажал гашетку «максима». Это было сигналом. Сразу заработали еще три пулемета, к ним прибавился меткий огонь почти четырех десятков курсантских винтовок. И занялись две копны сена.

Банда, пойманная в ловушку, заметалась под прицельным огнем.

— Предали! Нас предали! — закричал Битюг.

Уйти удалось немногим...

Утром к Голикову пришел Кузюмов.

— Товарищ командир, что делать с арестованными?

— Трохимыча отправишь в район, там его будут судить.

— А этого, который отравил?

— Его отпустим. Во-первых, он нам помог, Федя. Во-вторых, пошел он на такое дело не от хорошей жизни...

ОКОНЧАНИЕ
В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ.

ЮНКОРОВСКИЙ ПОСТ

Размышляем, **В**никаем, **С**порим

ПИОНЕРСКИЙ КАЛЕНДАРЬ

1 июня — Международный день защиты детей.

5 июня — Всемирный день охраны окружающей среды.

ВНИМАНИЕ! РЕБЯТА, СЛЕДИТЕ ЗА НАЧАЛОМ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ, КОТОРУЮ В БЛИЖАЙШИХ НОМЕРАХ ОБЪЯВЯТ ЖУРНАЛЫ «ПИОНЕР» и «ПРИРОДА И ЧЕЛОВЕК»!

8 июня — день рождения Олега Кошевого (1926—1943), одного из организаторов комсомольской подпольной организации «Молодая гвардия», Героя Советского Союза.

С того момента, как в городе начали появляться листовки за таинственной подписью «Молодая гвардия», Елена Николаевна не сомневалась, что сын ее не только причастен к этой организации, но играет в ней руководящую роль.

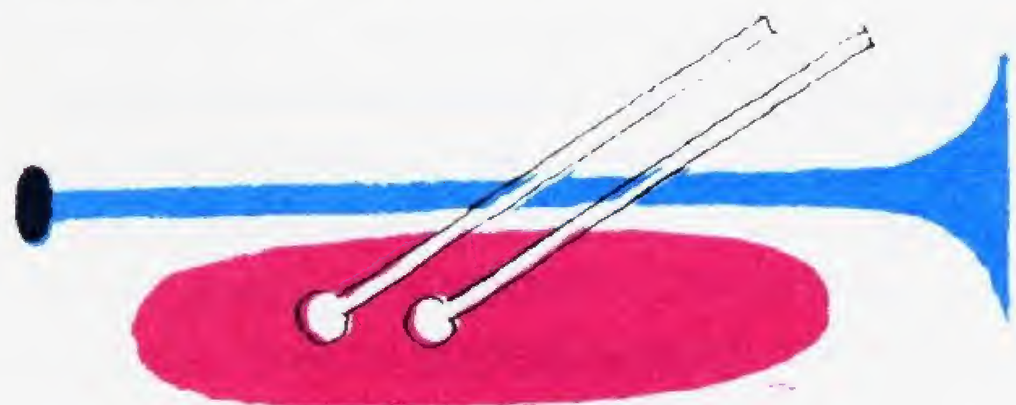
А. Фадеев «Молодая гвардия».

16 июня — день рождения Федора Ивановича Толбухина (1894—1949), советского военачальника, Маршала Советского Союза, Героя Советского Союза.

Как военачальник Федор Иванович имел две характерные для него особенности. Он, как никто, берег личный состав армии — фронта, всегда стремился добыть победу малой кровью. И второе — он обладал исключительной работоспособностью, в периоды напряженных операций по 3—5 суток не отрывался от карты и телефонов, лишая себя даже короткого отдыха.

Генерал-лейтенант П. Г. Кузнецов «Маршал Толбухин».

18 июня — день рождения Георгия Димитрова (1882—1949) — деятеля болгарского и международного рабочего движения.

СПОР-ПЛОЩАДКА

Среди многих проблем пионерской жизни, обсуждавшихся на XX съезде комсомола, прозвучала озабоченность тем, что взрослые излишне опекают ребят, а для пионерских активистов стала привычной роль послушных исполнителей.

КАКИМ ДОЛЖЕН БЫТЬ ПРЕДСЕДАТЕЛЬ СОВЕТА ОТРЯДА? — вот тема нашего сегодняшнего разговора.

Слово — членам разновозрастного юнкоровского отряда «Солярис» из города Обнинска Калужской области:

Значок отряда «Солярис».

Председатели! Работайте над собой!

Наш председатель совета отряда Слава Мишуничев справляется со своими обязанностями хорошо. До этого он был политинформатором и всегда делал интересные выступления. Но, по-моему, ему не хватает авторитета у ребят. ***А авторитет председателю совета отряда очень и очень нужен.***

Каким я вижу председателя совета отряда? Умным, решительным, верным пионерской клятве. Он должен быть зачинателем всех дел в отряде, показывать пример своими поступками. Но таких людей единицы. ***И поэтому каждый председатель совета отряда должен много работать над собой.***

Максим Разуваев, 7-й класс, школа № 9.

Есть ли среди нас командиры?

Я думаю, что в председатели надо выбирать по заслугам и поступкам. ***Командиры должны быть честными, справедливыми, смелыми, активными, уметь организовать ребят и хорошо учиться.***

В нашем отряде председатель — девочка. Она хорошо учится, довольно активна, честна, но мне кажется, у нее маловато организаторских способностей. Каждый год выбирают именно ее, потому что считают: лучше кандидатуры нет. Но это не совсем так. Иногда нам кажется, что наши школьные товарищи мрачны и угрюмы и не годятся в командиры. Но на самом деле мы даже не пытаемся поближе узнать тех, кто учится рядом с нами.

Ребята! Приглядитесь получше к своим товарищам, среди них есть достойные кандидаты в командиры.

Аня Стакина, 6-й класс, школа № 2.

Одно целое

Председатель совета отряда — это лидер. За ним должен идти и равняться на него весь отряд.

*Когда я был председателем, то, наверное, был лидером, но я не соответствовал другим параметрам... **Председатель не только руководит, но и помогает проводить работу. В председатели надо выбирать человека достойного занять любой пост в отряде.** Но это не значит — выбрали председателя и свалили всю работу на него. Каждый пионер должен выполнять какие-то поручения.*

Миша Фурминский, 7-й класс, школа № 8.

ОТ ЮНКОРОВСКОГО ПОСТА: Ребята! Расскажите нам о своих командирах. Какими качествами пионерский активист должен обладать прежде всего: послушанием или выдержкой? Умением организовать ребят или умением придумать дело?

Мы ждем ваших писем с пометкой **«Пионерский активист».**

ОТРЯДНАЯ КОПИЛКА

Значок отряда «Синий краб — зюйд».

Если ты хочешь стать барабанщиком, то за долгое доброе лето ты успеешь научиться барабанить. Как это сделать, сегодня расскажут тебе члены юнкоровского отряда «СИНИЙ КРАБ — ЗЮЙД» из города Симферополя.

Как стать барабанщиком

ТОМУ, КТО ХОЧЕТ СТАТЬ НАСТОЯЩИМ БАРАБАНЩИКОМ, нужно знать несколько правил. Настоящий барабанщик начинается не с лихой дроби. Даже не с красивого строя. Настоящий барабанщик **начинается с характера,** а значит, он должен быть **ответственным человеком, хорошим товарищем.**

Барабанщик должен **знать и должен уметь исполнять пионерские ритуалы:** ритуал линейки, сбора, походного строя.

Если в вашем отряде, дружине несколько барабанщиков и они выбрали командира, **учитесь понимать его команды, исполненные на барабане.** Единые, всем понятные команды поддерживают дисциплину. Самые первые команды: «Внимание!», «Смирно!», «Вольно!», «Барабанщики, марш!».

Часто бывает, что перед очередным сбором старшая пионервожатая (или старший пионервожатый) ищет ребят, умеющих барабанить, и быстренько раздает им барабаны. Сегодня одним, а завтра другим. От такого формального подхода страдает только общее дело. Барабанщиков надо выбирать на сборе и доверять им барабаны.

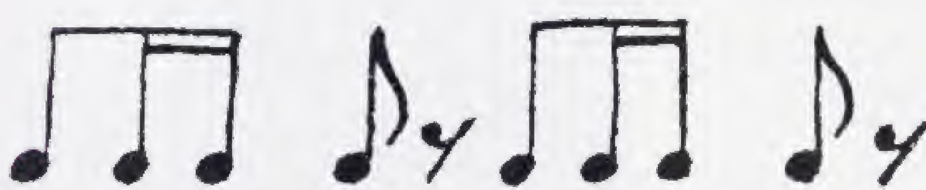
Когда мы выступаем перед барабанщиками разных дружин города, нам иногда задают смешные вопросы. Например, нужно ли для барабанов специально оборудованное место? Конечно, нужно. Барабаны нельзя свалить в кучу в углу пионерской, они должны **храниться в специально отведенном месте.**

Сергей Шевченко,
командир отряда,
яхтенный рулевой, 14 лет.

Практические советы барабанщику

Дорогой друг! Ты взял в руки барабан и палочки. С чего начать учиться? С тех маршей, которые требуются для сборов и линеек. Марши эти простые, состоят из похожих элементов, но звучат они по-разному. Каждому слову в марше, каждой ноте соответствует удар.

Сигнал «Построение» начинается так:

Слово «бей» — удар правой палочкой, «ба-ра-бан» — правой-левой-правой. Запятая обозначает паузу. (Смотри ноты.)

Теперь **«Малый Суворовский» марш.** Под него легко шагать в походе. Почти все элементы этого марша мы только что разучили. Осталось разобраться, как его играть:

Для выноса знамени, для торжественных моментов необходим **«Марш комсоргов».** (Смотри ноты.)

Запомни слова и порядок ударов и только тогда начинай играть. Пробуй барабанить в разных темпах, с разной скоростью. Но помни: **на линейке темп игры должен соответствовать темпу шагов.**

ИГРАЯ «БАРАБАН» и «БАРАБАНЩИК», МЫ ВСЕГДА НАЧИНАЕМ С ПРАВОЙ РУКИ.

Юнкоровский отряд «Синий краб — зюйд» желает тебе успехов!

От имени отряда
Артур Пинчук,
командир отрядной
группы барабанщиков,
пионер-инструктор, 12 лет.

Построение

бей, ба-ра-бан, бей, ба-ра-бан, бей, ба-ра-бан, ба-ра-бан, ба-ра-бан

Малый Суворовский

бей, ба-ра-бан-щик, ста-рый ба-ра-бан-щик, бей, ба-ра-бан-щик, раз-два раз-два

бей, ба-ра-бан-щик, ста-рый ба-ра-бан-щик, бей, ба-ра-бан-щик, в ба-ра-бан

Марш Комсоргов

раз, два, три, бей, ба-ра-бан-щик, бей,

бей, ба-ра-бан-щик, ста-рый ба-ра-бан-щик, бей, ба-ра-бан-щик, бей

ЮНКОРЫ! ОБЩИЙ СБОР!

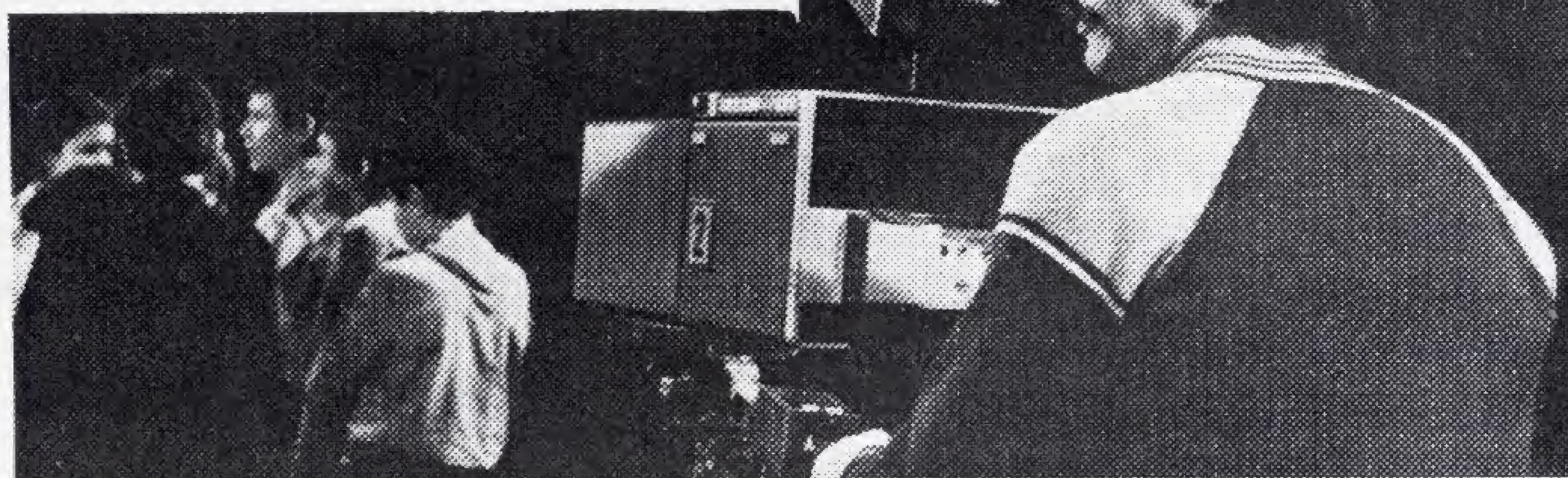
Недавно самых активных юнкоров нашего поста «РВС»: членов отряда «Солярис» из Обнинска, совет дружины московской школы № 57 и Кировский районный пионерский штаб Москвы — пригласили на Центральное телевидение.

В передаче «Отзовитесь, горнисты!» зазвучали страницы «Юнкоровского поста «РВС».

Ребята спорили, размышляли о жизни пионерских дружин и отрядов, пели и играли, а их в это время не только снимали телеоператоры, но и фотографировал юный фотокорреспондент, четырнадцатилетний Олег Коровин, который занимается в фотокружке Московского городского Дворца пионеров и школьников.

А теперь — ВНИМАНИЕ ВСЕМ ЮНКОРОВСКИМ, ПИОНЕРСКИМ ШТАБАМ И ОТРЯДАМ!

Самые активные юнкоровские объединения страны, которые регулярно выполняют все задания «Юнкоровского поста «РВС», в декабре этого года будут приглашены на Центральное телевидение тоже.

ВЫЗОВЕМ МАРСИАН ИЛИ ВСЕ РЕШИМ САМИ?

Если кто-то из вас, ребята, прочитав в названии — «Вызовем марсиан...», подумал, что речь пойдет о фантастике,— заблуждаетесь. Но не бросайте чтения. Может быть, этот разговор, хотя он и о делах вполне реальных, вас заинтересует.

Сейчас лето, в пионерских лагерях в разгаре первая смена, а мы как раз о жизни в лагере и предлагаем вам подумать.

Когда-то, единственный раз, и я побывал в лагере. Было это давно, сорок лет тому назад, в первом мирном послевоенном году — 1946-м.

Этот лагерь я запомнил. И не потому, что детская память крепкая. Что хорошо помнится? Сильные чувства, яркие впечатления. Помню, как провожали отца на фронт. Как бомбили город. Помню холод и голод, слезы женщин, получивших «похоронку», в их числе и моей мамы. Этого не забудешь!

Помню отлично и радости. Одна из них пришла в весенний день, когда мы по лужам и грязи почти два километра бежали из школы домой и всю дорогу кричали: «Капитуляция! Победа! Ура!!!» Вторая радость случилась летом следующего года: поездка в пионерский лагерь.

У нашего, по тем временам большого, города был только один лагерь, на берегу Волги. Почему мне дали путевку? Скорее всего потому, что в первую очередь туда отправили ребят, у которых отцы погибли на фронте.

В нашем лагере была баня! Баня с настоящим мылом и чистое белье. И почти вдоволь каши и хлеба, да раз в неделю — леденцы. Хорошо помню сенокос, ржаное поле и купание. Не раздельно это помню, а вместе. Лето 1946 года было страшно жарким — засуха. Мы много работали в колхозе: сено сгребали, картошку окучивали, колоски собирали, в ночные дозоры ходили. Уставали здорово, зато потом и купались много, а вечером заработанную картошку бросали в костер и пели песни под гармошку Коляныча.

Так мы звали Николая Ивановича — фронтовика-инвалида, он был у нас и комендантом, и баянистом, и физкультурником. Он мог делать все: починить наши сандалии и отремонтировать табуретку, знал лесные травы и цветы, различал голоса птиц. И был на всю округу — единственный мужчина. Не помню, были у нас вожатые или нет, а вот Коляныч был, и навсегда в памяти остался.

Не стал бы я сейчас все это вспоминать, если бы не один случай. Летом прошлого года в подмосковном лагере «Имени А. Ю. Малинина» на встрече с ребятами я сказал им, что мне не нравится, как они живут. Неинтересно.

— А чего тут может быть интересного? Отдыхаем,— ответил за всех один мальчик.— А как было в ваше время?

Я рассказал то, что и вам сейчас рассказывал. Но наш разговор на этом не закончился. Он продолжился в других отрядах, а затем и еще в одном подмосковном лагере — «Жемчужина». Это был не просто обмен мнениями, а конкретные вопросы и ответы, устные и даже письменные, которые задавали друг другу знающие дело и заинтересованные в нем люди.

Я считал, что многое знаю о пионерском лагере: что и как делать взрослым, как жить детям... Считал так потому, что побывал во многих лагерях, да что там побывал, много лет сам работал начальником одного из них. Читал и думал о лагерной жизни, планировал и организовывал ее. Но прошлогодняя беседа привела меня к мысли, что мы, взрослые, делаем серьезную ошибку, когда порою одни, без истинных хозяев, самих пионеров, обсуждаем и решаем, как им жить. Справедливо ли, что мы говорим о вас, ребята, без вас?

Вот мы и предлагаем взрослым и ребятам, всем вместе, провести на страницах журнала «Пионер» БОЛЬШОЙ ПИОНЕРСКИЙ СОВЕТ, пусть заочный: «КАК СДЕЛАТЬ ЖИЗНЬ В ЛАГЕРЕ БОЛЕЕ ИНТЕРЕСНОЙ?»

Мы, взрослые, делаем первый шаг: помещаем в этом номере журнала специальную анкету с вопросами. Они продолжают разговор с ребятами

двух подмосковных лагерей: «Имени А. Ю. Малинина» и «Жемчужина». Следующий шаг — за вами, ребята...

Мне остается только чуть-чуть помочь вам. Поподробнее познакомить с тем, о чем мы тогда уже размышляли. Я отобрал некоторые вопросы, а ответы ребят объединил, и получился как бы коллективный ответ.

Итак, первый вопрос простой: **«Что тебе больше всего понравилось в лагере за эту смену?»**

Ответов много. Некоторые из них короткие, но уверенные: «Все понравилось!»

Затем идут конкретные уточнения: «Мне понравился день Берендея», «...день Нептуна», «...карнавал», «...дискотека», «...огонек», «...спортивные дела», «...ярмарка», «...игра «Что? Где? Когда?», «...конкурс «А ну-ка, девочки».

Лишь немногие отметили: «Вечер политической песни», «...день антивоенных действий», «...занятия в кружках», «...отдельные отрядные или дружинные дела»...

Почему лишь немногие об этом сказали? Может, ребятам не дали возможности самим активно готовить эти вечера и дела? Или по другим причинам они прошли плохо? Или ценность вечера политической песни для некоторых ребят ниже, к примеру, карнавала? И то, и другое, и третье. У каждого свои основания.

В чем ребята, безусловно, убедили меня? Жить в лагере им было интересно, он им понравился.

Ответов на вопрос: **«Ну, а что тебе меньше всего понравилось в лагере?»** — оказалось совсем мало. «Мне не понравилось, что не было «Зарницы» и турпохода», «...не ездили на экскурсии», «...мало ходили в лес», «...принудиловка в отрядных и дружинных делах», «...у нас был несплоченный отряд, раздоры между мальчишками и нами чуть ли не каждый день...».

А вот хотя и сердитое, но откровенное мнение «старожила» лагеря — пионера 1-го отряда: «Мне все не понравилось. Было скучно. Много обещали, да мало сделали: дискотека редко, фильмы плохие, зато каждый день ЗПД по уборке фантиков. А мы приехали отдыхать!»

Тут я задал свой следующий вопрос: **«А зачем, собственно, ребята едут в лагерь?»**

Я знаю, что все с радостью ждут летних каникул, хотят в свободное от школы время заняться спортом, творчеством в кружках, рыбалкой, прочитать любимую книгу, вдоволь наиграться, найти новых или встретить прежних друзей, побыть побольше с родителями, испытать себя в незнакомых условиях, научиться чему-то полезному и т. д. В общем, у каждого свои ожидания, связанные с каникулами и с лагерем. Но совпадают ли эти ожидания с тем, что происходит на самом деле? Ответов на такой вопрос получается примерно равное количество, но каждый пятый при этом молчит, потому что ничего определенного сказать не может.

Ясно: в лагерь ребята приехали, конечно же, отдохнуть. Лагерь помогает снять усталость учебного года. Но одновременно он, словно большой аккумулятор, работает и на «зарядку», позволяет ребятам набраться сил и бодрости, спокойствия и знаний.

Можно ли этого достичь, если все время отдыха посвятить развлечениям, каждодневным дискотекам, «балдежу» и «трепу», бездумному веселью?.. Я понимаю отдых как переключение с одного дела на другое, как смену занятий, переход от умственной к физической работе и наоборот. Лагерь-то как раз и создает условия для такой организации отдыха, а отдых тоже нужно организовывать. И так умело распределять время, чтобы сделать и узнать все то, что не удается успеть в дни школьных занятий.

Для городских ребят жизнь в лагере дает возможность приблизиться к природе, увидеть вблизи цветущие поля и луга, почувствовать особый запах леса и услышать его звуки. Разве в городе можно понять удивительную красоту утренней росы на траве, восхода или заката солнца, прозрачности и свежести воздуха?

Правда, и в лагере можно день-деньской смотреть кино или телевизор, возиться или заниматься, пусть даже увлекательной, игрой или выпуском газеты, но внутри дома. А в лагере нужно стремиться пойти в лес, там провести игру, познавательную или подвижную, но на свежем воздухе.

Часто же знакомство с лесом, природой ограничивается проведением отрядного «планового мероприятия»: «прогулка в лес».

Такую «прогулку» вспоминают и в лагере «Имени А. Ю. Малинина»: «Шли мимо поля... На ходу срывали стебли почти созревшей пшеницы... Шелушили колоски — пробовали на вкус зерна».

Я сам пошел с ребятами в лес. Спрашиваю их: «Что это за растение?.. «Трава... корм скоту... кажется ...овес?»

Называют лес «зеленым другом», а отличить рябину от березы не могут. Задают мне вопросы: «А чем елка от ели отличается?» Или: «Как эти кусты и цветы называются, а как те? Чем отличаются ядовитые ягоды и грибы от полезных?» Зачем же тогда считать отрядным делом «прогулку в лес», если ничего о лесе не узнавать?..

Лагерь не школа, разве обязательно в лагере что-то узнавать, чему-то учиться? Вот я и спросил: **«Чему-то полезному вы научились в лагере?»**

Ребята откровенны: «Не знаю, чему научился», «Ничему не научился». А кто-то уверенно сказал: «Я научился новым песням и танцам», «...плести макраме», «...делать сувениры, поэтому теперь, когда я пойду к другу на день рождения, мне уже не надо будет покупать подарок!», «...фотографировать», «...играть в пионербол», «...проводить политинформацию и отрядную линейку», «...научился ремонтировать тумбочку»... И самое, на мой взгляд, важное: «научился дружить», «...жить по расписанию», «...лучше относиться к своим товарищам», «...уважать взрослых и помогать подшефным», «...понимать, кому надо верить, а кому нет»...

Такие ответы меня радовали: за одну лишь смену многое можно получить для себя: окрепнуть, вырасти физически и духовно, приобрести новый жизненный опыт, получить новые знания и умения.

Но почему только для себя?

А что сделали, отдали для других? — это еще один вопрос. И тут я хочу вернуться к тому, что сказал один мальчик: «Научился ремонтировать тумбочку».

Он ведь не только **научился,** он **отремонтировал.** Вот теперь и сравните его труд с трудом того мальчика, который говорил: «Скучно... каждый день ЗПД по уборке фантиков»... Во время отдыха он сделал полезное дело и для себя, и для других. Пример простой, но он показывает, что в лагере можно не только фантики собирать.

В одном из лагерей, о которых идет речь, есть огород, но он зарос сорняками. Шло строительство спортзала, но и там ребят не было видно. Рядом с лагерем совхозное поле и деревня, где живут престарелые люди, но и туда тимуровцы не заглядывали. В кладовках лагеря — горы сломанной мебели, и лишь один «умелец» отремонтировал тумбочку. Чем же занимаются кружки «Умелые руки»? Кружки «Домоводство» и «Модная одежда» есть, а стол в столовой красиво накрыть дежурные не могут. У многих ребят неопрятный, неряшливый вид: оторваны карманы и пуговицы, «изжеваны» галстуки и рубашки... А в «родительский день» несут пионеры мамам пакеты с грязными платками и носками, если до этого в мусорку не выбросили — дома, мол, постирайте. Можно ли в лагере научиться обслуживать себя? Да! Почему же в лагере дети живут на иждивении, как в доме отдыха?

Может быть, взрослые в этих лагерях должны были подсказать кое-что ребятам? Не спорю. Ну, а сами ребята почему бездействуют? Где же их активность, самостоятельность?

Вот на дружинной доске, рядом со схемой «Зона пионерского действия», вижу списки пионерского актива: совета дружины, различных штабов, постов, комиссий. А вот и лозунг: «Лагерь — твой дом, и ты в нем хозяин!» Выходит, все это только на бумаге. Выбираем органы пионерского самоуправления, но далеко не все дела организуем сами. Ждут ребята, когда за них все сделают вожатые. А ведь **«ТЫ В НЕМ ХОЗЯИН!»** Теоретически ребята правильно понимают пионерское самоуправление, а на практике что-то не то получается. Может, мы, взрослые, чем-то мешаем?..

Если суммировать все высказывания моих собеседников, то в первой части они сводятся к следующему: пионерское самоуправление — это когда сами планируем, сами организуем, сами выполняем, сами подводим итоги сделанного. Но есть еще и вторая часть: это когда делаем «без помощи взрослых», «взрослые не мешают», «все руководящие посты в лагере занимают дети», «пионеры управляют лагерем»...

Я-то всегда считал, что взрослые в лагере не лишние, думал, что не «без взрослых», а вместе со взрослыми, в сотрудничестве с ними можно управлять лагерем и осуществлять в нем пионерское самоуправление.

Значит, наши взгляды расходятся? А что, если я не прав?

Чтобы получить более обстоятельный ответ и на этот вопрос, я попросил ребят подумать не спеша и высказать свое мнение письменно: **«Что сделал бы я для ребят, если бы был начальником лагеря?»**

Когда я их все прочитал, у меня сложилось ТРИ КОЛЛЕКТИВНЫХ ПОРТРЕТА начальника. Вот они.

ПЕРВЫЙ — расточительный начальник (так я его назвал), ибо он

в каждую палату поставил бы телевизор, ввел бы шестиразовое питание, построил бы два бассейна (замечу, что в этом лагере один уже есть), сделал бы крытые переходы между корпусами, настроил бы каруселей, аттракционов, теннисных кортов, расширил бы территорию и завел зимний сад.

Почему я назвал этого начальника расточительным? Не только потому, что его проекты стоят больших денег, а еще и потому, что время ребят расходовалось бы на то, чем можно заняться и в городе.

ВТОРОЙ — легкомысленный начальник, ибо он: сделал бы отбой в 23.00, а подъем в 9.00, разрешил бы через день дискотеку до полуночи, открыл бы бар-дискотеку или запустил бы лучшие записи дискомузыки по радио, отменил бы все линейки, зарядки, работу в поле и вообще: больше отдыха от всех дел, а в выходные дни — только телевизор.

Этот начальник стоит на позиции: лагерь — развлекательная площадка. Ребята у него за смену не только ничего нового не узнают, но и устанут, не отдохнут как следует перед учебным годом.

ТРЕТИЙ — разумный начальник, так как он: организовал бы больше походов и экскурсий, водил бы ребят в лес встречать рассвет и заход солнца, научил бы всех правильно танцевать и делать ритмическую гимнастику, организовал бы ребят на озеленение лагеря, постарался бы сделать ребят дружными, а вожатых добрыми, а главное, научил бы детей предлагать и организовывать свои дела самим...

Этот начальник не только большую заботу о детях проявляет, он хорошо подметил и то, что в лагере должно быть, но почему-то не делается.

Читал я эти ответы и думал, что обязательно нам, взрослым, начальникам и вожатым, родителям и учителям, надо советоваться с пионерами. Я также подумал еще вот о чем: мне, пионеру первого послевоенного лагеря, ни за что не ответить бы на мои сегодняшние вопросы к ребятам. Никто из нас послевоенных мальчишек, не смог бы себя представить в роли начальника. Нам тогда все казалось прекрасным. У нас не было других примеров, не было выбора, не было опыта.

Ведь из тех ребят, которые писали эти сочинения, **каждый второй за свою пионерскую жизнь в лагере был не менее 10 раз (смен).** Замечу при этом, что среди вожатых этих лагерей **каждый** второй работал в лагере **лишь первый год,** большинство из них производственники: рабочие, инженеры, служащие. Пионеры о жизни и работе отряда и дружины лагеря в целом знали значительно больше, чем они.

Конечно, в некоторых ответах ребят есть ирония и шутка, есть наивные и легкомысленные предложения, не все готовы что-то решать за начальника, и тогда пионеры зовут на помощь... Кого? Вот тут-то я и хочу пояснить, почему наш рассказ так фантастически называется.

В одном из сочинений было написано: «Если бы я был начальником лагеря, я бы вызвал марсиан, чтобы они ответили на вопрос: что мне делать с детьми в лагере?»

Надо ли вызывать марсиан или мы сами в состоянии разобраться в делах лагеря? Давайте попробуем сами. Предлагаю всем читателям «Пионера» принять участие в нашем БОЛЬШОМ ПИОНЕРСКОМ СОВЕТЕ. Сто пятьдесят советчиков — хорошо, а почти два миллиона — лучше.

Присылайте в редакцию письма. Ждем ваших ответов на вопросы:

1. Что тебе в своем лагере **больше** и **меньше** всего нравится?
2. Хотел бы ты поехать в лагерь со всем классом? Всей школой?
3. Есть ли в пионерском лагере такие интересные дела, которыми ты не можешь заниматься в школе? Какие это дела?
4. Если бы ты был начальником лагеря, что ты сделал бы для ребят? Организовал бы занятия трудом каждый день (через день, раз в неделю)? Проводил бы для ребят спортивные соревнования, игры? Составил бы новый режим дня и распорядок лагеря? (Какой?) Дал бы больше самостоятельности пионерам? (В чем?) Что еще бы сделал?
5. Какие дела в лагере совет вашего отряда или дружины мог бы провести самостоятельно, без взрослых? (Спортивную встречу; трудовой десант; пионерскую линейку или сбор; веселую игру, конкурс?.. Что еще?)

Сколько дней в лагере ваш отряд мог бы прожить без вожатого? (Один, два дня, неделю, всю смену или же ни часу и ни дня?)

Не забудь нам написать: как тебя зовут?
В каком классе ты учишься?
Где ты живешь: в городе, селе, деревне?
Сколько раз ты уже был в лагере?
На конверте поставь девиз: «Пионерский лагерь».

Е. М. РЫБИНСКИЙ,
кандидат педагогических наук.

Рисунки Н. ШЕВАРЕВА.

Слово о друге

Попробуйте разыскать в библиотеке «Приключения капитана Врунгеля» — вас постигнет неудача. Книга эта в библиотеке, конечно, есть, и не в одном экземпляре, но все они на руках, все у читателей. Не отчаивайтесь — займите очередь. Может быть, через недельку-другую вы получите эту удивительную книгу, которую с первых же страниц начнете читать взахлеб, а когда прочитаете, то станете горько жалеть, что книга так быстро кончилась.

Написал знаменитую книгу Андрей Сергеевич Некрасов. В эти июньские дни ему исполнилось бы 80 лет... Еще совсем недавно, в минувшем феврале, старейший член редколлегии «Пионера» писатель Некрасов словом и делом помогал журналу, работал с молодыми авторами. А сегодня его уже нет...

Но книги продолжают жить. В этом году у «Приключений капитана Врунгеля» юбилей — им 50 лет. И «Пионер» гордится, что впервые эта повесть была напечатана именно на его страницах.

Как написался «Врунгель»? А очень «просто». Андрей Сергеевич, во-первых, был моряком, а во-вторых, очень остроумным человеком, которому чувство юмора никогда не изменяло. Вот из этих-то двух компонентов, скрепленных талантом писателя, и получилась книга.

А вообще-то никакая книга не вместит того, что создал Андрей Сергеевич для «Пионера», ведь по заданию журнала писатель объехал весь Советский Союз и из каждого такого путешествия привозил заметки, очерки, рассказы. И они тоже гордость журнала.

Почти шестидесятилетняя дружба связывала Андрея Сергеевича с «Пионером». Сегодня мы можем с полным правом назвать писателя Некрасова классиком советской детской литературы. Он стоит в одном ряду с выдающимися писателями-«пионерцами», теми, кто составляет ядро отечественной литературы. Многие из них были друзьями Некрасова.

Уже в самые последние дни жизни Андрей Сергеевич передал в редакцию свой рассказ «Политическая ошибка», который мы здесь публикуем.

А. НЕКРАСОВ

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ОШИБКА

Когда Советская власть только-только утвердилась на нашей земле, тогда и взрослые не все, и не сразу, разобрались, что к чему. А про нас, ребят, и говорить нечего. Мы одно поняли: теперь свобода, настоящая!

А раз свобода, да еще настоящая, значит, все можно. Хочешь — сиди в классе, учи «Марсельезу» по-французски, а не хочешь... Кто ж теперь удержит? Беги в Александровский сад, благо близко, и хоть дотемна смотри, как новобранцев учат штыковому бою. «Вперед коли, назад прикладом бей!» Здорово!

Многие учителя куда-то пропали. А те, что остались,— старались, как могли, но, все равно, не справлялись с нашей шумной ватагой. Отцам не до нас было, они сражались на фронтах, а мамы, конечно, не хотели мириться с таким положением. То одна, то другая подолгу сидели в кабинете бывшей хозяйки гимназии, а теперь директрисы школы. Они встречались в коридорах, заходили в столовую, а то и в классах сидели, пока шел урок. Все круче и круче пытались они обуздать нашу школьную вольницу. И до нас дошло, наконец: за свободу нужно бороться!

А с мамами как поборешься?

Москва в те дни была пестрой от лозунгов. И сами лозунги были пестрые. Одни, как набат, звучали боевыми призывами, другие тихо манили в сторону от больших дел. Помню, например, возле нашего дома, через всю улицу висел лозунг: «Долой рукопожатия!» Не знаю, кто его повесил и зачем, зато помню, что именно он подсказал, как бороться с мамами. Лозунг — вот наше оружие! И скоро лозунг родился: «Долой мамаш из гимназии»,— призывал он скромно, но твердо. Мы тогда уже были трудовой школой, но, по привычке, называли свое учебное заведение «гимназией».

Сперва потихоньку, в уголках, в коридорах, таясь, как заговорщики, шепотом сообщали мы друг другу свой лозунг. Потом громче, открыто, вслух. И наконец кому-то пришла в голову идея обнародовать наш лозунг, чтобы все его знали. Перекинувшись мыслями на переменках, мы быстро выработали план, создали оперативную группу и приступили к осуществлению нашей затеи. Я был самый маленький в классе, и потому, вероятно, роль главного исполнителя выпала на мою долю.

Школа наша помещалась в старинном барском доме с колоннами, построенном в стиле «ампир». Над колоннами был мезонин с низкими окнами, а над ним широкий фронтон, венчающий здание.

На этом фронтоне мы и решили увековечить свой лозунг. Трудности в этом деле предстояли немалые. В те дни в Москве достать что-нибудь нужное было почти невозможно. Но нам повезло: мы разжились длинным концом толстой веревки, нашли малярную кисть и худое ведерко, залепили

*Мы с Поликсеной Ниловной стояли на школьном дворе как раз против фронтона с нашим «лозунгом».
— Как тебе нравится то, что тут написано? — спросила она.
— Нравится,— ответил я, все еще готовый к отпору.*

его оконной замазкой... Раздобыли четверть стакана фуксина в порошке. Этим можно было весь фасад покрасить, а нам и подавно хватало. Осталось одно препятствие: дядя Алексей.

Лишившись двух пальцев и правого глаза, он еще при царе был вчистую уволен с флота и поступил швейцаром в гимназию. Это был наш друг и утешитель в горькие минуты, которые случались у каждого из нас. В сапогах, в жилетке, из-под которой торчала косоворотка в горошек, в вечном картузе он был не на матроса похож, а на деревенского лавочника. Но мы часами готовы были сидеть в его крошечной каморке под лестницей, где приятно пахло дегтем, махорочным дымом и теплом человеческого жилья. Он научил нас флажному семафору, показал морские узлы и своими рассказами о боевых походах заронил в нас мечты о море. Недаром многие из нас стали потом моряками.

Дядя Алексей бдительно нес свою бессменную вахту, и прорваться незамеченным в помещение школы было почти невозможно... Но мы и это продумали: в день операции, чуть только стемнело, мы вместе с девочками шумной толпой явились в школу. (У нас еще при царе было совместное обучение. Этого не легко было добиться в то время, но наша хозяйка добилась. Она много чего добилась. У нас, например, был футбол, был хоккей и даже регби...) Постучали в окошко. В тот день света в Москве не было. Дядя Алексей с керосиновой лампой отпер черный ход. Девчонки обступили его со всех сторон, громко защебетали все разом, уверяя, что у нас срочное собрание. Он пошел провожать их в класс, а мы — десяток самых отчаянных — тем временем просочились на второй этаж: оттуда ничего не стоило проникнуть на чердак, а там и на крышу.

На конце веревки завязали «двойной беседочный узел». Поглубже засунув ноги в петли «беседки», не очень удобно, но сравнительно безопасно можно было висеть на веревке. К той же веревке привязали ведерко с разведенным фуксином, кисть тоже привязали, чтобы не упала, и, прочно ухватившись за веревку, спустили меня с крыши.

С тех пор прошло шестьдесят с лишним лет, но я и сейчас помню, какой ужас охватил меня, когда я осознал, что болтаюсь между небом и землей.

Холодный влажный ветер дул над затаившимся городом. Глубоко внизу кое-где в черной пропасти чуть светились редкие огоньки окон, веревка крутилась и, казалось, вот-вот оборвется. Но голоса друзей подбодрили меня. Упершись ногами в стенку, чтобы не качало, я старательно вывел первую букву, потом вторую, третью...

— Готово,— негромко крикнул я, закончив надпись, и меня подняли на крышу. Стараясь не шуметь в темноте, спустились мы по широкой лестнице, откинули крючок черного хода и, гордые сознанием выполненного долга, разошлись по домам.

Утром у нас в классе была контрольная по математике. Перед концом урока француженка без стука заглянула в дверь и внятно сказала:

— Андрюша Некрасов, к директору.

Я сразу понял, **что** меня ожидает. Встал, направился к двери. Уже на пороге я обернулся. Все глаза были обращены на меня, и во всех глазах я прочитал сочувствие и поддержку. И сразу стало легче. Я твердо подошел к двери кабинета директора и постучал.

— Войдите,— раздалось из-за двери.

Я вошел.

— А, это ты, Андрюша. Ну, здравствуй,— сказала директриса.

— Здравствуйте, Поликсена Ниловна,— с вызовом ответил я, готовясь к неприятной беседе.

— Пойди-ка, оденься,— сказала она и встала, накинув короткое пальто, висевшее на спинке стула. Мы вместе вышли на широкий двор школы и встали как раз против фронтона.

— Как тебе нравится то, что тут написано?

— Нравится,— все еще готовый к отпору, ответил я,— правильно написано.

— Прочти внимательно,— сказала она.

— А я внимательно прочел.

— Ну, тогда пойдем.

Мы вернулись в кабинет. Она дала мне листок бумаги и сказала:

— Пиши.

— А чего писать?— спросил я.

— Что вчера там написал, то и пиши.

«Долой мамашь из гимназии»,— написал я.

Поликсена Ниловна красным карандашом, двумя жирными чертами подчеркнула слово «мамашь». И тут мне досталось. Она не повышала голос, не топала ногами, но от каждого ее слова я готов был провалиться сквозь землю.

— Вам не стыдно?— говорила она весомо.— Отцы на фронте воюют за новую жизнь. Матери с ног сбились, стараясь вас поднять, а вы баклуши бьете и стенки пачкаете. Вам придется Россию переделывать, а для этого грамотные люди нужны. Народ на вас надеется, а вы до сих пор писать не научились. Прочитает кто, подумает, что мы вас плохо учим.

— Подумаешь, одна орфографическая ошибка,— сказал я.

— Нет, Андрюша, это не орфографическая, а политическая ошибка. Понятно?

Я не ответил.

— Кто с тобой был, я не знаю и знать не хочу,— сказала она уже мирно. Вон у меня ведерко с белой краской и кисть. Сегодня же вечером ступайте и все забелите. Договорились? Только осторожно.

Тогда я пустил в ход последний, самый веский, как мне казалось, аргумент:

— Нас дядя Алексей не пустит.

— Пустит, не бойся, поможет даже.

Рисунок К. ОРЛОВА.

В кают-компании «Кораблика»

Рифма и ритм

БОЦМАН: Уважаемые члены команды! Прошу принять на борт стихотворение шестиклассницы из Москвы. Юнга, пожалуйста, прочитайте стихи.

ЮНГА: *Дня раздолье отзвенело,*
Спит усталая река,
И туман спустился белый,
Словно струи молока.

Отблески зари последней
Угасают в синеве,
За деревней за соседней
Спят седые... тополя.

БОЦМАН: Почему вы запинаетесь, юнга? Такое чтение испортит любые стихи.

КАПИТАН: Юнга не виноват, дорогой боцман. В последней строчке нет рифмы — исчезла мелодичность. Стихотворение словно разрушилось.

БОЦМАН: Но, уважаемый капитан! Как-то вы утверждали, что и без рифмы бывают хорошие стихи.

ЮНГА: Да, капитан, вы говорили, что стихи разрушаются без ритма. А в этом стихотворении размер не нарушен.

КАПИТАН: Должен уточнить. Ритм стиха — это не только его размер. Создается ритм также и повтором звуков на конце поэтических строк: «река — молока».

ЮНГА: Вы хотите сказать, капитан, что рифма тоже создает ритм стиха?

КАПИТАН: Конечно, юнга. Слова «ритм» и «рифма» даже произошли от одного греческого слова — соразмеренность.

ЮНГА: Оттого что они придают стиху размеренность, музыкальность?

КАПИТАН: Верно, юнга! Исчезла рифма — сбился ритм стиха, его музыка.

ЮНГА: Но чем больше совпадает звуков в рифме, чем она точнее, тем мелодичней стихотворение.

БОЦМАН: В этом стихотворении есть очень точные рифмы: «последней — соседней».

ЮНГА: А вот рифма «отзвенело — белый» — неточная. Конечные звуки в словах не совпадают.

БОЦМАН: По одним рифмам нельзя судить о стихах!

КАПИТАН: Вы правы, боцман. В стихотворении важны все слова, точность всех образов.

ЮНГА: Вот мне и кажется, что стихотворение девочки из Москвы во многом удалось. Эпитеты, сравнения тут точные и красивые. Сразу представляешь тихий вечер. Белый туман лег на землю. Серебристые тополя замерли, словно во сне...

КАПИТАН: Согласен с вами, уважаемые члены команды. Стихотворение будет взято на борт, если читатели помогут нам исправить его, придумают точную рифму к словам «в синеве».

Бортжурнал ведет Н. ДАВЫДОВА.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ПИОНЕРСКИЙ КЛУБ «ТОВАРИЩ»

КРАСНАЯ ШАПОЧКА ИЗ БРНО

Она действительно очень похожа на Красную Шапочку, чехословацкая школьница Петра Шпалкова, ученица 6-го класса средней школы из Брно, маленькая, веселая, общительная.

Когда ей предложили сыграть эту роль в городском театре, она обрадовалась и нисколько не удивилась.

Петра Шпалкова давно занимается в драматической студии. Это становится ясно при первом же знакомстве с нею.

— Повторяйте за мной,— предлагает Петра. И тут же быстро-быстро на чистом русском языке произносит несколько наших популярных скороговорок.

У меня не получается: повторить скороговорки за Петрой, оказывается, не так-то просто, нужен навык, и я сдаюсь.

Мы познакомились в Москве, когда она приехала в Советский Союз как одна из победительниц конкурса «Памятник Пушкину». Такой конкурс ежегодно устраивается в Чехословакии. Стать его победителем трудно. Нужно не только знать русский язык, но еще и русскую и советскую литературу, музыку, владеть актерским мастерством (это тоже одно из обязательных условий).

Конкурс проводится уже 20 лет. Он очень популярен, нынче в нем участвовало более полумиллиона школьников, студентов, учащихся профтехучилищ. Начинается он обычно 7 ноября, когда в Чехословакии открывают месячник советско-чехословацкой дружбы. Сначала он проходит по школам, районам, городам, а заканчивается большим праздничным концертом в Праге в мае, накануне национального праздника Чехословакии — Дня освобождения страны от фашистских захватчиков — и в преддверии дня рождения Пушкина.

— Русский язык я изучаю с третьего класса,— рассказывает Петра,— и занимаюсь им с большим удовольствием. Люблю стихи Пушкина, Маршака, Барто, Заходера, часто исполняю их на концертах. Мне очень нравятся ваши песни «Катюша», «Посеяли девки лен», которые я выучила в школьном хоре. Вообще люблю петь советские и русские народные песни. Часто смотрю советские фильмы. Каждый год 31 декабря у нас по телевидению показывают фильм для детей «Морозко». Ну, а когда идет «Ну, погоди!», то тут даже мама и папа не выдерживают и вместе со мной усаживаются перед экраном.

Когда в нашей школе был объявлен первый тур конкурса «Памятник Пушкину», я сразу же приняла в нем участие.

Петра Шпалкова — самая юная его победительница. Вместе с чехословацкими студентами Денисой Гейслеровой, Мирославом Сейфертом, Виктором Мендлом школьница из Брно была награждена поездкой в СССР.

За неделю Петра и ее друзья посетили Владимир, Суздаль, Москву и везде выступили с концертами. На одном из них они встретились с писателем Сергеем Михалковым и композитором Яном Френкелем. Побывали в Институте русского языка имени Пушкина, в педагогическом институте имени В. И. Ленина, на заводе «Знамя революции» и во МХАТе — все они являются коллективными членами Общества дружбы СССР — Чехословакия.

Но, пожалуй, самое яркое впечатление у чехословацких друзей осталось от встречи с учащимися 209-й московской школы, где в клубе интернациональной дружбы собран богатый материал о Чехословакии.

На концерт пришла почти вся школа. Первой на сцену поднялась Петра. Она читала Пушкина, стихи советских поэтов, и именно ей досталось больше всего аплодисментов.

— Я очень счастлива,— говорит Петра.— Только открыток с адресами я получила сорок или пятьдесят. Когда вернусь домой, обязательно расскажу о своей поездке ребятам нашей школы в Брно. У нас есть клуб дружбы с Советским Союзом, мы часто получаем письма от советских пионеров, с удовольствием с ними переписываемся. Я рада, что у меня появилось много новых друзей в СССР.

Н. БЕССОНОВА

Фотография В. КАДЫШЕВА.

Дети вместе строят мир

Эти слова стали девизом новой программы действий СИМЕА на предстоящие четыре года.

О мире, о дружбе детей разных стран, об их стремлении внести свою лепту в борьбу против войны рассказывают и письма, которые получает клуб «Товарищ».

«Почему погиб мой отец?»

Я из Ливана. Я так давно мечтаю о мире. И знаю, что он прекрасен, потому что мир — полная противоположность войне.

С самого рождения я слышу гул ракет, вижу разрушенные дома, пылающие детские площадки, испуганных ребят, потерявших родителей.

Каждый вечер, возвращаясь домой, я застаю там лишь маму. А где мой отец? Его нет в живых, он погиб.

Однажды, когда он был на работе, раздался страшный взрыв. И мой папа исчез. Мы смогли отыскать только его ботинки.

Почему погиб мой отец? Я не знаю, кто убил его. Я спрашиваю себя: почему это случилось? Почему люди убивают друг друга?

Не мы, дети, несем ответственность за эти бессмысленные взрывы. Когда мы требуем прекратить их, с нашими призывами не считаются. Но завтра, дорогие друзья, на нас самих ляжет ответственность за все происходящее вокруг. Мы будущее Земли, и от нас, от наших совместных действий зависит, будет ли завтрашний день планеты мирным. Так давайте готовить его приход и уверенно, рука об руку идти к этой цели.

Пожалуйста, сделаем сегодня первый шаг и скажем: «Жизнь прекрасна! И люди, живущие на Земле, прекрасны! Протяните друг другу руки!» Только через дружбу и взаимопонимание мы обретем МИР.

Ричард НАХХАС,
Ливан, Бейрут.

Американскому сверстнику

Планета без оружия — это то, о чем мечтают все взрослые и дети в Советском Союзе, и то, за что борется наша страна.

Мы, советские школьники, любим мир. Мы хотим чистого неба. Когда лев врывается в твой дом, ты можешь убежать от него. Но если разразится ядерная война, никто не сможет спастись от нее. Наш долг — бороться против войны. Бороться песней, танцем, словом.

Из рассказов моих родителей, дедушки и бабушки я знаю, что такое война, какие беды и страдания несет она людям, особенно детям.

Дружба — великая сила. Она помогает победить зло. Только сообща мы можем одолеть угрозу войны. Мы любим нашу жизнь и хотим прожить ее под мирным и ясным небом. Я уверена, что и ты, американский сверстник, не хочешь войны. Я обращаюсь к тебе с призывом сказать свое слово в борьбе за мир. Пусть наша Земля существует вечно!

Я верю в дружбу советских и американских детей.

Оля ШКЛЯЕВА,
с. Дебессы Удмуртской АССР.

Космос не для войны

Мы хорошо понимаем, что мир — самое главное богатство на нашей Земле.

Мы изготовили белых голубей, собрали подписи в защиту мира и послали их как приветствие своим друзьям из клубов интернациональной дружбы в СССР и других братских странах.

Мы включились в инициативы СИМЕА: вносим вклад в строительство детского дома в Никарагуа и больницы во Вьетнаме. Отправили медикаменты в Афганистан. А на наших митингах мы заявили: «Космос — для мирных целей!»

Гергана КАРЛЕВА,
командир окружного пионерского штаба,
г. Сливен, НРБ.

Манифестация пионеров болгарского города Варна «Нам этот мир завещано беречь».

Фотография Н. ЧЕЧКИНА.

ЧТОБЫ НЕ УМЕРЕТЬ С ГОЛОДУ

Около ста государств были провозглашены самостоятельными в послевоенные годы. Но, добившись политической независимости, многие из них остались в кабале у своих прежних хозяев — колонизаторов. Пользуясь их экономической слабостью, империалисты продолжают грабить природные богатства своих бывших колоний. Только делают они это теперь более тонко, порой внешне незаметно: за сырье, которое вывозят оттуда, с каждым годом платят все меньше, а за машины и оборудование, которые поставляют взамен, требуют все больше.

Чтобы свести концы с концами, молодые государства залезают в долги, которые они не в состоянии выплатить, и попадают в зависимость от империалистов. Это и есть политика неоколониализма, от которой прежде всего страдает трудовой народ.

* * *

Наш самолет шел на посадку в аэропорту Найроби. Внизу проплыли высотные, ультрасовременные здания из стали, стекла и бетона, какие можно теперь увидеть повсюду. Но здесь они возвышались среди буйной тропической зелени. Такой мы увидели сверху столицу Кении.

Найроби поражает и при близком знакомстве. Яркие краски домов, великолепные белоснежные отели, машины последних марок. Огромные рекламные щиты зазывают: «Купи! Купи! Купи!»

А рядом с рекламным щитом пристроился чистильщик обуви, худенький чернокожий мальчик. Вот уже несколько дней он почти без работы: ему запретили приближаться к отелю. Надо бы поискать новое место. Но где его найдешь? В других кварталах свои чистильщики обуви.

Мы разговорились с Рашиди (так звали мальчика), и он рассказал нам, что живет с сестрой Хелен и матерью в самодельной, построенной из коробок лачуге. Но и этого дома они могут лишиться в любую минуту, так как земля принадлежит не им, а частной фирме.

Отец умер, когда Рашиди был совсем маленьким, а Хелен только училась ходить. С тех пор Рашиди кормит семью. Но заработанных им центов хватает лишь на то, чтобы заморить голод.

Рашиди никогда не учился. Для учения нужны большие деньги. И время. А он даже болеть не имеет права. Случилось ему однажды заболеть, и семья осталась совсем без еды. Нет, об учебе и думать нечего, надо работать с утра до вечера, чтобы не умереть с голоду. Раньше их было пятеро, а теперь только двое, он и Хелен. Его старшая сестра и братья погибли от голода и болезней.

У Рашиди есть друзья, такие же ребята, как и он. Джозеф, он немного старше, ему уже девять. Джозеф работает в овощной лавке. Таскает тяжелые корзины с зеленью и фруктами и мечтает поскорее вырасти. Тогда он поедет в Момбасу и будет работать в порту. Правда, это опасно — его старший брат был докером и в прошлом году погиб. Но что делать, зато в порту платят больше, чем в лавке.

Другому приятелю Рашиди, Сифаэлю, всего-навсего пять лет. Но он тоже трудится. Бегает по городу, разносит газеты. Совсем деловой человек. Распродаст газеты, прибежит к тому месту, где чистит обувь Рашиди, присядет отдохнуть и поиграет со старым игрушечным автомобилем, который Рашиди специально подобрал для него на свалке.

У меня сохранился снимок, сделанный в Найроби. Мать ожидает, пока врач осмотрит ее сына. Мальчику четыре года, но больше двух ему не дать. Этот малыш, почти скелет, умер через несколько часов после того, как его сфотографировали. Как непохож он на того мальчугана, которого мы видели на рекламном щите. Тот «рекламный мальчик» здоров и радостен. Он улыбается, предлагая всем желающим стакан с манговым соком.

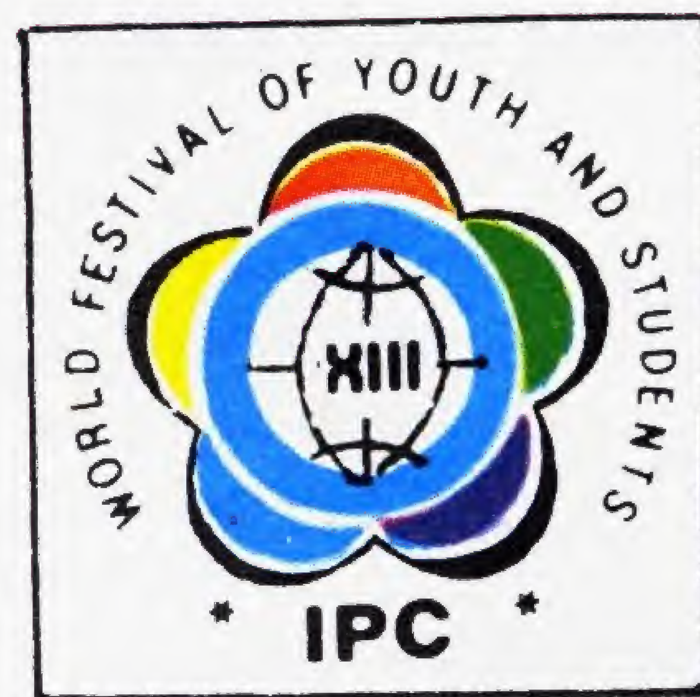
Тяжела судьба детей бедняков Кении, но по сравнению с ними жизнь детей племени туркана еще страшнее. Туркана — кочевое племя. Оно передвигается по пустынной местности, почти лишенной воды и растительности. Пустыня эта — одно из самых жарких мест на земле. Люди здесь редко доживают до сорока лет.

Обходиться без пищи и воды по нескольку дней для туркана — обычное дело. Истощенный жарой и голодом детский организм не в силах сопротивляться инфекциям и болезням. А врачей и больниц в этих местах нет. И помощь из столицы не приходит, хотя Найроби — один из самых великолепных и современных городов Африки.

В. ЛУПАШКО

Наша справка: *Сегодня в мире почти 75 миллионов детей вынуждены тяжелым трудом зарабатывать на жизнь. 200 миллионов мальчиков и девочек страдают от недоедания, тысячи ежедневно погибают от голода. На VII Ассамблее СИМЕА, которая проходила в ноябре 1986 года в Будапеште, отмечалось, что «детский труд — часто единственный способ выживания для семьи» в слаборазвитых странах Азии, Африки и Латинской Америки.*

Фестивальная ромашка отправляется в Пхеньян

Эмблемы XIII Всемирного фестиваля молодежи и студентов пока еще нет. Но значок, посвященный ему, уже появился. Он выпущен к учредительному заседанию Международного подготовительного комитета (МПК), которое состоялось в начале февраля в Москве.

По традиции первое заседание МПК проводится в столице страны — хозяйки предыдущего фестиваля. И вот Москва передает эстафету Пхеньяну.

325 человек приехали в Советский Союз. Они представляют 169 национальных и 31 международную и региональную организации из 103 стран мира и Западного Берлина. У них разные политические взгляды и убеждения, но в главном они едины: фестивальное движение должно продолжаться, чтобы крепла и дальше антивоенная, антиядерная солидарность молодежи, развивалось сотрудничество в борьбе против всякого угнетения и нарушений прав молодежи и детей.

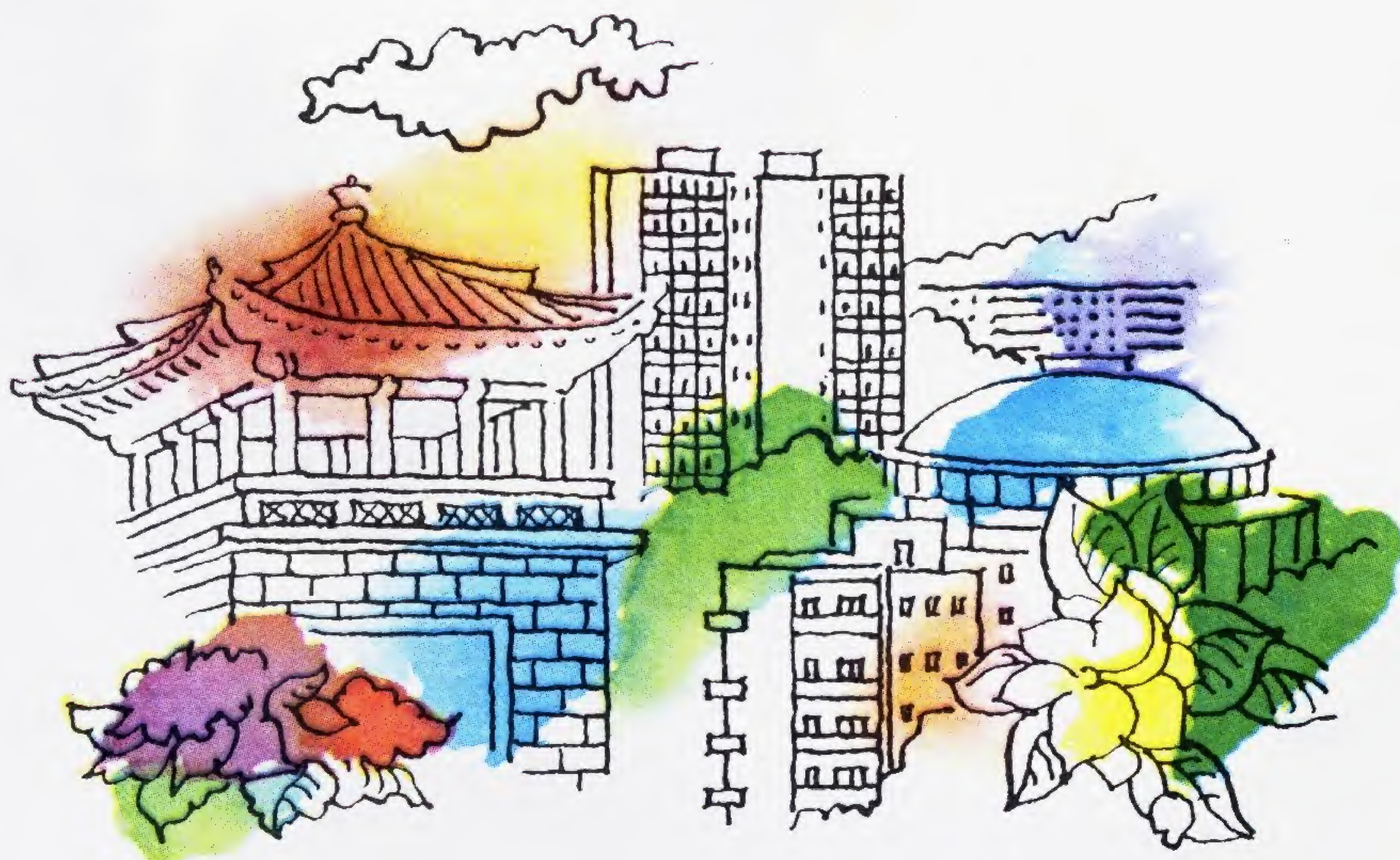
Участники первого заседания МПК поддержали инициативу Союза социалистической трудовой молодежи Кореи провести XIII фестиваль в Пхеньяне — столице Корейской Народно-Демократической Республики. Он состоится летом 1989 года и будет первым в истории Всемирным фестивалем молодежи и студентов на азиатском континенте. Его девизом остается девиз гаванского и московского фестивалей: «За антиимпериалистическую солидарность, мир и дружбу!»

— Фестиваль начнет свою работу через два года, но отправляется в путь уже сейчас,— сказал президент Международного союза студентов Йозеф Скала.— Важно, чтобы в него включились миллионы юношей и девушек планеты и чтобы они знали, что фестиваль — это не только семь или восемь праздничных дней, когда тысячи молодых людей соберутся вместе в Пхеньяне. Подготовка к фестивалю и сам фестиваль должны дать новый импульс борьбе молодежи за прекращение гонки вооружений, за устранение опасности развязывания ядерной войны, против планов милитаризации космоса.

Вероятно, вас интересует: а детские демократические организации участвовали в работе первого заседания МПК? Да, в Москву специально для этого приезжал президент СИМЕА, председатель Национального пионерского движения Конго Жан-Батист Дзанге.

Вы, конечно, знаете, какой яркой и увлекательной была детская программа XII фестиваля и какую большую пользу она принесла делу укрепления дружбы между детьми разных народов. Будущий фестиваль в Пхеньяне продолжит и эту традицию.

Рисунки К. ОРЛОВА.

Людмила **ФАДЕЕВА**

Два урока труда

Иду я, собой горжусь:
Ведь я теперь в школе тружусь
На двух уроках труда!
И в перерыв — иногда...
Иду я, устало шагаю,
Веселым ручьям помогаю,
Гляжу на землю, на небо...
Я сделал
доску
для хлеба!

Блестящая мысль

Сказал математик:
— Ну что вы раскисли!
А ну-ка, давайте блестящие мысли!
Блестящая мысль —
Это быстрое что-то,
А мне потихоньку подумать охота.
Представить пункт «А»,
Пешехода,
Пункт «Б»,
И даже тропинку представить себе.
Вот шел пешеход
По полям,
По леску,
И где-то кукушка
Кричала «ку-ку»...
Но хмурится небо,
И тучи нависли...
Ребята бросают
Блестящие мысли,
Решают задачу
И снова — вперед!
Под дождиком где-то
Идет пешеход...

«Навестил»

Друг Лешка заболел.
И я болею.
Вдвоем болеть
в два раза тяжелее.
Вчера меня Серега навестил.
Его я апельсином угостил,
Я рассказал ему,
Что из окна
Уже сосулька первая видна!
Что снег, наверно, мокрый и тяжелый
И что, наверно, лужи есть у школы...
А он похмыкал,
Записал заданье,
Пошел,
И не сказал мне «до свиданья».
У двери только буркнул:
— Я пойду.
И в лоб котенка щелкнул на ходу.
Сосульки не было,
Опять мороз трещал...
Эх, лучше б он меня не навещал.

Маруська

Пасется лошадь.
Ест траву,
— Маруська! — тихо позову.
Она меня услышит.
И вздрогнет.
И подышит.
Кругом машины тарахтят,
Маруську заменить хотят:
Хлеб возят, сено косят,
И травки не попросят.
И не вздохнут так тяжело.
И не подышат так тепло...

Для чего растет лес

В лес вошел.
Иду, кричу!
Сделал громкость,
Как хочу!
Земляника, голубика,
Гриб под елкой —
Хороши!
Только
Лес растет для крика!
Для криканья от души!
— Дома — «тише!»,
В школе — «тише!», —
Лесу жалуюсь, идя.
Каждый лист, кивая, дышит
И блестит после дождя.
Мох — огромными коврами.
Неба синь в зеленой раме,
Ландыш думает о чем-то,
Белка смотрит,
Как девчонка...
Эх! Сейчас начну кричать!..

Да охота помолчать...

Запомни меня!

Все просится в память:
— Запомни! Запомни!
— Зачем вам, поляны,
И речка,
И кони?
— От памяти, если сердечна,
Светло и тепло навечно.
Запомню
Поляну, над речкой коня...
И просит ромашка:
— Запомни меня!

Рисунок А. ГРИШИНА.

Станислав Александрович Фурин любил «Артек» преданно, по-мальчишески без всякой меры.

Каждый раз, вновь собираясь в «Артек», он становился радостным, оживленным, счастливо улыбался и всем с гордостью сообщал:

— Еду в «Артек!».. 20-й раз!.. 26-й раз!.. 34-й...

Он ездил в «Артек» как главный редактор журнала «Пионер», как член Бюро Центрального Совета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина, как начальник Всесоюзного штаба Тимура и просто как журналист и писатель...

Не одно поколение пионеров встречалось в «Артеке» со Станиславом Александровичем на Всесоюзных пионерских слетах, в дни юнкоровских, спортивных, тимуровских, международных и разных других смен, во время больших праздников и в будни. Он говорил с ребятами с трибуны, у костра, в пионерском отряде, а с кем-то, если была необходимость, и «совершенно секретно» — ему доверялись самые сокровенные ребячьи тайны.

Станислав Александрович Фурин участвовал в создании нескольких книг о Всесоюзном пионерском лагере «Артек». Его последняя, неоконченная работа — книга об этом лагере, который он считал и называл СТОЛИЦЕЙ СТРАНЫ ПИОНЕРИИ.

Ребята! Всмотритесь внимательно в лицо этого человека, Станислава Александровича Фурина. Оно живо улыбкой, доброй, немного лукавой и мудрой. Светло и радостно смотрят на нас глаза, полные доброжелательства и жизнелюбия. На этих снимках Станислав Александрович в форме начальника Всесоюзного штаба Тимура на I Всесоюзном тимуровском слете, который проходил в конце лета 1974 года.

Станислав ФУРИН,
лауреат премии Ленинского комсомола

ВСЕМ, ВСЕМ, ДОБРЫЙ ДЕНЬ!

ГЛАВЫ ИЗ КНИГИ ОБ «АРТЕКЕ»

Поляна космонавтов

Я летел в «Артек» с летчиком-космонавтом, дважды Героем Советского Союза Владимиром Николаевичем Аксеновым. И как только самолет набрал высоту и лег курсом на Симферополь, невольно завязался у нас разговор.

— Вы в какой раз летите в «Артек»? — спросил космонавт.

— В тридцать четвертый,— ответил я.

— Ого! — рассмеялся Аксенов.— А я вот еще ни разу не был в этом знаменитом лагере. Детство мое совпало с войной. Жили мы в деревне. Ребята помогали старшим: и картошку копали, и сено сушили, и золу собирали... И слово-то «Артек» я услышал уже много позже. Кстати, а что происходило на артековской земле в годы войны? Наверное, там в июне 41-го была очередная смена?

И мы стали говорить о судьбе «Артека» в годы войны. Я рассказал космонавту, что «Артек» только что отметил свое пятнадцатилетие, когда прогремели первые залпы войны.

На 22 июня был назначен праздничный вечер.

Но его пришлось отменить. Вожатые-комсомольцы в первую тревожную ночь дежурили на башне и вели наблюдение за морем. На Ай-Петри фашисты высадили десант. Поступило указание начать эвакуацию детей. Артековцы той военной смены оказались и в Подмосковье, и в станице Нижний Чир на Дону, и в Сталинграде, и в Камышине, и в деревне Белокуриха Алтайского края. Но где бы ни были артековцы, они всюду помогали фронту, жили по артековским законам и традициям. А некоторые из тех, кто побывал в «Артеке», надели солдатские шинели. Смертью храбрых пали на войне Герой Советского Союза Тимур Фрунзе, испанец Рубен Ибаррури, Алия Молдагулова, молодогвардейцы Иван Туркенич и Радий Юркин, пионеры Гуля Королева, Володя Дубинин и Витя Коробков...

Фашисты разорили «Артек». После них остались руины, сожженный Дворец пионеров, пни знаменитых секвой, тисов, кедров, кипарисов. Советская Армия освободила «Артек» 16 апреля 1944 года. В летописи лагеря сохранился уникальный документ — письмо от воинов 26-й артиллерийской дивизии Резерва Главного командования: «Не имея в настоящее время возможности принять непосредственное участие в восстановлении лагеря, просим принять от нас четыре автомашины, 3 рабочие лошади. Пусть эта скромная помощь ускорит восстановление знаменитого «Артека» — здравницы детей Советского Союза».

Уже в июне 1944 года в «Артеке» пропел пионерский горн. Героям-артековцам установлены мемориальная гранитная плита и памятник Неизвестному матросу в честь тех, кто пал смертью храбрых на крымской земле...

— Вот вы много раз бывали в этом замечательном лагере,— продолжил разговор космонавт.— Наверно, у вас в «Артеке» было много интересных встреч, праздников, костров. Что вам помнится больше всего?

Я невольно улыбнулся: каждый день, проведенный в «Артеке», для меня неповторим и не похож на другой. Но рассказать Владимиру Николаевичу я решил о встрече с первым нашим космонавтом.

...Стояло теплое летнее утро. Я только что прилетел из Москвы, устроился в вожатском корпусе в «Морском» лагере. Вышел погулять к морю. Над морем кружили и кричали чайки. В оливковой роще щебетали на разные голоса птицы. На самом берегу, на большом камне, поросшем водорослями и усыпанном ракушками, спиной ко мне сидел плотный человек в рыбацкой куртке и высоких резиновых сапогах. На голове его была соломенная шляпа с большими полями. На дне ведерка, которое стояло у него в ногах, поблескивала серебристая ставридка. И вот что-то у него там случилось: зацепилось удилище за проволоку какую-то или железку?.. Рыбак оглянулся, увидел меня и попросил:

— Дружище, помоги, а?!

Я перебрался к камню, ухватился за удилище, а человек в шляпе шагнул в море посмотреть, что там произошло. Наклонился, и тут я узнал в незнакомце Гагарина.

— Вечером приглашаю на жарку,— сказал он мне приветливо.— Придете?..

Вечером, на поляне, недалеко от моря, горел костер. Собрались вожатые, сотрудники лагеря. Юрий Алексеевич был весел и остроумен, охотно отвечал на вопросы. А вопросов была тьма. И в первую очередь об «Артеке».

— Что вам больше всего понравилось в лагере?

— Все понравилось — праздники, костер, артековские песни. «Снайпер» больше всего. Увлекательнейшая игра — надо будет всех детей моих друзей научить играть в «Снайпер». Азартная игра. Ловкость вырабатывает, реакцию...

— А что бы вы пожелали нашему лагерю и вожатым? — спросил начальник одного из артековских лагерей.

Гагарин помолчал, потом сказал:

— Вожатые у вас — труженики. С утра до вечера на ногах. Прямо скажу — космические нагрузки у них. С детьми работают, тут жалеть себя не приходится. И «Артек» у всей страны на виду...

Он сделал паузу и добавил:

— А не хватает «Артеку» космической выставки. Я получаю тысячи писем от ребят, и в каждом вопрос: «Как стать космонавтом?» Что ж, космос велик, в нем для всех работа найдется. В «Артек» приезжает много пионеров, вот бы и позаботиться о космической выставке. И пусть на ней все будет настоящее — и костюмы, и скафандры, и приборы. Пусть ребята с детских лет познают космос. Я обещаю вам помочь...

Отведали мы гагаринской рыбы, спели песни о космосе, а расставаться не хочется. И вдруг Гагарин спрашивает:

— А не найдется ли в «Артеке» кисти и белил?

Нашли и кисть и белила, вручили космонавту. Он отошел метров на двадцать от костра и на огромном валуне написал: «Поляна космонавтов». Вернулся довольный к костру и с неповторимой гагаринской улыбкой проговорил:

— Была поляна безымянной, а теперь назовем ее «Поляной космонавтов». Согласны? И пусть «Артек» всегда дружит с теми, кто летает в космос. Возвратятся космонавты из полета — и в гости к ребятам-артековцам. Хорошая традиция, не правда ли?

Самолет пошел на посадку. Мы пристегнули ремни.

— Юрий был большим выдумщиком, — заметил Аксенов, — умел создавать традицию и слово держать умел. В «Артеке» побывали и Титов, и Николаев, и Леонов, и Попович, и Феоктистов, и Беляев, и Климук... Вот наступила и моя очередь...

* * *

В книге почетных гостей «Артека» есть запись: *«Для меня дорога в «Артек» прошла через космос. Вернулся из полета и стал космическим гостем замечательной республики красных галстуков. С тех пор в «Артеке» был не раз. Я вижу, как расцветает «Артек», строится. Все больше здесь дружин, все больше советских ребят и детей разных стран. Очень рад, что в «Артеке» строится космический городок, и верю, что еще не один артековец станет разведчиком космических трасс. Юрий Гагарин».*

Мы — в «Артеке»

Так случилось, что с первых дней моего приезда в «Артек» я подружился с Олей из Ленинграда и с Сережей из Белоруссии. Мы часто встречались, делились друг с другом своими впечатлениями и размышлениями. Я попросил Олю и Сережу вести дневник. Из этого дневника я отобрал все, что мне показалось самым значительным и харак-

терным для артековской жизни. Вот что у нас получилось.

СЕРЕЖА. В школе председатели советов отрядов и звеньевые — чаще всего девчонки, а в «Артеке» не так.

На первом сборе мы познакомились, рассказали, за что нас послали в «Артек». Один мальчик, например, из Армении на пожаре отличился! У него часы именные — награда за смелость и находчивость. В совет отряда и в совет дружины мы выбирали ребят по справедливости. Вожатый сказал, что выбираем их не на все время, позже выберем других — пусть все учатся быть активистами!

ОЛЯ. Мы проснулись раньше обычного, выглянули в окно, а вершины Аю-Дага не видно, она вся в облаках. И над морем темные тучи. Но пасмурная погода никому не испортила настроения. Торжественная линейка прошла очень интересно. Вынос знамени, рапорты, подъем флага. Все очень четко. А вечером был костер.

СЕРЕЖА. Сегодня утром мы получили пакеты с шифровкой. Разгадав ее, каждый из нас должен был в указанное время по азимуту прибыть к месту назначения. Все получилось очень таинственно и забавно. Ребята пробирались к костру с разных сторон, поодиночке. Наша дружина носит имя Гайдара, и было решено посвятить костер писателю-воину.

Когда все собрались, костровой взялся за дело, и через минуту язычки пламени побежали по валежнику. Первым говорил вожатый. Он сказал примерно так:

— Аркадий Петрович трижды побывал в «Артеке». В 1931 году с сыном Тимуром, потом еще в мае 1934-го и в том же месяце в 1939 году. Вместе с артековцами писатель отмечал день рождения пионерской организации. В «Артеке» Гайдар заканчивал повесть «Дальние страны». Читали? — спросил нас вожатый.

Мы все хором ответили:

— Читали!

Я смотрел на пламя костра, и мне невольно представилось, как по горной тропинке поднимается высокий, стройный человек, в папахе и гимнастерке, с орденом на груди. Он улыбается ребятам, к которым пришел на встречу. Они ждали его, хотят поговорить о самом главном — какими быть, как жить, чтобы оставить след на земле...

Потом вожатый вынул из кармана сложенный вчетверо листок бумаги, развернул его и спросил у нас:

— Хотите, я прочту вам воспоминания сына писателя, Тимура Аркадьевича Гайдара?

— Хотим! — разнеслось со всех сторон.

И мы все стали внимательно слушать. Я попросил потом у вожатого дать мне эти воспоминания, чтобы переписать их в дневник. Вот что там рассказывалось: «Сапоги, гимнастерка, широкий ремень. Зимой — шинель и папаха. Я никогда не видел отца в пиджаке, и за всю жизнь, по-моему, он не имел ни одного галстука. Он дарил мне компасы, командирские целлулоидные линейки, в мороз рывком распахивал заклеенное окно, если мимо проходил с оркестром на учение полк Красной Армии.

Мы жили в Москве, на Ордынке, в крошечной комнатке, где помещались впритык кровать, диванчик, шкаф и тумбочка, заменявшая обеденный и письменный стол. Мне было тогда лет шесть.

Однажды отец подкатил к дому на извозчичьей пролетке. Вместе с извозчиком они втащили в комнату какой-то огромный, завернутый в бумагу и перевязанный шпагатом предмет. Чтобы он пролез в комнату, шкаф пришлось выдвинуть в коридор. Меня тоже выдвинули в коридор. Из комнаты доносился стук молотка. Потом отец появился на пороге, сдержанно улыбающийся и очень довольный. Широким жестом пригласил: «Прошу!»

На стене комнатки, занимая ее от окна до двери, висел огромный портрет Буденного. Копыта коня его повисли над тумбочкой, острая сабля взметнулась над изголовьем кровати.

— Салют Красной Армии! — сказал Гайдар, становясь по стойке «смирно», и приложил руку к папахе.— Салют Красной Армии, Тимур!

— Салют,— согласился я, ошарашенный и смущенный».

И все мы тоже немного ошарашены и смущены. Необычным человеком был Аркадий Петрович Гайдар, неожиданным, симпатичным и веселым. И мы все стали говорить о Гайдаре, вспоминать

Рисунки А. БОРИСОВА.

героев его повестей и рассказов. А потом вожатый снова задал нам вопрос:

— Чему вы учитесь у Гайдара и его книг?

Мы стали отвечать:

— Любви к Родине.

— Доброте.

— Бескорыстию.

— Умению вовремя приходить на помощь.

— Презрению к трусости.

— Гайдар и герои его книг превыше всего ценят дружбу и товарищество...

Пришло время отбоя, а мы все продолжали говорить о Гайдаре, о его книгах. С костра мы уходили с песней «Гайдар шагает впереди». Когда подошли к мемориальной доске, установленной на нашем корпусе, мы остановились и отдали Гайдару салют.

ОЛЯ. Вчера у нас проходил День мира. Я запомню его на всю жизнь.

С утра звучали в лагере песни на разных языках. Из галстуков детских организаций: красных, синих, голубых, зеленых, красно-белых, желтых, разноцветных,— мы сшили огромный флаг — флаг дружбы, чтобы поднять его над «Артеком».

Все делегации показывали свои игры и танцы. На стадионе девочки-вьетнамки с помощью огромного увеличительного стекла собрали солнечные лучи и зажгли костер дружбы. Он горел весь день, и каждая делегация дежурила у костра...

После обеда вожатый сказал:

— Сегодня мы напишем всем людям Земли письмо с призывом о мире, о дружбе. Так всегда делают артековцы в День мира.

Это письмо писали во всех дружинах на русском, английском, немецком, французском языках. Мы, сочиняя письмо, спорили над каждой фразой. На пионерском сборе мне поручили прочитать его вслух. Я его уже наизусть помню:

«Это письмо написали дети разных народов.

В нашей самой любимой песне поется: «Пусть всегда будет солнце! Пусть всегда будет небо! Пусть всегда будет мама! Пусть всегда буду я!»

Мы хотим дружить с детьми всех стран мира!

Взрослые! Сделайте так, чтобы Сегодня и Завтра всех детей было безоблачным и светлым! Сделайте все, чтобы на Земле не было войны!

Пусть все дети дружат так же мирно и крепко, как они дружат в «Артеке»!

Пусть наша планета, просыпаясь каждое утро, говорит:

— Здравствуй, солнце!

— Здравствуй, друг!

— Здравствуй, мир!»

Под вечер, когда на главном стадионе ярко горел костер дружбы и со всех концов «Артека» к нему шли колонны пионеров, мы сели на катер и вышли в море. На борту катера была «бутылочная почта» — письма артековцев, закупоренные в бутылки. Мы сидим, обнявшись, и поем. Катер летит вперед, и все дальше и дальше берег...

— Приготовиться! — командует вожатый.

Мы бросаем бутылки в море. Плывите, наши пионерские письма, по волнам, расскажите всем, о чем мы мечтаем.

СЕРЕЖА. Сегодня яркий солнечный день. Вода в море, как парное молоко. На берегу разноцветные флаги. Наши ребята уже успели загореть и все выглядят красивыми. Мы стоим на пляже, ждем начала морского праздника, праздника владыки морей Нептуна.

Вот над морем вспыхнула ракета. К берегу подплывает шлюпка, и на ней морской бог Нептун и его свита. В руках у Нептуна огромный трезубец, на голове — корона. Бородища до колен. Мы, конечно, узнали нашего вожатого, но виду не подали — все равно интересно. Нептун трезубцем ударил о землю и воскликнул: «Кто меня разбудил?»

Потом Нептун пригласил всех на соревнования по плаванию.

На сборе знакомств дернуло меня сказать, что

я неплохо плаваю — выучился в бассейне. Пришлось участвовать в соревнованиях. Я плыл в первом заплыве. Не помню, как прозвучал сигнал старта, не помню финиша — все, как в тумане. Но когда мне вручили артековскую медаль и диплом и объявили, что я установил рекорд лагеря, я был счастлив. Ко мне подошел вожатый и сказал: «Молодец! Спасибо!»

Я никогда не видел таких веселых праздников. А костюмы у свиты Нептуна были забавные, и все со смеху падали. После праздника мы еле смыли с вожатого краску.

ОЛЯ. В нашей дружине ребята со всего света. И форма у них разная. У пионеров ГДР — синие пилотки. У поляков галстук бело-красный, как цвет их флага. А вьетнамцы приехали в огромных соломенных шляпах.

Я уже выучила несколько иностранных слов. «Пшиязнь» — это «дружба» по-польски. «Терве» по-фински «здравствуй». Если на спортплощадке слышится: «Позор, позор», то никого там вовсе не позорят, это чехи кричат: «Внимание, внимание». Правда, чаще всего на стадионе все вместе — и чехи, и финны, и поляки — кричат по-русски, по-нашему: «Шай-бу! Шай-бу!». Это мы всех научили.

В американской делегации выделялся Кин Ловис. Он приехал из штата Нью-Джерси, из Северного Кондвела. Когда мы увидели его в скаутской форме, залюбовались. Он высокий, красивый, общительный, по каждому поводу имеет свое мнение. Кин привез с собой эластичные ласты, которые сразу привлекли к себе общее внимание. А Колька Иванов просто таял, когда их видел...

Кин отлично плавает. Как рыба. Но однажды он перетренировался или сквозняком его прохватило, только попал Кин в изолятор, к врачам. Скучно там, конечно. Мы к нему почти всем отрядом бегали, записки писали, руками махали, мол, держись, к соревнованию по плаванию простуду как рукой снимет. Он нам тоже махал рукой, радовался нашему приходу. И Колька Иванов не удержался, попросил разрешения поплавать в ластах, пока Кин болен. Кин не возражал. Колька радостный ходил. Под присмотром тренера отмахал в ластах не одну сотню метров. Все тренировался.

Когда Кин выздоровел и вернулся в отряд, Колька вернул ему ласты, поблагодарил. Кин кивнул и деловито заметил:

— А плата?

Колька опешил.

— Какая плата? За что?

— Как за что? За амортизацию. Ты же ластами пользовался? Три дня?

— Три,— смущенно подтвердил Николай.

— Ну так вот, каждый день по пятьдесят центов. Итого один доллар и пятьдесят центов.

Мы вначале думали, что Кин шутит, что сейчас он пожмет руку Кольке и скажет, что все это чепуха. Но не тут-то было. Кин совершенно серьезно настаивал на своем и даже предупредил, что за задержку с оплатой он возьмет проценты. Я подумала, как же вывернется из этой ситуации наш Колька, который все шутил: «Мужики с Вятки — хватки»?

— Так, значит, один доллар и пятьдесят центов? — равнодушно произнес Колька.— Хорошо. Плачу. И даже с придачей.— Он вытащил из кармана шорт три рубля и протянул Кину.— Гуд бай!

Кто-то хотел возмутиться, бежать к вожатому жаловаться... Но наш мудрый председатель совета отряда Саша Крючков рассудил по-своему:

— На что жаловаться? В том мире, откуда Кин приехал, такое поведение норма. Там же, я читал, отец-фермер, к примеру, платит сыновьям за их работу. Поняли? Так-то вот...

Но отношение к Кину в отряде не то чтобы переменилось, стало прохладным. Он уже не был в центре внимания. Если предлагал жвачку, все отказывались, говорили: «Не хочется что-то, зубы портятся». Кин ходил как в воду опущенный.

Мы все готовились к национальному дню Палестины. Ребята из Палестины приветливые. Вначале они были какие-то притихшие. Много им пришлось пережить в лагерях для беженцев. Неко-

торые были даже ранены и лежали в госпиталях. Но в «Артеке» они быстро освоились, пели песни о родине, которую у них отняли агрессоры. В тот день повара испекли им огромный торт, каждый палестинец получил сувенир — плюшевого мишку — символ «Артека». А вечером вспыхнул костер дружбы. Палестинские ребята читали стихи, исполняли национальные танцы и песни.

Я видела: когда мальчик из Палестины от имени делегации выступал на костре, Кин сидел грустный, задумчивый.

— В руках у меня вот эта коробка. В ней географическая игра,— говорил мальчик-палестинец.— Если правильно сложить квадраты, то вы увидите мою родину с ее горами и долинами, реками и городами. Но у нас пока нет родины. Ее отняли агрессоры из Израиля, которым помогают империалисты США. Мы, дети Палестины, требуем: «Верните нам родину!»

Мне показалось, Кин очень неловко чувствует себя.

А потом был День Никарагуа. И снова у костра

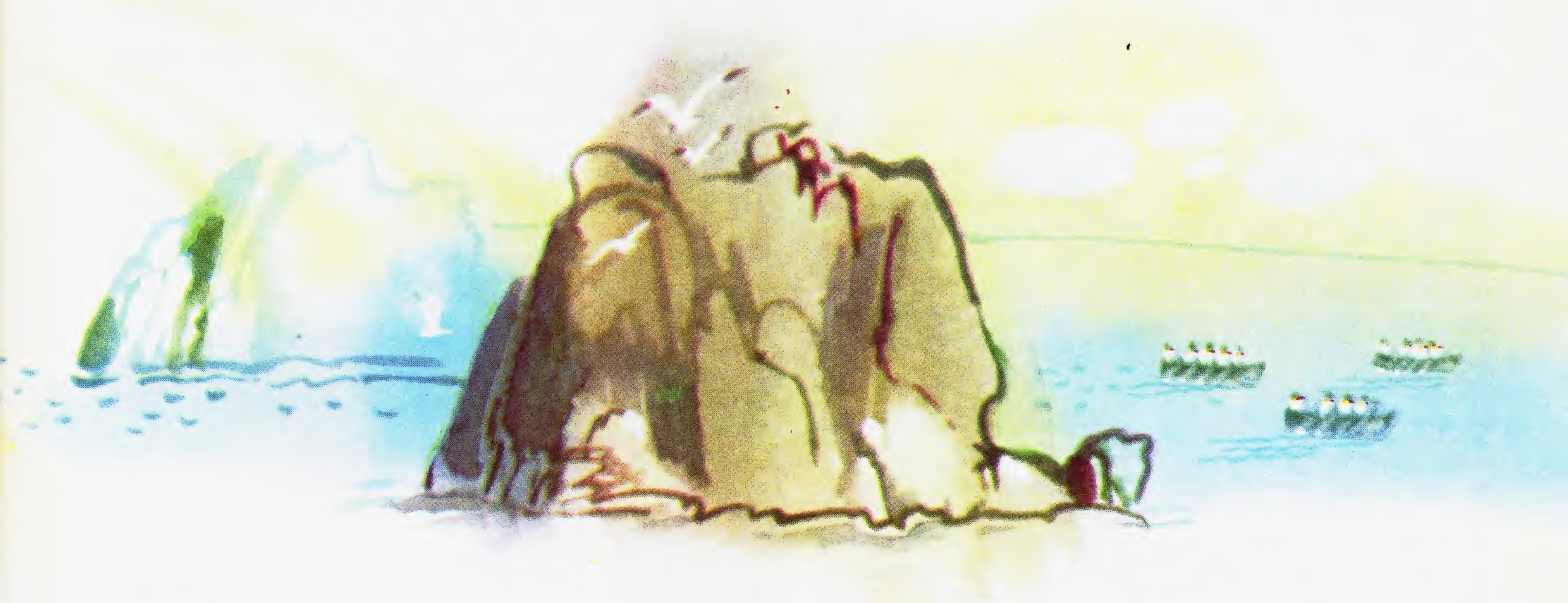
пробирались сквозь тесную толпу ребят, и наконец Таня тихо сказала:

— Смотри!

За большим столом с табличкой «США» стоял Кин. Он с задором продавал значки, наклейки, косынки, даже жвачку. На этом же столе я увидела ласты. Глазам не верилось! Когда мы обошли всю ярмарку и вернулись к столу Кина, то рядом с табличкой «США» лежал большой лист бумаги. На нем по-английски было написано: «Все продано». Только на этом не кончилась история с ластами. Вечером наш мудрейший из мудрейших, как мы его прозвали, Саша Крючков принес нам ошеломляющую информацию (это его любимое словечко): Кин Ловис пришел в валютную комиссию, сдал выручку, а после вынул из кармана три рубля и сказал:

— А это наш личный взнос — мой и Коли Иванова из нашего отряда.

СЕРЕЖА. Мы проснулись утром и увидели неподалеку от берега большой корабль. Все закричали:

на митинге солидарности ребята из этой свободолюбивой страны говорили о том, что наемных убийц готовят в США, что бандиты вооружены оружием с клеймом «Сделано в США».

О случае с ластами никто, конечно, не вспоминал, но мы чувствовали, что Кин не забыл о нем.

Наступил долгожданный день — ярмарка Солидарности. На берегу моря — ларьки и столы для продажи сувениров. На каждом — табличка национальной делегации. Чего только не продавалось на ярмарке: самодельные куклы, детские журналы, открытки, майки с эмблемами, вьетнамские соломенные шляпы, грузинская чеканка. Продавцы — сами ребята. И валютная комиссия тоже состояла из ребят. Дело-то важное: все вырученные деньги отправят в Фонд мира. Торговля шла оживленно и весело. Кассиры получали валюту всего мира — кроны, марки, рубли, доллары, левы... В разгар торговли ко мне подбежала Таня Смирнова, подруга по комнате, прошептала:

— Бежим скорее, я такое тебе покажу — ахнешь! — И она схватила меня за руку. Мы долго

«Ура!». К нам в гости прибыли моряки Черноморского флота.

Мы мечтали побывать на корабле, но пришел вожатый и сказал, что у нашего отряда особое задание: из веточек благородного лавра сплести огромную гирлянду боевой славы. Вечером отнесем ее к подножию памятника Неизвестному матросу. Так всегда делается в «Артеке».

Когда стало вечереть, к Аю-Дагу потянулись колонны ребят. Мы несли на плечах гирлянду славы. И вот перед нами в отблесках костра возникла высеченная из белого камня фигура матроса. Кипарисы, как часовые, застыли у памятника. Играет торжественная, скорбная музыка. Ребята из всех дружин возлагают к подножию памятника цветы, а мы — гирлянду славы.

Потом выступил морской офицер. У него было много орденов и медалей. Он рассказал нам, как храбро дрались в годы войны моряки Черноморского флота на море и на суше. Морскую пехоту фашисты называли «черной смертью». Каждая пядь крымской земли и земля «Артека» тоже

политы кровью наших солдат и матросов. В ноябре сорок первого фашисты ворвались в «Артек», разграбили лагерь. Они рубили деревья в артековском парке, расстреливали скульптуры, устроили конюшни во дворце. Зимой 43-го года советские корабли у берегов «Артека» приняли бой с вражеской авиацией. Известны не все имена моряков, погибших в этом неравном бою. Но память о них будет жить вечно. Минутой молчания мы почтили их бессмертный подвиг.

Было тихо-тихо. Только поленья в костре потрескивали да вдали шумело море. Я думал о Неизвестном матросе.

Когда мы возвратились в лагерь, на корабле зажгли огни. И «Артек» сверкал огнями.

ОЛЯ. Я послала домой длиннющее письмо и, между прочим, написала, что все мы заболели «абсолютом». Бедная мама! Она прислала телеграмму: «Что случилось? Срочно телеграфируй, чем больна». Когда я прочитала телеграмму ребятам — хохоту было! А все очень просто. «Абсолют»— время сна и отдыха после обеда. В первые дни мы никак не могли к нему привыкнуть. А потом... все заболели «абсолютом». Так хорошо прикорнуть на часок!

СЕРЕЖА. По «Артеку» разнеслась весть: приехал архитектор Полянский. Вожатый сказал: это по его проекту строился новый «Артек». Полянский объяснил нам, сколько архитекторы работали над чертежами, сколько километров исходили по артековской земле, чтобы все здесь радовало глаз! Мы узнали, что в архитектуре есть такой термин — «модуль», или исходные данные. Так вот, основным модулем для «Артека» стало число сорок. Почему? Потому что в отряде сорок пионеров. Архитекторы хотели, чтобы всем было здесь удобно играть, отдыхать, учиться, заниматься своим любимым делом.

Строить «Артек» было нелегко. Горы кругом. Три научно-исследовательских института изучали рельеф, геологию строительных площадок. Учитывалось все, даже возможность землетрясения. И, конечно, ребячий характер. Так, например, прежде чем заасфальтировать дорожки, архитекторы проследили, где ребятам удобнее всего ходить, где они протоптали тропинки.

Через несколько лет построят новый лагерь — «Воздушный». Там будет отдыхать тысяча двести ребят. Вырастет новый городок космонавтов, и в нем все будет настоящее, как у космонавтов. Будет городок фауны и флоры Крыма. И еще — городки науки, техники, искусства и спорта. Наше государство выделяет для этого десятки миллионов рублей. Потом Полянский предложил, чтобы мы попробовали создать собственные проекты будущего «Артека» и рассказать, как мы себе его представляем. Вожатый поручил мне эти проекты собрать. Вечером мы все вместе рассматривали их и читали вслух рассказы ребят.

«Пусть в «Артеке» будет уголок подводного мира. Разве не интересно узнать повадки морских рыб, как растут водоросли?» Юрий Словохотов.

«Я предлагаю открыть метеорологическую станцию —«службу погоды» «Артека». Температуру воздуха и моря, направление ветра, плотность облачного фронта пионеры будут измерять с помощью автоматических приборов и метеорологических ракет, которые сами сконструируют в «патентном бюро». Витя Крюков.

«Хочется, чтобы от берега моря на Аю-Даг протянулась канатная дорога, а на вершине Медведь-горы был лагерь «Альпинист». Иван Склифос.

«Хорошо бы устроить в «Артеке» заповедник, где жили бы животные с других материков, например, австралийские кенгуру или африканские львы». Галя Шипотова.

«Хорошо бы построить еще подземный «Артек». Специальный ход соединил бы его с морем. Там в огромном аквариуме находился бы морской

лагерь «Нептун». В центре этого лагеря — статуя бога морей Нептуна. Кроме подводного, хочется иметь еще и «Лунный» лагерь. Попасть туда можно на ракетах, которые взлетают с артековского космодрома. Управляют ракетами ребята.» Девочки из 4-го отряда.

Нашему гостю очень понравились фантастические планы ребят. Сразу же после этого мы отправились в путешествие по «Артеку» сегодняшнему. Оказывается, в «Артеке» много очень редких растений: секвойя гигантская, мамонтово дерево, туя восточная, магнолия, у которой такие душистые красивые цветы.

ОЛЯ. Сегодня мы дежурили по лагерю. Это не шутка — накрыть столы на всю дружину, а потом убрать всю посуду. Мы все устали, но дежурство провели как следует.

«Снайпер», пожалуй, самая любимая игра в «Артеке». И самая простая: площадка, мяч, две команды — вот и все, что нужно. Главное — как можно скорее осалить мячом игроков противника. А какие сражения бывают?! Между отрядами и даже между дружинами. Рассказывают, что Юрий Алексеевич Гагарин, когда бывал в «Артеке», тоже играл с ребятами. Сейчас победители игры «Снайпер» награждаются призом имени Ю. А. Гагарина. Вот бы завоевать его нашему отряду!

СЕРЕЖА. После полдника мы пошли на космическую выставку во Дворец пионеров. Выставка очень интересная. Там удивительные точнейшие приборы, костюмы летчиков-высотников и даже скафандр Юрия Алексеевича Гагарина.

На выставке можно проверить себя. Никто из наших не выдержал проверки на внимательность.

Потом мы пробовали космическую еду. Я стоял, рассматривал скафандр Гагарина, и вдруг экскурсовод спросил меня: «Хочешь примерить?»

Я даже ушам своим не поверил. Скафандр оказался мне в самый раз. В этот вечер я долго думал о подвиге Гагарина.

На другой день мы отправились в горы собирать ягоды шиповника. Это очень важно: шиповник — лекарство. В горах шиповника уйма. Куда ни глянешь, всюду крупные красные ягоды, но собирать их трудно: шиповник колется. Но мы приноровились. К обеду отряд вернулся в лагерь с огромным рюкзаком.

ОЛЯ. Мы совершили путешествие по Южному берегу Крыма на автобусах. Побывали в Алупке, осмотрели Воронцовский дворец-музей. Ходили на Поляну сказок. Сказочных героев вырезал из дерева один русский умелец. И Ялта нам всем понравилась, особенно интересно было в доме-музее А. П. Чехова. Я многое записала там, потом в школе расскажу на литературном вечере.

Ребята нашего отряда приехали из разных союзных республик. Мы очень подружились. Нателла, Лали и Джуля привезли с собой из Грузии кусты роз. Мы посадили розы в центре клумбы и назвали ее клумбой дружбы. Каждый день кто-нибудь из нас поливал розы, и они прижились. Завтра мы уезжаем. Но мы оставили письмо тем ребятам, кто приедет в «Артек» после нас. Пусть они ухаживают за розами и вспоминают о нас. Пусть они будут дружны, как мы.

Кто-то из ребят сказал: «Прощай, «Артек»!» А мне так хотелось крикнуть, чтобы услышал старый Аю-Даг: «Милый «Артек»! До свидания!»

Я записала адреса всех ребят отряда. Приняли решение: через 10 лет встречаемся в Москве, на Красной площади.

СЕРЕЖА. Перед отъездом фотографируется каждый отряд. На обороте фотографии мы написали фамилии и имена ребят, чтобы не забыть никого. Самых-самых лучших артековцев всегда в конце смены снимают у пионерского знамени. Счастливые те, кто увезет домой и такую фотографию.

На прощальном вечере я разжигал последний костер. Костер горел весело, а нам было грустно. Завтра автобусы увезут всех в Симферополь. По артековской традиции каждый из нас взял на память по угольку из догоревшего костра. На память об «Артеке», о друзьях. Чтобы от этого уголька зажигать новые костры дружбы.

ОКОНЧАНИЕ СЛЕДУЕТ.

Публикация Н. ФУРИНОЙ и О. КАМЕНЕВОЙ.

В гостях у «Кораблика» — английские ребята. Они учатся в разных школах, живут в разных городах, но их объединяет любовь к поэзии — все они сами пробуют писать стихи.

Эти четыре стихотворения получили премии на конкурсе детского творчества и были напечатаны во взрослом журнале «Сигнал». Фамилии юных авторов журнал не сообщил — наверное, для того, чтобы они не заважничали.

***ДЖОНАТАН**, 13 лет.*

Стихи... поэты...

Когда металл холодный слова
В поэта огненную душу
На перековку попадает —
Рождается стихотворенье.
Когда поэт идет на ощупь
Во тьме по длинному тоннелю,
Не зная, где найдется выход,—
Рождается стихотворенье.
Поэт не может знать покоя,
Он жадно ищет, твердо веря,
Что каждый миг ему способен
Открыть заветные секреты.
Он дикого коня седлает,
В огонь ступает он бесстрашно,
Он укротить способен волны
И усмирить вражду людскую.

***ЭНДРЮ**, 7 лет.*

Медленно

Медленно время идет день за днем,
Медленно падает снег за окном,
Медленно парком бредет старичок,
Медленно речка куда-то течет.
Медленно мы понимаем друг друга,
Медленно тянется вечер без друга,
Медленно солнце садится за дом.
Медленно мы, к сожаленью, растем.

***ТЕРЕЗА**, 9 лет.*

Птичка

Я решила птицу смастерить —
Сначала тельце крошечное, после — крылья.
Непросто было их соединить,'
Но не пропали зря мои усилья.
Ей клюв приделала такой,
Что берегись червяк любой!
Уже готовы перья, лапки, глазки,
Но тут — не думайте, что это сказки,—
Вспорхнула моя птичка смело
И быстро-быстро в небо улетела.

Этот рисунок пришел к нам из Сингапура. Называется он — «В ЗООПАРКЕ», его автору, КХО МИН ЦИ — 9 лет.

ЛУИЗА, 8 лет.

Дождь

Капли дождя, точно капли росы,
Словно слезинки на щечке ребенка,
Сверху струятся, как будто на небе
Кто-то корову волшебную доит.
Ветви раскрыли из листьев зонты,
Пьют полевые цветы сладкий дождик.
Окна туманом зашторены сизым,
Медленно капли стекают по окнам,
Будто от них оторваться боятся,
Лужи-озера вокруг разлились,
Люди по лужам ступают, и брызги
Прыгают вверх — видно, скучно им в лужах,
Хочется снова им в дождь превратиться.

А эта работа — из Индии. Здесь изображен «ПРАЗДНИК В ДЕРЕВНЕ», имя автора — СИИМА БАЛВАДА, возраст — 12 лет.

Во многих учебных заведениях Великобритании существует традиция издавать своими силами журналы. Так же, как наши школьные стенгазеты, эти журналы рассказывают о всех важных событиях в жизни ребят, о фестивалях, конкурсах и спортивных состязаниях, в которых они участвуют, о тех местах, где им удается побывать во время каникул. На страницах журнала делятся они своими мечтами, рассказывают о планах на будущее. И, конечно, дело не обходится без стихов: почти в каждом номере появляются складные и не очень складные поэтические пробы.

Стихотворения Саманты Хейген и Пола Нанна мы нашли в журнале школы Конелиус Вермюден на Кэнвей Айленд.

Саманта ХЕЙГЕН, 12 лет.

Мой папа никому не делал зла

Мой папа никому не делал зла,
Не устаю твердить себе я снова,
Ведь за прилавком он стоял с восьми утра
За собственным, не трогал он чужого.
К нему ворвались двое в магазин
И денег требовать у папы стали.
Их было двое — папа был один,
Они его и слушать не желали.
Потом они достали пистолет —
Раздался выстрел, снова выстрел, снова...
Убили папу, папы больше нет.
«Нет» — страшное, бессмысленное слово...
Мой папа никому не делал зла,
Не устаю себе твердить я снова...

Пол НАНН, 11 лет.

Сокровище

Мы в море пустились на лодке втроем,
Нам чайки кричали, что мы пропадем,
Нас волны кидали и ветер трепал,
Но духом никто среди нас не упал.
С друзьями решили мы не отступать,
Нас сам альбатрос не сумел испугать,
Взмахнувши крылом, страшный крик испустил,
Но это прибавило только нам сил.
Мы верили, будто в морской глубине
Богатства несметные ждут нас на дне.
И надо решиться поглубже нырнуть —
Отыщется тут же к сокровищам путь.
Я в море был смыт набежавшей волной,
Не чайки, а рыбы кружат надо мной,
В подводное царство попасть я спешу.
И — странное чувство — в воде я дышу!
На дне весь в ракушках старинный ларец —
Сокровища я отыскал наконец,
Ларец я пытался напрасно поднять,
Тут начали силы меня оставлять...
Друзья мне мои рассказали потом,
Что в лодку меня затащили с трудом.
Вы скажете — это счастливый конец.
Счастливый? А как же заветный ларец?

**Перевела с английского
Марина ДУБРОВСКАЯ.**

Владислав **КРАПИВИН**

Оранжевый портрет с крапинками

ПОВЕСТЬ

Продолжение. Начало в №№ 4, 5.

Рисунки Е. СТЕРЛИГОВОЙ.

Кто я такой?

Все-таки Фаддейка уговорил Юлю переправиться через Талью вброд. Вечером, когда шли из библиотеки. И они переправились — где прямо по твердому песчаному дну, где по камням, где по островкам, вылизанным волнами. Лишь раз Юля соскользнула с валуна и макнула в реку подол. А Фаддейка ускакал вперед, оглядывался, постреливал золотой искоркой и подавал советы.

— Сам не бултыхнись,— отозвалась Юля.

— Со мной ничего не будет,— хвастливо заявил он. И судьба наказала его. На берегу, на деревянном тротуаре, он зацепился ногой за щепку, и острый конец воткнулся ему в большой палец.

Фаддейка зашипел и сел на корточки. Зажал ногу.

— Ну-ка покажи. Допрыгался,— морщась, проговорила Юля.— Покажи, говорю... убери лапы! — Она выдернула занозу, выдавила побольше крови. Фаддейка страдальчески сопел.— Нечего пыхтеть, сам виноват... Перевязать надо.

— У меня платок есть...— Он выдернул из кармана мятую пятнистую тряпицу.

— Убери эту заразу...— Юля раскрыла сумку. По давней походной привычке она всегда носила с собой моток стерильного бинта.— Ну-ка дай... Не дергайся...

Через минуту на месте пальца красовалась ярко-белая култышка. Фаддейка с удовольствием пошевелил ею и сказал:

— Годится...— И пошел впереди Юли, ступая на пятку. Снятыми морковными гольфами стегал по верхушкам сорняков.

— Прививку бы сделать,— нерешительно сказала Юля.— Щепка грязнющая.

Фаддейка пренебрежительно шевельнул спиной.

— В меня знаешь сколько уже всяких уколов навтыкано? И от столбняка, и от заражения. А в прошлом году даже от бешенства. Меня какая-то незнакомая псина тяпнула на рынке... Почему-то меня собаки не любят...

— Собаки, они знают, кого любить, а кого нет,— сумрачно объяснила Юля.— Иди осторожней, а то опять напорешься.

— Собаки не такие уж умные. Если хочешь знать, лошади в сто раз умнее. Вот смотри...

У кривых ворот стояла гнедая брюхатая кобылка — она привезла телегу с сеном. Фаддейка бросил в траву обувь, нашарил в кармане серый от пыли кусок сахара, подошел к лошади и протянул ей угощение. Та нагнула голову, взяла губами сахар с ладони, захрумкала. Фаддейка бесстрашно обнял ее за шею, прижался веснушчатой щекой к лошадиной морде. Кобылка ласково косила глазом. Фаддейка сказал Юле:

— Видишь? Меня здесь каждая лошадь знает.— И погладил на кобылиной морде белое пятнышко...

Когда пришли домой, Фаддейка без приглашения просочился в пристройку, сел на чурбак и глянул на Юлю внимательно.

— А ты чего надутая? Из-за пальца моего? Или потому, что опять письма нет?

— Потому что письма,— призналась Юля.— Каждый день хожу на почту, как дура. Даже стыдно.— Она с ногами села на постель и обняла колени.

— Будет письмо, вот увидишь...

— Откуда ты знаешь? — грустно усмехнулась Юля.— Ничего уже не будет.

— А ты откуда знаешь, что не будет?

Юля шмыгнула носом и сказала Фаддейке просто и честно то, что думала:

— Я далеко, а там красивых девушек много. А я некрасивая.

Фаддейка прошелся по ней деловитым взглядом, будто с кем-то сравнивал.

— Нет, ты это зря. Кто тебе сказал, что ты некрасивая?

— Эх ты, Фаддейка...— вздохнула Юля.

— Нет, в самом деле...— Он опять глянул деловито и оценивающе.— Конечно, ты не такая красавица, как в кино. Но у тебя глаза красивые. И рот...

— Я жердина...

— Не жердина, а просто большая. У таких крупных женщин бывают красивые дети.

— Чего-чего? — Юля спустила с постели ноги и заморгала.— Слушай, Фаддей, я тебя сейчас выдеру.

— Вот тебе и на!..— Он блеснул золотистым глазом и хихикнул.— Я-то при чем? Это мама говорила. Не про тебя, а про нашу знакомую, про тетю Соню...

— Тете Соне и рассказывай такие вещи!

— А она и так знает... Она сама знаешь какая? Великанша кривоногая, а дочка у нее красавица. В музыкальной школе учится и на концертах выступает... Только ну ее...

— Почему?

— А она такая...— Фаддейка взял пальчиками края выпущенной майки, как подол платьица, и повертел талией.— Вся из себя модная. Я таких не люблю.

Юля загнала внутрь усмешку.

— А каких любишь?

Фаддейка опять глянул на нее, будто с кем-то сравнивал, но тут же отвел глаза и сказал серьезно:

— Ну... таких, как мама. Она у меня по правде красавица...— Он снова пустил глазом насмешливую искорку и сморщил нос.— А я вот уродился такое чучело.

Юля засмеялась:

— Ты не чучело, ты хороший...

— Конечно, хороший,— согласился он без лишней скромности.— Хорошее чучело.

— Просто ты Фаддейка,— сказала Юля уже без смеха.— Такой как есть. Единственный и неповторимый.

— Да...— Он кивнул, сел рядом с Юлей, покачал ногой с забинтованным пальцем. Повернул к Юле лицо, и оба глаза были теперь темные и беспокойные.— А почему я Фаддейка?

Юля удивилась его неожиданной тревоге.

— А что здесь плохого? Ты же сам говорил, что это имя тебе нравится.

— Да я не про имя... Почему я — это я?

Юля непонимающе вздохнула.

— Ты про такое никогда не думала? — требовательно спросил Фаддейка.— Я про это первый раз на колокольне подумал. Не тогда, когда с тобой, а раньше...

— Объясни-ка получше...— Юля сморщила лоб.

— Про это трудно объяснить... Я многих спрашивал, а они не понимают.

— Я попробую понять.

— Ну вот, слушай. Я — это я. Внутри себя. На свете очень много людей, разных. Но они вокруг, а не во мне. А тот, который во мне... тот, который все видит и понимает... и все чувствует, почему он — Фаддейка, а не кто-то другой? Почему так случилось, что я — это именно я? Понимаешь?

— Кажется, да...— тихо сказала Юля.— Но так про себя, наверно, каждый думает. И я думала. Но уже давно... И немножко не так, по-своему...

— Но все-таки ты меня понимаешь? — спросил он с нажимом.

— Угу...— осторожно отозвалась Юля.

Фаддейка облегченно откинулся к дощатой стене и растянул в улыбке рот.

— Вот и хорошо. А то, кроме тебя, только один человек понимал. Художник...

— Какой еще художник? — сказала она ревниво.

— А приезжал сюда в прошлом месяце. Старинные места рисовал. Молодой и бородатый. Хороший такой, из Новосибирска, Володя... Я ему помогал этюдник таскать, вот мы и разговаривали.

— Про что же вы разговаривали? — спросила Юля, думая о бородатом Володе со странной досадой.

— Ну, про такое же... как с тобой. Он мне знаешь как объяснил про людей? Что это нервы Вселенной.

— Что-что?

— Ну, вот так... Наша Земля и все планеты, и все-все звезды, и галактики — это все будто живое. Только оно само это сперва не знало. Потому что, чтобы знать, надо ведь видеть и слышать, а для этого глаза и уши нужны. И мозги, чтобы понимать. И нервы, чтобы чувствовать. Вот и появились у Вселенной такие нервы. Люди.

— Надо же...— сказала Юля непонятным для себя самой тоном. Но Фаддейке, видно, послышалось одобрение.

— Ага... И я тогда подумал, что, если человек умирает, это не так уж страшно. Для других, конечно, печально, а самому бояться не надо. Ну, подумаешь, один маленький нервик отомрет! Все равно Вселенная останется живая...

Юля быстро придвинулась к Фаддейке и, будто защищая его, сказала:

— Нечего тебе про умиранье думать. Рано еще.

— Да это я так. Ну, попутно... А главное, я все про то же думал. Пускай я нерв. Но почему именно *этот*? Тот, которого зовут Фаддейка? Как-то непонятно... Юль! А может, я по очереди буду всеми? Каждым человеком... Вселенная ведь бесконечная, у нее времени сколько хочешь, я успею. И может, каждый человек так? А?

— Ой,— сказала Юля искренне.— Я не знаю... А что хорошего быть каждым подряд?

— Интересно же.

— А сколько всяких злодеев на свете было и сейчас есть. Например, фашистом каким-нибудь разве интересно быть?

Фаддейка снова покачал ногами. Потерся ухом о поднятое плечо.

— Я про это тоже думал... А Володя говорит, что люди, как нервы, бывают всякие. И больные бывают. Всякие плохие люди — это больные нервы Вселенной. А я ведь... не больной же...

— Нет, конечно,— успокоила Юля.— Фаддейка... А с кем ты еще про такие вещи рассуждал? Или только со мной и с этим Володей?

— С мамой еще...

— А она что?

— А она все объяснила...— Левый глаз Фаддейки опять заискрился.— Она говорит: «Сперва тебе не кем-то другим надо делаться, а самим собой. А то сейчас ты — даже и не ты, а растрепа. Причешись, отмой уши и колени и пойдем твое дупло в зубе лечить...» Ой-ей-ей.

Юля засмеялась:

— Видишь, как все просто, не то что у твоего бородатого философа.

— Он не философ, а художник... Он мой портрет нарисовал. Почти одними рыжими красками...— Золотистый глаз Фаддейки засиял.

— А где этот портрет?

— Он с собой увез. Говорит, на выставку.

Юля разочарованно вздохнула.

— А мне он тоже оставил,— утешил Фаддейка.— Только другой, поменьше. Карандашиком нарисован. Хочешь, покажу?

— Покажи...— Юля была уверена, что портрет непохожий. Как можно изобразить на листе живое Фаддейкино лицо? Если бы еще знаменитый художник, а то какой-то неизвестный Володя...

Фаддейка, прихрамывая, убежал.

Юля встала и подошла к зеркалу. Опять толкнулось под сердцем прежнее беспокойство.

«Почему я — это я?» — спросила Юля у себя в зеркале. Правда, почему она — это она? Была бы она не Юля, а курсант Юрий Шумов. Тогда она (то есть он) взяла бы и, не мешкая, написала письмо с адресом: «Верхоталье, до востребования, Молчановой Юлии». И все в этом письме объяснила бы честно. Если уж конец всему, то конец. Это лучше, чем так вот маяться...

«Да не очень-то я и маюсь,— сказала она себе.— Что я ему не нужна, это и так понятно, чего уж тут... Просто окончательной ясности нет, оттого и настроение кислое...»

Весело прихромал Фаддейка с альбомным листком. Юля снисходительно взяла бумагу. И не удержалась — расплылась в улыбке.

Это был хороший портрет. Чего зря придираться, замечательный портрет. Фаддейка, нарисованный густыми карандашными штрихами, смеялся, как живой. И даже искорка в глазу блестела.

— А ты не верила,— усмехнулся Фаддейка.

— Да, хороший он художник,— со вздохом сдалась Юля.

— Это мне на память о нем,— сообщил Фаддейка и потянул листок. Кажется, он догадался, что Юля готова попросить портрет в подарок.

Она смутилась, почуяв его догадку. И недовольно сказала:

— Смотри, повязка на пальце съехала. Правильно мама говорит: растрепа...

Рыжие кони

Утром, выйдя на крыльцо, Юля услышала небывалое: Фаддейка ревел. Из открытого кухонного окошка доносились всхлипы и канючащий, противный, но безусловно Фаддейкин голос:

— Ну, чего ты сочиняешь, что нету?! Сама говорила вчера, что пенсию получила, а теперь — нету!

Кира Сергеевна отвечала что-то негромко и наставительно. Фаддейка плаксиво взвизгнул:

— И ничего не дурь! Не понимаешь, а говоришь! Раз я говорю, значит, мне ее надо!

Кира Сергеевна опять сказала что-то ровно и непреклонно. Фаддейка, перебивая себя всхлипами, заголосил:

— Ну, какая еще рубашка! У меня их куча, я их все равно не ношу-у... Ну, чего ты вы-ду-мываешь!..

Юле стало неловко за Фаддейку, и жаль его, и встревожилась она. И подумала, что лучше бы не соваться в чужие семейные дела. Но не выдержала, шагнула в кухню. Увидела мельком зареванное веснушчатое лицо и стесненно сказала:

— Здрасте, Кира Сергеевна... Фаддей, ты это что?

Он дернулся, отвернулся к окну и, растопырив острые локти, начал мазать ладонями по щекам.

Кира Сергеевна, не повышая голоса, объяснила:

— Новая блажь засела в голове. Увидел вчера в «Детском мире» губную гармошку, гэдээровскую. И вот: тетя Кира, купи! А зачем?

Фаддейка дернул спиной:

— Зачем, зачем! Сама, что ли, не знаешь, для чего гармошки делаются?

— Ты погруби мне еще...

Фаддейка опять шумно всхлипнул. Юля посмотрела на его спину с невольным сочувствием. Кира Сергеевна это сочувствие тут же заметила.

— Юленька, да вы не подумайте, что мне жаль, если для дела. Но он же подует в нее полчаса и забросит или отдаст кому-нибудь... У него же ни капли музыкальных данных.

— Ох уж, ни капли! — вредным голосом сказал Фаддейка и длинно засопел.

— Ни единой капельки,— решительно повторила Кира Сергеевна.— Юля, вы не слышали еще, как он песни поет? В соседних дворах куры дохнут!

— Тебе чужие куры дороже, чем родной племянник! — с отчаянием произнес Фаддейка и тихонько завыл. Видимо, его самого потрясла такая мысль.

Но Кира Сергеевна не дрогнула.

— Не куры и не племянник, а семь рублей. Они на дороге не валяются.

— Ну чего ты «семь рублей» да «семь рублей»! Мама приедет и отдаст!

— Мне отдаст, а тебе задаст. Чтобы не выдумывал. Она сама от твоих песен мигренью страдала.

— Это потому, что у меня голоса нет. А играть я научусь...

— При чем тут голос, у тебя слуха нет!.. Юля, ну как ему объяснить?

— Ох, не знаю,— жалобно сказала Юля.— Фаддейка...

Он обернулся, зыркнул на нее мокрыми глазами и выскочил из кухни.

— Ничего. Развеет дурь и придет,— пообещала Кира Сергеевна. Без особой, впрочем, уверенности.

Позавтракали в неловком молчании. Юля чувствовала себя невольной изменницей перед Фаддейкой, хотя вроде бы причины не было. Наконец она с облегчением ушла из-за стола и отыскала Фаддейку во дворе за поленницей. Он сидел на бревнышке, все еще тихонько всхлипывал и сердито отдирал от колена корочки старых ссадин. Юлины шаги он услышал, но не обернулся, только настороженно шевельнул оттопыренным ухом.

Юля сказала его кудлатому затылку:

— Чего уж так расстраиваться... Ну, хочешь, подарю я тебе эту гармошку?

Фаддейка подскочил, повернул злое измазанное лицо.

— Еще чего! Не вмешивайся в это дело!

Он опять сел спиной. Юля постояла рядом и сказала:

— Ну, и пожалуйста...

В библиотеку Юля пришла с нехорошим осадком на душе и работала вяло. Перед обедом дала себе слово не ходить сегодня на почту, а в перерыв, конечно, пошла. Привычно упала духом, узнав, что письма нет, лениво пообедала в «Радуге» и снова села разбирать бесконечный каталог.

В четыре часа с улицы донеслись протяжные звуки, будто на разные голоса сигналил десяток автомобилей. Нина Федосьевна, которая больше всего ценила тишину и порядок, судорожно дернулась к окну. Потом взялась за виски и скорбно сообщила, что «на нас движется Фаддей Сеткин с духовым инструментом».

Фаддейка возник на пороге, и гармошка в его пальцах сияла хромированными боками. Сам он тоже сдержанно сиял, только в глубине глаз угадывалось смущение.

— Выпросил все-таки,— укоризненно сказала Юля.

— Ага,— Фаддейка улыбнулся еще лучезарнее.— Только при одном твердом условии: во дворе и дома не играть. Тетя Кира сказала: «Иди на берег и там репетируй, сколько хочешь».— Он задумчиво потянул гармошку к губам.

— Я вполне разделяю точку зрения тети Киры,— поспешно сообщила Нина Федосьевна.— Юленька, вы сегодня сделали такую гору работы! Забирайте музыканта и идите отдыхать.

— И это будет отдых? — Юля выразительно посмотрела на Фаддейку.

Он аккуратно вытер гармошку подолом майки и сунул ее за ремешок. Дурашливо вытянул руки по швам.

— Пошли, Святослав Рихтер,— сказала Юля.— До свидания, Нина Федосьевна. Я уведу его подальше...

Они зашагали по берегу к лестнице и Фаддейка ворчливо проговорил:

— Между прочим, Рихтер играет на рояле, а не на гармошке.

— Между прочим, я это знаю... Ну, научился чему-нибудь?

Фаддейка уклончиво сказал:

— Не все сразу. Думаешь, так легко?

— По-моему, это ты думал, что легко,— поддела Юля.

— Не... Просто мне очень надо.

— А по-моему, это дурь...

— Не знаешь, так не говори,— огрызнулся он.

Юля примирительно сказала:

— Ну, ладно, тебе виднее... Только знаешь, что?

— Что? — буркнул он.

— Не обидишься, если скажу?

— Откуда я знаю заранее? Говори уж...

— Все-таки это было ужасно,— со вздохом призналась Юля.— Сегодня утром, когда ты ревел. Даже стыдно смотреть...

— Не смотрела бы,— огрызнулся Фаддейка. Но, кажется, без обиды, а так, для порядка.

И Юля попросила:

— Пожалуйста, не делай так больше, ладно? А то ты на себя становишься непохожий. Будто не Фаддейка, а... не знаю кто.

Он ответил очень неожиданным тоном. На ходу взял Юлю за руку, заглянул в лицо, сказал печально:

— А если нет никакого выхода... Если очень надо, а ничем больше не добьешься, только слезами?

Юля хотела ответить насмешливо, но смутилась. Потемневшие были у Фаддейки глаза, без искорки.

— Неужели уж так тебе «очень надо» было эту гармошку? — неловко сказала она.

— Ты же не знаешь... Мне ведь не просто играть на ней надо, а одну песню выучить. Чтобы запомнить.

— Что за песня?

Он глубоко вздохнул, и при этом вздохе гармошка вывалилась из-за пояска. Фаддейка опять сердито вытер ее о майку.

— Ты вот спрашиваешь... А как я объясню? Названия я не знаю, петь не умею. Вот и хочу научиться мотив играть.

— А слова знаешь? Про что песня-то? Откуда?

— Из телевизора. Я ее два раза слышал. Про рыжего коня...

Два дня Фаддейка не провожал Юлю утром и не заходил за ней вечером. А в открытые окна библиотеки иногда залетали с берега звуки, напоминающие скандальную перекличку катерных сирен. На третий день, собираясь домой, услышала Юля отчетливую и довольно правильную мелодию «Чижика-пыжика». Она обрадовалась: наконец-то Фаддейка достиг ощутимых успехов! И пошла на звуки гармошки через гущу берегового сада.

Фаддейка сидел на лавочке под старым кленом. А рядом с ним темноволосый пацаненок лет восьми. Аккуратненький такой, красиво подстриженный, в рубашке с рисунком из разноцветных бабочек. Он-то и наигрывал на Фаддейкиной гармошке.

— Здравствуйте, музыканты,— сказала Юля. Темноволосый музыкантик испуганно встал и протянул гармошку Фаддейке. Тот нахмурился, сунул ее в нагрудный карман на мальчишкиной рубашке с бабочками. Сказал мальчику:

— Договорились же.— И деловито кивнул Юле: — Пошли.

На лестнице Юля не выдержала, усмехнулась:

— Подарил?

— И не подарил вовсе, мы поменялись. Вот, на значок...— Он ткнул пальцем в грудь. К оранжевой майке был прицеплен значок с парусным корабликом.

— Ну-ну...— сказала Юля.

— А чего... У него способности, а у меня все равно не получается.

— Тетя Кира задаст тебе за гармошку.

— Да она только рада будет!.. А значок-то смотри какой: шлюп «Восток».

Назавтра, в середине дня, Фаддейка ворвался в библиотеку.

— Юля, включи телевизор!.. Здрасте, Нина Федосьевна, можно включить?

Он кинулся к старенькому «Рекорду» в углу тесного читального зальчика и напугал двух первоклассниц, которые листали «Мурзилку». Прошелся вихрь. Юля грудью легла на разобранные карточки каталога. Нина Федосьевна подняла пальцы к вискам:

— Фаддей Сеткин...

Фаддей лихо крутил регуляторы.

— Сейчас эта песня будет! Юля! Я дома смотрел, и как раз этот хор начался... Я скорей сюда! Мы успеем! Вот...

На старчески мигающем экране появилась шеренга ребят в белых рубашках и одинаковых жилетках. Они пели знакомое:

От улыбки хмурый день светлей...

Фаддейка поморщился:

— Это пока не то. Другая песня будет...

Девочка с капроновыми бантами улыбнулась во весь телевизор и голосом отличницы объявила:

— Песня из школьного спектакля «Наш эскадрон». Музыка Володи Хлопьева, слова Игоря Конецкого. Солисты — Слава Охотин и Юра Кленов.

Два мальчика Фаддейкиного возраста, переглядываясь и немного смущаясь, подошли к микрофону. Юля сразу решила, что беленький и глазастый — Слава, растрепанный и большеротый — Юра. Она пожалела, что телевизор не цветной: Юра наверняка был рыжий, вроде Фаддейки.

Ударили аккорды пианино. Фаддейка напружинился, вцепился в спинку стула. Мальчишки разом вздохнули, и голоса их — громкие и чистые — резво начали песню, которую Юля никогда не слыхала:

Вновь тревожный сигнал
Бьет, как выстрел, по нервам,
В клочья рвут тишину на плацу трубачи...

Хор вступил незаметно, не заглушая солистов:

И над дымным закатом
Планета Венера
Парашютной ракетой повисает в нóчи...

Беленький Слава посмотрел с экрана прямо Юле в глаза и запел очень высоко и звонко:

Рыжий конь у меня,
Даже в сумерках рыжий,
Опаленный боями недавнего дня...

Фаддейка коротко вздохнул. Юра Кленов тряхнул волосами и поддержал Славу:

Как ударит копытом —
Искры гроздьями брызжут,
И в суровую сказку он уносит меня...

Хор запел:

Эта сказка пришла
Вслед за пыльными маршами —
Колыбельная песня в ритме конных атак.
Детям сказка нужна,
Чтобы стали бесстрашными,
Взрослым тоже нужна — просто так,
просто так...

Совсем незнакомая и немножко странная была песня. И, наверное, хорошая, раз у Юли пошел по спине холодок. Мальчишки-солисты переглянулись и запели одни: снова про рыжего коня... А потом опять хор:

И как знамя, летят
Крылья алого солнца,
Кони в яростном беге рвут орбиты планет.
И по звездным степям
Мчится звездная конница...
Почему же меня с вами нет,
с вами нет...

Фаддейка опять коротко вздохнул и двинул стулом. Незнакомые Слава Охотин и Юра Кленов пели:

Рыжий конь у меня,
Даже в сумерках рыжий...

...Когда песня кончилась, Фаддейка решительно щелкнул тумблером. Не хотел он других песен. Лицо его побледнело так, что веснушки казались черными.

— Ну? — требовательно сказал он Юле.— Что? — Он взял ее за руку и утянул к окну.

— Замечательная песня,— сказала Юля.— Что тут говорить...

— Вот видишь... А ты мотив запомнила?

— М-м... Немножко.

— Ты мне споешь потом?

— Ну... какая я певица? И слова я все не вспомню.

— Я их помню, я тебе напишу. Споешь? Мне эта песня, знаешь, как нужна!

Юля поняла, что не время спорить. Бывает в жизни, что человеку отчаянно нужна любимая песня.

— Я постараюсь,— сказала она.

Фаддейка облегченно вздохнул, как-то обмяк и стал прежним Фаддейкой. Брызнул искоркой из левого глаза и предупредил:

— Имей в виду, я слова тебе сегодня же напишу.

— Ладно... Там очень интересные строчки есть:

И над дымным закатом
Планета Венера
Парашютной ракетой повисает в ночи...

— Ага... А на Марсе нашу Землю видно, как у нас Венеру. Тоже в лучах солнца. Только Земля голубая...

* * *

Солнце скатилось за плоские гребни дюн, и голубая звезда переливалась и разбрасывала игольчатые лучи. В сторону заката и звезды рысью шел табун рыжих коней. Вожак точно выбирал дорогу, и лошади, не замедляя бега, огибали песчаные заносы. Их копыта глухо гремели о закаменевшую потрескавшуюся землю. Несмотря на сумерки, гривы отливали оранжевым светом.

Три всадника смотрели вслед табуну.

— И где они берут пищу в этих мертвых местах? — тоскливо спросил молодой воин. Он был из Лесной стороны и не мог привыкнуть к пескам и камню.

— Находят,— отозвался старый Дах.— Есть трава среди песков. Можно прокормиться, если все время быть на ходу, искать...

— Они дикие, у них чутье,— сказал второй воин.

— Не дикие, а одичавшие,— хмуро поправил Дах.— Когда-то у них были хозяева.

— Может быть, скоро во всех краях останутся только одичавшие кони да песчаные кроты,— тихо проговорил тот, что из Лесной стороны.

— Может быть. Если этого захотят Владыки Звездного Круга,— проговорил старый Дах и поплотнее закутался в плащ.

— Владыкам Звездного Круга не до нас,— возразил второй воин. Он не должен был возражать командиру, но здесь, в глуши, не всегда помнили о дисциплине.

Дах не ответил. Опять приближался ровный гул. Это, обходя пески, шел по каменному плато еще один табун...

Испорченный телефон

Небо утром оказалось очень синим, но в нем густо бежали маленькие пегие облака с серыми животами. Солнце то и дело выскакивало из облаков, и тогда на сморщенной ветром воде вспыхивали охапки искр. Но все равно было зябко. Ветер дул с севера. Он сгибал проросшие сквозь песок длинные травинки. Юля шла вдоль узкого пустого пляжа и поеживалась.

Песчаная полоса тянулась по плоскому берегу Заречья. Вдоль нее был проложен к мосту деревянный тротуар. На песке рядом с тротуаром сиротливо торчала телефонная будка. Юля каждое утро ходила мимо этой будки и всякий раз думала: «Кажется, это единственный в Верхоталье телефон-автомат, да и тот не работает...»

С металлических переплетов будки чешуей облезала желтая краска. Когда-то сверху донизу будка была застеклена или забрана листами пластика. Но теперь стекол и пластика почти не осталось, и стенки были заделаны кусками фанеры и жести. А внизу на дверце темнел пустой квадрат. Иногда в этом квадрате Юля видела бродячего белого кота со светящимися глазами. Но сегодня кота не было. Зато в темном квадрате переступали и терлись друг о друга ноги в незашнурованных кедах и съехавших морковных гольфах (видимо, эти ноги неласково обдувал залетавший в будку ветер).

Юля удивилась и даже встревожилась: «Что он там делает?» Она чуть не остановилась, но потом быстро прошла мимо и только шагов через десять оглянулась. В боковой стенке был выбит верхний квадрат. В нем Юля увидела Фаддейкин разлохмаченный затылок и плечи. Фаддейка делал то, что и полагается делать в телефонных будках: прижимал к уху трубку и что-то говорил в прикрытый ладошкой микрофон. Долго говорил... Юля недоуменно пошарила глазами по воздуху. Нет, прово-

дов у будки не было. Подземный кабель? Здесь о них, наверное, и не слыхали. Она отошла еще шагов на двадцать и за стволом векового тополя пять минут ждала, когда Фаддейка выйдет из будки.

Он зашагал к мосту, поддавая ногами большущую хозяйственную сумку. Юля подождала еще и заспешила к будке.

Конечно, телефон был дохлый. Снятая трубка ответила каменным молчанием, диск на ободранном кожухе проржавел и еле вращался. Юля пожала плечами, покачала головой. И пошла следом за Фаддейкой, который далеко впереди подпрыгивал, как тонкий оранжевый поплавок на речной ряби.

Она догнала его на мосту. Он не удивился, заулыбался, не сбавляя шага. Ветер трепал красно-апельсиновые вихры.

— Ты куда так рано? — спросила Юля.

Он опять пнул сумку в клеенчатый бок.

— На рынок, за капустой. Скоро мама приедет, тетя Кира хочет пирожки с капустой нажарить. Мама их с детства любит. А ты любишь?

— Ага. С молоком... Я тебя в телефонной будке видела. Ты, наверно, на вокзал звонил? Насчет поезда?

Фаддейка перестал улыбаться. Стал смотреть перед собой и словно отгородился дверцей. Наконец, сказал:

— Не... Не на вокзал.

— А куда? — рассеянным тоном спросила Юля. Но в душе уже выругала себя за это фальшивое равнодушие и дурацкое любопытство.

Фаддейка шел чуть впереди и будто не расслышал вопроса.

Лишь через минуту он сказал сумрачно:

— Телефон же не работает...

Тут уж ничего не оставалось, как удивиться:

— А что же ты там делал?

Он быстро глянул на Юлю через плечо. И вдруг улыбнулся, но не как обычно, а легонько, уголком рта.

— Я так просто говорил. Ну, «как будто»... Играл.

— А! — обрадовалась Юля. Такому простому объяснению обрадовалась и Фаддейкиной доверчивости.— Тогда ясно. А я так удивилась...

Он посопел и сказал, будто оправдываясь:

— По-всякому ведь можно играть.. Что такого...

— Конечно... А с кем ты разговариваешь, когда играешь? Или секрет?

— Иногда секрет. Иногда нет...

Юля выжидательно молчала.

Фаддейка пнул сумку усерднее, чем раньше, и тихо сказал:

— Несколько раз с мамой разговаривал... если долго писем нет...

— Это уже не игра,— вздохнула Юля и осторожно взяла его за плечо.— Если нет писем...

— А бывает, что поговоришь, а назавтра письмо.

— Правда?

— Ага! — откликнулся он. И добавил тише: — А еще с Володей иногда разговаривал. Ну, с тем художником. Потому что мы про многое не успели поговорить... И еще с разными людьми...

— Фаддейка...— сказала Юля.

— Что?

— А со мной... когда я уеду, будешь разговаривать?

Он замедлил шаги и опустил голову. Пнул попавшую под кеды арбузную корку. («И кто это ел арбуз прямо на мосту?» — подумала Юля.) Мост пружинил. Ветер летел вдоль реки и покачивал его. И хватал за ноги зябкими мохнатыми лапами.

Фаддейка сказал виновато:

— Я же раньше тебя уеду...

— Ой, правда,— опечалилась Юля.

Они перешли мост и по ветхим дощатым ступенькам стали подниматься к воеводскому саду. Из гущи деревьев торчали каменные шатры башен, и вставала над берегом острая Покровская колокольня. Облака летели, и остатки позолоты на маковке загорались короткими вспышками. Фаддейка обогнал Юлю, оглянулся, покачался на шаткой дощечке и сказал:

— Вообще-то мне не хочется уезжать. Тетя Кира могла бы записать меня в здешнюю школу...

— Так оставайся!

— Мама не даст. Боится, что здесь хуже учат, чем в больших городах.

— Наверно, она просто соскучилась по тебе,— заметила Юля.

— В сентябре она все равно на семинар в Москву уедет... А я ведь не все время здесь хотел учиться, а только первую четверть. Здесь осень знаешь какая красивая! Все сады рыжие и красные...

— Как ты, — мысленно улыбнулась Юля.

— Как я,— весело сказал Фаддейка. И добавил уже другим голосом, серьезным: — И как леса на Марсе.

— Какие леса? — удивилась Юля.— На каком Марсе?

— Обыкновенные леса на обыкновенной планете Марс,— проговорил Фаддейка слегка отчужденно.

— Откуда они там взялись? Ученые доказали, что там одна пустыня. Красные пески и камни.

— Да,— сказал он.— А леса кое-где тоже еще есть. К северу от пустынь. Тоже красные. Вот такие. — Он дернул себя за майку.

— Ох и фантазер ты...

Он снисходительно усмехнулся и не ответил.

На верхней площадке лестницы они остановились передохнуть. Шумели старые березы и клены. Острая колокольня возносилась прямо над головами. По ее шатру пролетали тени быстрых облаков. И по Фаддейкиному лицу, когда он глянул вверх, тоже летели тени и солнечные зайчики.

— А хорошо мы туда слазили, да, Фаддейка?

Он серьезно кивнул. И вдруг сказал:

— Я там ночевал один раз. Год назад.

— Да? А... зачем, Фаддейка?

Он досадливо пошевелил плечами.

— Не знаю я. Чего спрашивать...

— Ну, не сердись. Ты же сам сказал.

— Я не сержусь. Просто я не знаю... Легко объяснить, если одна причина, а если они все вместе, если много их... Ну, во-первых, человек знакомый уехал...— Фаддейка с опущенной головой медленно пошел по садовой тропинке. Юля пошла следом, ни о чем не спрашивая. Оранжевые завитки волос вздрагивали над облупленными Фаддейкиными ушами и на тоненькой шее, покрытой желтым пухом.

— Жил тут мальчишка на каникулах,— сказал Фаддейка, не обернувшись.— То есть не мальчишка, большой уже, из техникума... Мы подружились тогда. Вместе в подземный ход лазили под стеной. Не тот, в который я недавно, а в другой... Потом он уехал, а я... Ну, я же не уехал, остался... У тебя так бывает: когда печально, хочется забраться куда-нибудь?

— Сколько угодно,— торопливо отозвалась Юля. Она обрадовалась, что Фаддейка так ее спрашивает, хотя незнакомый мальчишка из техникума вызвал у нее ревнивую досаду — как художник Володя.

— Вот я и полез... Но это лишь одна причина. А еще много всего было. Хотелось узнать: как это — ночь и высота?

— Поближе к звездам побыть,— понимающе сказала Юля.

— Да нет... До звезд — это разве ближе? Каких-то сорок метров. Просто интересно: что думается, когда весь город спит, а ты выше всех над землей?

— Совсем один, да?

Он опять не согласился:

— Наоборот. Будто вместе со всеми. Внизу-то всех не видать, а тут сразу целый город перед глазами. И огоньки... И поезда бегут... Везде люди. И будто я их всех охраняю, как старинный часовой на башне... А потом еще месяц в небо вылез. Будто мы с ним вдвоем всю землю сторожим...

— А не страшно там одному ночью? Я бы померла от ужаса.

Он помотал рыжими космами:

— Не-а... Я сперва тоже думал, что страшно будет. Вот поэтому еще и полез. Когда страшно, это ведь тоже интересно... Но я забрался, когда еще светло было. Темнеет-то не сразу, и я помаленьку привык.

— Я бы ни за что не привыкла, — искренне сказала Юля.

— Может, привыкла бы... А среди ночи почти все огоньки погасли и месяц куда-то пропал. Я думаю: ну, вот теперь будет страшно. А все равно ничего. Потому что звезды сделались яркие-яркие... Вот тогда они в самом деле будто ближе... И тут всякие мысли полезли. Но тоже не страшные...

— А какие?

— Всякие. И тогда та самая мысль первый раз появилась: почему я — это я? Помнишь?

— Помню... Тут уж, конечно, бояться некогда...

Он быстро оглянулся на нее:

— Ага... А потом я Марс отыскал. Сперва думал, что это сигнальный огонек на трубе, на электростанции. А потом смотрю — он плывет. Красная такая звезда. Вот жалко было, что бинокль не взял с собой.

— Разве в бинокль планету можно разглядеть?

— Все-таки лучше, чем просто так. Видно, что кружок. На копейку похожий...

Юля вспомнила:

— Когда я маленькая была, у нас дома был альбом про космос. И там цветные снимки планет, и Марс тоже есть. Размером с яблоко. И на нем разные пятна видны, полярные шапки и каналы. Только сейчас ученые доказали, что это обман зрения: на самом деле никаких каналов нет.

Фаддейка сказал спокойно:

— Конечно, нет. Это остатки стен.

— Каких стен? Фаддейка, что ты опять сочиняешь?

— Не сочиняю. Это защитные стены, чтобы удерживать песок, не пускать его на леса и поля. Про Великую китайскую стену слышала? Вот на Марсе такие же, только еще больше... Но они уже разрушены, потому что люди там тыщу лет воюют и воюют, строить им некогда... Не хочешь — не верь...

Юля чуть не ответила, что она, может, и поверит, если Фаддейка объяснит, откуда он все это взял. Но поняла, что объяснять он не станет. Фаддейке уже хотелось рассказать о другом. Его лицо засветилось.

— А утром такая заря была! И солнце такое... Громадное! И свет по земле, по деревьям — как волны. И петухи во всем городе заорали. Целая петушиная симфония...— Фаддейкины глаза сияли, и золотая искра озорно дрожала рядом с янтарным зрачком.— Я тогда знаешь что сделал? Высунулся и тоже как заору по-петушиному! Над всей землей!

Юля засмеялась, представив, как Фаддейка разносит с колокольни бесстрашное «ку-ка-ре-ку!». И волосы пламенеют, будто петушиный гребень.

Он тоже засмеялся:

— Мне даже спать расхотелось...

— А ты что, всю ночь не спал?

Фаддейка поежился:

— Уснешь там... Среди ночи такой кусачий холод сделался...

— А ты не взял ни одеяла, ничего теплого?

— Я телогрейку взял тети Кирину. Да сразу-то не подумал, что она короткая. Закутаешься — ноги торчат, ноги завернешь — спине холодно. Знаешь, как зубами стукал под утро...— Он опять зябко дернул спиной...

— Ты и сейчас зубами стукаешь,— строго сказала Юля.— Почему ты раздетый? У тебя что, кроме этой майки и штанов, надеть нечего?

— Просто мне такой цвет нравится.

— Зачем тебе обязательно этот цвет?

— Надо, — строго сказал Фаддейка.

— Надо — не надо, а мерзнуть не годится.

— Да я и не мерзну. Я это... как его... холодоустойчивая порода.

— Ох уж! А сам то и дело сопишь... Вот что, возьми-ка мою ветровку. Это ничего, что длинновата, рукава подогнем.

Юля была уверена, что Фаддейка возмутится: ходить в таком балахоне! Но он только спросил:

— А как же ты?

— У меня в библиотеке куртка есть! — обрадовалась Юля.— Стройотрядовская. Ты за меня не волнуйся.

Просторная коричневая ветровка оказалась Фаддейке до колен. Он послушно ждал, пока Юля подворачивала рукава. Ветер дергал подол ветровки. Фаддейка запахнул ее на груди, покрутил головой и плечами и сказал со странным удовольствием:

— Как боевой бушлат песчаных пехотинцев Лала.

— Каких пехотинцев?

— Да так. Ты не знаешь,— чуть насупился он. Но тут же улыбнулся. То ли Юле, то ли себе.

Вместе они подошли к библиотеке. С высокого крыльца было видно все Заречье. На плоском берегу, почти у самой воды, Юля разглядела телефонную будку. Отсюда она казалась крошечной.

— Я пошел,— вздохнул Фаддейка.— Тетя Кира капусту ждет... Хочешь, я вечером зайду за тобой?

— Хочу, конечно... Фаддейка, послушай...

— Что?

Не надо было спрашивать, но у Юли как-то вырвалось:

— А с кем ты сегодня разговаривал там, в будке? Если, конечно, не секрет...

Она тут же испугалась, что Фаддейка рассердится на такую назойливость. И решит, чего доброго, что Юля требует откровенности в обмен на куртку.

Но Фаддейка не рассердился. Он только опять пнул сумку и сказал очень серьезно:
— Вот это как раз секрет.

* * *

...Узловатый высохший ствол был добела выскоблен летучим песком. Кора с него давно облезла, ветки осыпались, и лишь пара крепких сучьев торчала, напоминая скорченные руки. На высоте плеча темнело дупло — как разинутый рот древнего идола, которых находят иногда в песках Бурого Залесья.
Старый маршал подержал у щеки витую раковину песчаного моллюска и опустил ее в дупло. Сел на коня. Заправил под кожаный нагрудник бороду, чтобы не трепало ветром. Дах молча наблюдал за ним. Он и маршал понимали друг друга без слов. С того дня, как Фа-Тамир взял начальника патрульной сотни в помощники, они не сказали друг другу и сотни фраз. Но сейчас Дах не выдержал. В его широких, не боящихся песка глазах светилось мальчишечье любопытство.
— Вы и правда говорили с ним, Фа-Тамир?
— Да. И не первый раз...
— Сколько чудес в нашем старом мире...
— Он, оказывается, не так уж стар...
Дах молчал, но смотрел вопросительно.
Маршал сказал:
— Сет недоволен, что мы упустили бывшего командира песчаных волков. Это грозит бедами, потому что волк Уна-Тур растоптал обычаи.
— Он не уйдет далеко.
— Может уйти. Он разведчик и знает дороги.
— Мои всадники тоже знают дороги... Сет не вернется?
Маршал не ответил.
Маленькое колючее солнце уже коснулось песков. Дрожали в лиловом небе редкие звезды. В поредевшем лагере и на башнях крепости зажигались огни.

Сет

— Ты все-таки ужасно примитивно мыслишь,— заявил Фаддейка. Выдав такую неожиданно солидную фразу, он съежился на подоконнике, подтянув колени к самым ушам, и стал смотреть в окутанный сумерками двор.
Юля фыркнула насмешливо и с обидой. Фаддейка опять повернулся к ней.
— Ну, посуди сама... Я же не утверждаю, что я настоящий марсианин. Просто я говорю, что у меня, наверно, что-то есть... такое, марсианское в крови. Может, кто-то из предков был марсианин. Прилетел, а вернуться к себе не смог. Еще в прошлые века. Ну, женился тут на ком-нибудь, вот и пошло...
— То Беллинсгаузен, то марсианин,— язвительно сказала Юля. Оттого, что за окном хмурый вечер, и оттого, что нет письма, было ей грустно, и в грусти этой проклевывалась какая-то ядовитая нотка. И Юля, сама того не желая, подъедала Фаддейку.
У него-то, у Фаддейки, было нормальное настроение, доверчивое. Он пришел, завел задумчивый разговор о том о сем и наконец признался Юле, что он марсианин. Ей бы, дуре, обрадоваться, что он доверил такую тайну, а она хмыкать начала. Будто это даже не она, а кто-то другой в ней сидит. Ну, Фаддейка наконец тоже выпустил колючки. Однако разговор не прекратил, сказал сердито:
— Не хочешь — не верь. Только я тебе по правде, а ты...
— Но как ты докажешь, что это правда?
— Потому что я много раз там все видел!
— Ты что, летал туда? Или там родился?
Вот тогда он и выдал ей про примитивное мышление.
Потом, когда еще поспорили и скучная ядовитость у Юли незаметно растаяла, Фаддейка проговорил миролюбиво:
— Может, это по-научному все можно объяснить. Может, это у меня память такая... по наследству... Или как она еще называется, если от предков?
— Генетическая?
— Ага! Как у Аэлиты! Помнишь, она на Марсе сны видела про голубое небо и про земные облака? Потому что ее предки были с Земли. А я, может, наоборот... Конечно, про Аэлиту — это придумано, а со мной по-настоящему. Наверно, с моими предками это все было, а мне вспоминается... Разве так не бывает?
— Ох, Фаддейка...— вздохнула Юля, но уже не насмешливо, а удивленно. И даже чуточку испуганно: за него почему-то испугалась.
А он быстро повернулся, свесил с подоконника ноги, уперся ладонями в косяки и посмотрел Юле в лицо. Темновато так посмотрел, без искорки. И спросил медленно:
— А если это не с предками было, а со мной? А?
— Да ну тебя,— сказала Юля, по спине ее прошел холодок.
А Фаддейка вдруг улыбнулся, постукал пятками по гулкой стене и проговорил уже слегка дурашливо:
— Спорим, что я по правде был на Марсе.
— Не буду я спорить. Если был, расскажи...
— «Расскажи»... Это трудно.
Юля прогнала непонятную зябкую боязливость и, подыгрывая Фаддейке, попросила:
— А ты начни по порядку. Как ты попал туда первый раз?
— Первый раз? Это странно получилось... В общем, я попал туда с Марса.
— С Марса на Марс?!
— Ну да... Не с планеты же! Марс — это марсовая площадка на корабле. На мачте. Не знаешь, что ли? А еще жених — моряк на паруснике...
— Фаддей! Я правда за ухо...
— Сама просила: расскажи!
— Не про жениха ведь!.. Ты сам-то на корабле как оказался?
— Это когда я был юнгой у Беллинсгаузена на шлюпе «Восток».
— Тьфу...— в сердцах сказала Юля.
Фаддейка глянул удивленно. Потом сказал покладисто:
— Ну ладно, не верь. Мы ведь сейчас не про это... Считай, что я так играл... В общем, это было в Атлантическом океане, ночью, когда еще шли в тропиках... Тепло там и темно, и звезды большущие. Я забрался на марсову площадку, чтобы... ну, короче говоря, так захотелось...
— Как на колокольню,— тихо и уже совсем серьезно подсказала Юля.
— Да! А там... ну, на высоте, всегда как-то по-особенному, не то что внизу. И я стал глядеть на звезды и Марс тоже увидел. Я долго смотрел... А он... Понимаешь, он начал приближаться, только не сразу, сперва незаметно. А потом все быстрее.

И превратился в шар, будто красная луна... Знаешь, почему так вышло?

— Почему, Фаддейка?

Он опять поколотил пятками по стенке. Вздохнул:

— Я думаю, потому, что он Марс, и площадка тоже марс. Как бы родственные слова. А все родное друг к другу тянется.

— По-моему, это ты к нему тянулся.

— Ну, наверно... раз я марсианин... Потом от него по волнам дорожка побежала, светлая такая, как от луны, только оранжевая. Даже не по волнам, а будто по воздуху, прямо к марсовой площадке. И я уже сам не знаю, как на этой дорожке оказался и бегу по ней... Она твердая такая и звонкая, будто медными листиками посыпана...

Сперва мне было хорошо, весело, ничуть не страшно. А потом как-то сразу — холод, небо такое... как паста в фиолетовом фломастере. И красные пески. И камни...

— А дальше?

— Потом много всего случилось... Там и хорошее было, но много печального. Вот ты, наверно, опять скажешь, что я придумываю. А если бы я придумывал, я бы уж что-нибудь повеселее сочинил, побольше интересных приключений и поменьше грустного...

— А что там грустного?

— Много. Потому что планета в то время уже совсем гибла от предательства.

— А кто ее предал?

— Сами люди, ее жители... Потому что воевали, воевали... Если война, это ведь всегда предательство для планеты.

— А почему они воевали?

— Ну, ты задаешь вопросики! Почему люди воюют? Ты у них спроси... Для этого и на Марс не надо летать... Хорошо еще, что там нет урановой руды и они до бомбы не додумались. Да и вообще до всякой взрывчатки не додумались, только луки и всякие метательные машины. Как у нас в древности... Но все равно знаешь сколько народу погибло! Почти вся планета опустела. И стены разрушились. И песок стал засыпать лес и озера... Юль...

— Что?

— А ты могла бы нажать кнопку?

— Какую кнопку?

— Будто не понимаешь.

— А при чем тут кнопка?.. Ты же сам сказал: там нет урановой руды.

— Юль, я ведь не про «там». Я про колокольню.

Юля смотрела встревоженно и вопросительно.

— Я тебе тогда не про все рассказал, как я на колокольне... Там ведь всякие мысли были. Даже дурацкие...

— Ну... какие? — осторожно спросила Юля.

Фаддейка неровно, толчками, сделал глубокий вдох, опять забросил ноги на подоконник и обнял колени. Сказал, уткнувшись в них носом:

— Вот ты представь хорошенько. Город весь спит, огоньков почти нету... И будто вся Земля спит. И будто я не здесь, а где-то... Ну, не знаю даже. Может, вообще на другой планете. А я один не сплю, будто у ракетного пульта. И у меня приказ: через пять минут нажать кнопку. И вот уже совсем другая сделается Земля. Половины Земли вообще не будет, только огонь... Ты могла бы нажать?

— Фаддейка, ну ты чего это сегодня? — жалобно сказала Юля. — Зачем про такое?

Он тихо попросил:

— Ты не виляй, а скажи: смогла бы?

— Нет, конечно...

— А если бы тебе расстрел грозил за то, что приказ не выполнишь?

— Ну и... Нет, Фаддейка, все равно не смогла бы.

— По-моему, никто нормальный не смог бы... А ведь есть люди, которые могут. Даже без расстрела, просто так.

— Это не люди, психи.

— Я и говорю... Значит, все мы висим на ниточке?

— Ну... не такая уж тонкая ниточка,— со старательной бодростью проговорила Юля.

— Юль, а ты согласилась бы умереть, если бы сказали: вот ты сейчас умрешь, а за это на Земле больше никогда не будет войны?

— Конечно,— искренне сказала Юля, хотя по спине опять прошел холодок.

— Я бы тоже. Даже и не испугался бы... Ну нет, испугался бы, но все равно... Юль...

— Фаддейка! Ты все-таки давай дорасскажи про Марс!

— Да что рассказывать! Ты все равно не веришь.

— Почему? Я верю... немножко. Интересно же.

Фаддейка повозился, устраиваясь в окне, как в раме картины. Хмуро усмехнулся:

— Там все-таки проще, потому что без бомб. Но все равно обидно...

— Что обидно?

— Они там все такие... храбрые и гордые. Больше всего ненавидят предательство. А сами столько веков предавали всю планету...

— А сейчас? — осторожно спросила Юля. Она уже понимала, что эта сочиненная Фаддейкой сказка стала для него как самая настоящая правда.

Он сказал устало:

— Сейчас, наверно, нет. Они кончили воевать. Может, еще спасут Марс.

— А давно кончили?

— Откуда я знаю? Там другое время... Может, сто лет назад, а может, прошлой осенью...

* * *

Осень тянулась, как серая резина. Солнце не показывалось, и каждое утро было похоже на пасмурный вечер. Не случалось ничего плохого, но хорошего тоже не случалось, и все дни были одинаковы. Одинаковые уроки, одинаковые разговоры, одинаковые телепередачи, одинаковые замечания в дневнике. И одинаковые упреки матери — крикливые, полные суровых обещаний, но торопливые и потому не страшные.

Во дворе было сумрачно и пусто, лишь одни и те же малыши деловито давили трехколесными велосипедами палые кленовые листья. Эти листья — желтые, как подсолнухи — были единственными светлыми пятнами. Но их быстро затаптывали...

Самое унылое крылось в том, что все было известно заранее: что будет завтра, послезавтра, потом...

В праздники, а иногда и просто в выходные — если был «повод» — приходили одни и те же гости. Впрочем, иногда появлялся и новый — «интересный» — человек. Но и при новом человеке все шло по старому расписанию.

Нет, мама не требовала, чтобы сын шел спать или смотреть телевизор. Его сажали со всеми за стол, а телевизор выключали, чтобы это «современное бедствие» не мешало «общению».

Общение начиналось с тоста за хозяйку дома, скромного звяканья крошечными рюмками с коньяком («А юным товарищам нальем газировочку...»). После глотка гости с минуту молча брякали вилками о тарелки с закуской, а мама глазами показывала ему, что нельзя взваливать на стол локти и ронять на скатерть салат.

Затем лысоватый и очкастый Виктор Вениаминович, мамин сотрудник по отделу «Станкоэкспорта», хитровато спрашивал:

— А что, леди и джентльмены, пока вы ищете нить светской беседы, не подбросить ли анекдотик?

— Только приличный! — не переставая жевать, вставляла Лариса Германовна — пожилая дама с белой, как вата (но не седой) прической, лучшая мамина знакомая.

Виктор Вениаминович воздевал пухлые ладони (мол, разве я способен на неприличие!) и предупреждал:

— Но если вы это уже слышали, останавливайте без церемоний.

Его не останавливали, хотя анекдоты повторялись по три раза. Все вежливо смеялись.

Разговор делался живее, однако новым не становился. Повторялись все те же имена и случаи, решались бесконечно все те же вопросы. И опять сорокалетняя красавица в парике Роза Анатольевна рассказывала историю, как она в Марселе «отстала от своих», не могла отыскать гостиницу, и ее проводил до отеля вежливый офицер с «американского парохода».

— Представьте себе, весь в белом, а сам черне-

хонький! Негр. А говорят, что негров в Америке угнетают!

Мама возражала, что негров действительно угнетают и что она, когда была в Нью-Йорке... и так далее. Разговор переходил на международные темы, и скоро все сходились на мысли, что «живем на ящике с динамитом, все посходили с ума и неизвестно, чем все это кончится, но добром-то уж не кончится, это точно...».

Было в общем-то ясно, что насчет «ящика с динамитом» — это серьезно. И казалось глупым (и в то же время уныло привычным), когда Лариса Германовна разрушала светский разговор визгливым криком:

— Эх, да что там, все едино! Не такие мы, что ли, бабы, как все?! Давайте-ка споем лучше! — И затягивала, как в фильме, где показывают деревенскую свадьбу:

Хазбулат удалой,
Бедна сакля твоя!..

Она кричала песню старательно, жмурилась от усердия, и смотреть на ее блестящее красное лицо было мучительно неловко, но люди за столом делали вид, будто все так и надо, и добросовестно подтягивали.

...И все это было знакомо и привычно, даже стыд за глупую Ларису Германовну.

И тогда он, чтобы спастись от тоски, начинал вспоминать, как прошлым летом у мамы случился неожиданный недельный отпуск и они ездили на дачу к знакомым и несколько дней одни бродили по лесу и берегам синего озера и катались на лодке. И даже открыли крошечный необитаемый остров с осокой и камышами... И мама наконец-то никуда не спешила... Но кончилось это быстро и как-то скомканно. Однажды утром мама сказала, что на соседнюю дачу приехал человек, который хочет познакомиться с ее сыном.

— Кто? — удивился он.

— Видишь ли... это твой отец.

Почему-то он не почувствовал ничего особенного. Наверно, от слишком большой неожиданности. Только спросил:

— Значит, это неправда, что он погиб?

— Да. Я говорила тебе так, пока ты был маленький.

— А где он был?

— Жил. В Москве... С другой семьей.

— А почему он от нас ушел?.. Или ты ушла? — сумрачно спросил он.

— Он... Когда тебе было полгода.

— Ладно. Я подумаю...

Он думал полдня, и мама не торопила. Наконец, он спросил:

— А раньше он почему не хотел познакомиться? Или ты этого не хотела?

Мама сказала очень серьезно:

— По-моему, он не хотел. Я тебя не прятала. Но он ни разу про тебя не спросил, не написал... Хотя, конечно, он знал о тебе кое-что. От общих знакомых.

— А когда мне было пять лет и я лежал в больнице с воспалением, он тоже знал?

— Да... Тогда было очень тяжело, и я написала ему.

— Я подумаю еще часик, ладно?

— Как хочешь...

Через час он сказал:

— Нет, я не пойду. По-моему, он предатель...

— Как хочешь,— опять сказала мама.

— А мы поедем опять на тот островок?

— Обязательно...

Но назавтра маму срочно вызвали на работу.

Впрочем, потом тоже было неплохо, было Верхоталье... Но лето промелькнуло, а осень потянулась, потянулась. Одинаковые дни...

Так было и в тот осенний вечер. Все то же самое. Только, пожалуй, слишком уж то же самое, чересчур! Потому что посреди надоевшей до одурения песни вдруг толкнулась и застучала отчаянная мысль: «Хоть бы что-нибудь случилось! Пусть хоть что! Лишь бы не эта одинаковость... Ну, пожалуйста, пожалуйста, пусть случится!!» И грянул в прихожей звонок.

Он показался неожиданно громким. Наверно, потому, что прозвучал в секундной тишине между куплетами песни. И песня подавилась этим звонком. И встревоженная мама при общем молчании вышла из комнаты и — уже не очень встревоженная, но удивленная — вернулась через минуту. Сказала сыну:

— Там тебя спрашивают... Какой-то пожилой мужчина. А зайти не хочет... Может, ты что-то натворил во дворе?

— Нет,— сказал он спокойно. Очень спокойно. Чтобы отвести подозрения. Потому что сердце бухнуло от тревожной догадки.— Это, наверно, дед Светки Ковалевой. Она болеет, а он ходит по ребятам, домашние задания выспрашивает... Я сейчас...

— Не Светки, а Светы,— сказала вслед мама...

В прихожей гостя не было, он стоял в коридоре, у кабины лифта. Прямой, седой, знакомый. Слегка разошелся на груди плащ и приоткрыл панцирь — на нетускнеющей меди горела от лампочки искра.

— Фа-Тамир...

— Мой привет и привет всех иттов вам, сет...

— Привет, Фа-Тамир.

— Кони ждут, сет. Помните, вы обещали вернуться по первому зову?

— Я все помню, Фа-Т...— Он вскинул голову и сказал суше: — Да, маршал.

— Значит, вы готовы ехать, сет?

— Я оденусь, ладно? Вечер холодный...

— Я дам вам плащ и шлем.

— Тогда...— Он прислушался. За дверью опять запели.— Идем, Фа-Тамир.

В старенькой школьной форме (в ней он уже не ходил на занятия, а носил ее просто так, дома), в легоньких кедах он с Фа-Тамиром, спустившись на лифте, вышел на холодный и очень темный двор. На детской площадке у спортивного бума, как у коновязи, стояли две лошади. Пофыркивали в сумраке.

Фа-Тамир снял с бревна поводья. Положил руку на седло того коня, что пониже.

— Садитесь, Фа-Дейк. Вам помочь?

Маленький сет народа иттов молча покачал головой.

Все отчетливее, все быстрее вспоминал он то, что было раньше: и густое фиолетово-чернильное небо, и топот конницы, и летящий навстречу красный песок. В теле, в ногах появилась привычная пружинистая сила. Сет Фа-Дейк легко прыгнул в седло.

Плащ и шлем сами собой оказались на нем. Прогудел под копытами асфальтовый двор, метнулись, размазались в желтые полосы огни в окнах, спустились, смешались в клубок и тут же развернулись в темную и широкую ленту-дорогу вечерние улицы. Понеслась совсем близко, у самых щек, звездная метель, зазвенела от ударов подков невидимая медь.

Плащ вытянулся за плечами, затрепетал.

Фа-Дейк выпрямился в седле, ослабил повод. Конек был резвый, послушный. Но незнакомый.

— А где мой Тир?

— Тир ушел в табун к диким лошадям, сет,— суховато отозвался Фа-Тамир.

— Не уследили?

— Его и не держали, сет. Он тосковал по вас и никого не подпускал к себе.

— Жаль. Теперь его не найти...

— Боюсь, что да, сет.

— Фа-Тамир,— на лету сказал Фа-Дейк с упреком и даже с тревогой.— Зачем ты так? Все «сет» да «сет». Раньше ты называл меня Огонек.

— Да, с... да, мой мальчик. Но сейчас другое дело. Сейчас я посланец короля и должен держать себя, как велит это звание.

— Фа-Тамир! А зачем король зовет меня? Что-то случилось? — наконец не выдержал Фа-Дейк.

— Да... Да, сет. Он хочет попрощаться.

— Но... как попрощаться? Мы же попрощались в тот раз.

— Он хочет попрощаться совсем. Король умирает, Огонек,— сказал маршал.

ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ.

Чип и Сережа называют победителей

— Чип, где ты? — Сережа не на шутку обеспокоился: только что его друг был тут, на столе, и вдруг пропал.— Чип!

— Я здесь! — Еле слышный писк донесся из груды писем, которую принесли из «Пионера».— Помоги, тону!

Отдышавшись, спасенный Чип рассказал Сереже вот что. На конкурс поступило две с половиной тысячи писем, а точнее, 2553.

— Чего тут только нет, посмотри, Сережа! И новые сказки, и стихи, и рисунки, и считалки. Почти сто человек решили все три задачи! Но сначала давай разберем ошибки остальных, чтобы они тоже смогли стать победителями на следующем конкурсе.

Итак, задача первая. Как уговорить маму купить жирафа.

Многие не поняли, что надо написать **программу,** и решили, что мы поручили им уговорить маму на самом деле купить жирафа. Некоторые участники нашего конкурса сообщают, что им не хватило на жирафа денег, другие — что жирафов в этом году не завезли в зоомагазин, а третьи жалуются, что у них зимой слишком холодно, вот летом — другое дело: можно и африканских зверей разводить. Кое-кто из ребят не нашел ничего лучшего, чем просто переписать начало разговора про жирафа из «Пионера». Это уж совсем никуда не годится — думать надо самим!

Решая эту задачу, ребята проявили меньше изобретательности, чем с остальными заданиями. Наверное, они забыли, что это **игра,** что решать задачу нужно весело, а не просто правильно.

Задача вторая — составить программу чистки картошки.

Типичная ошибка — неправильное употребление подпрограммы. Либо некоторые участники нашего конкурса не читали «Пионер» в 1986 году, где объяснялось, что такое подпрограмма, либо они не поняли этого объяснения. Многие решили, что если просто поставить в скобки концы фраз, то получится подпрограмма. Другие поняли так, что слово «ВОЗВРАТ» означает возвращение к началу подпрограммы, а на самом деле это выход из подпрограммы и продолжение той программы, которая обратилась к подпрограмме.

Простой пример — программа **ВОСКРЕСЕНЬЕ.**

1. Покатайся на коньках.
2. **Сходи в кино на** («Чучело»).
3. Сделай уроки.
4. Ложись спать.
5. КОНЕЦ.

Подпрограмма **Сходи в кино на** (фильм)

1. Узнай, где идет фильм.
2. Подойди к кинотеатру.
3. Купи билет на фильм.
4. Посмотри фильм.
5. Выйди из кинотеатра.
6. Вернись домой.
7. ВОЗВРАТ.

Видите, программа **ВОСКРЕСЕНЬЕ** вызывает подпрограмму **Сходи в кино на** (фильм), причем в этот раз на фильм «Чучело», а в другой раз это может быть «Ну, погоди!». В конце подпрограммы написано «ВОЗВРАТ», но это не возврат к ее началу — ведь тогда придется снова смотреть тот же фильм, потом снова, и так без конца — нет, это возврат к программе ВОСКРЕСЕНЬЕ. Ты вернулся домой из кино и делаешь уроки.

Задание третье — программа **«СКАЗКИ, СТИШКИ, СЧИТАЛКИ».**

Это задание у большинства ребят получилось лучше всего. Тут и сказки про кота в сапогах, и про золотую рыбку, и стишки про падишаха, и подпрограмма «Кто пасется на лугу (кони, нет, не кони)». ...Но много и ошибок: некоторые просто нумеруют персонажи или главы и думают, что получилась программа, другие делают бесконечный цикл, третьи забывают увеличивать номер в цикле, и так далее.

Общий совет: программу надо обязательно отладить, то есть посмотреть, как она работает. Ведь программа — это приказы для компьютера, а прежде, чем отдавать приказы, надо проверить, можно ли их выполнить и что при этом получится. Надо сыграть в компьютер — попробовать точно выполнить все эти приказы.

— Ну, хватит, Чип, мне уже надоело разбирать ошибки,— вмешался Сережа,— давай, наконец, выберем лучшую работу.

И тут разгорелись споры! Чип и Сережа чуть не поссорились, пока выбрали 15 лучших работ. Вот имена их авторов: Кирилл МИШАЧЕВ из Липецка (12 лет), Наташа САПУНЦОВА из Таганрога (11 лет), Кирилл ТРУБИЦЫН из Зеленограда (11 лет), Игорь ТЫРНОВ из Харькова (13 лет), Ирина КУЗЬМИНА из Саратова (возраст не указан), Алла КУЗЬМЕНКО из Киева (4-й класс), Алексей АДИГЕЕВ из Ростова-на-Дону (возраст не указан), Галя УХОВА из Троицка (13 лет), Сергей БАРСУКОВ из Краснодара (13 лет), Елена ЛУЗИНА из Москвы (9 лет), Сергей ВАРЖАНСКИЙ из Москвы (6-й класс). (Сергей у нас уже был победителем конкурса «Теремок», но мы неправильно напечатали в журнале его фамилию. Впрочем, Сергей сам виноват, у него такой плохой почерк, что его не может разобрать даже компьютер.) Дима ЛАПЧИК из Омска (10 лет), Олег КИБИРЕВ из Новосибирска (12 лет), Оксана ШАБЕРНЕВА из Казани (возраст не указан), Женя АНДРЮШИН из Курска (12 лет).

Пять первых работ были лучше всех. Кирилл Трубицын пишет, что занимается в кружке юного программиста. Действительно, по его программам видно: он опытный программист, знает язык БЕЙСИК и многие тонкости работы компьютеров. Но Сережа сказал, что изобретательности и фантазии больше в работе Наташи Сапунцовой, которая использовала только то, что было напечатано в «Пионере». Тут Чип обратил внимание на маленькую ошибку в Наташиной программе про жирафа. Она нумерует пункты своей программы и вводит номер N, который увеличивает на 2 при каждом цикле, чтобы ее программа приводила маме все новые доводы. Но Наташа, к сожалению, забыла написать, когда нужно переходить к пункту N, поэтому ее программа будет, как попугай, повторять маме все тот же первый довод: что Наташа берется ухаживать за жирафом сама. Все остальные доводы, и очень остроумные, так и не будут использованы. Чип сказал, что в программировании нет мелочей,— однажды ракета пролетела мимо нужной планеты из-за пропущенной запятой в программе.

Очень интересная работа у Ирины Кузьминой. Она составила блоксхемы для чистки картошки и для уговоров купить жирафа и заметила, что они совпадают. Потом она составила настоящую программу на БЕЙСИКЕ для сочинения стихов и прислала эти стихи, написанные компьютером:

Лисица бежала по полю,
Проклиная тяжелую долю.
За нею гнались собаки,
Желая с лисицею драки.

Судя по ее работе, Ирина — программист со стажем, но неизвестно, сколько ей лет, она этого не написала. Поэтому Чип и Сережа решили не присуждать ей первого приза.

Остались две работы — Кирилла Мишачева и Игоря Тырнова. Обе — замечательные, без единой ошибки, ясные и, что тоже важно, краткие. Ведь чем короче программа, тем легче в ней разобраться и тем проще ее изменить, если понадобится.

Вот, например, программа Кирилла для чистки картошки.

Возьми картошку и ПОЧИСТЬ (картошку), а теперь ВЫРЕЖЬ ГЛАЗКИ́. КОНЕЦ.

Подпрограмма ВЫРЕЖЬ ГЛАЗКИ́. Если глазки́ вырезаны, то возврат, иначе вырежь один глазок и ВЫРЕЖЬ ГЛАЗКИ́.

Подпрограмма ПОЧИСТЬ (картошку). Если картошка почищена, то возврат, иначе срежь кусочек кожуры и ПОЧИСТЬ (остаток картошки).

Прекрасный пример рекурсивной программы! Эта программа особенно понравилась Чипу, который вообще неравнодушен к рекурсивным программам и считает, что за ними будущее.

А Сереже больше понравилась программа Игоря про жирафа. Он прислал даже два варианта программы. Первый такой:

1. Если вам уже купили жирафа, то конец, иначе продолжайте дальше.
2. Сейчас N = 1.
3. Принеси домой N кошек.
4. Если мама тебя отругала или выбросила кошек на улицу, увеличь N в два раза.
5. Попроси маму купить жирафа.
6. Если мама купила жирафа, то конец, иначе переходи к строке 3.

— Смотри, Чип, как он здорово придумал: даже если жираф в тысячу раз больше кошки, то за десять дней кошек станет столько, что маме придется выбрать из двух зол меньшее и согласиться на жирафа.

— А смотри, что пишет про жирафа Кирилл:

Рекурсивная программа ЖИРАФ.

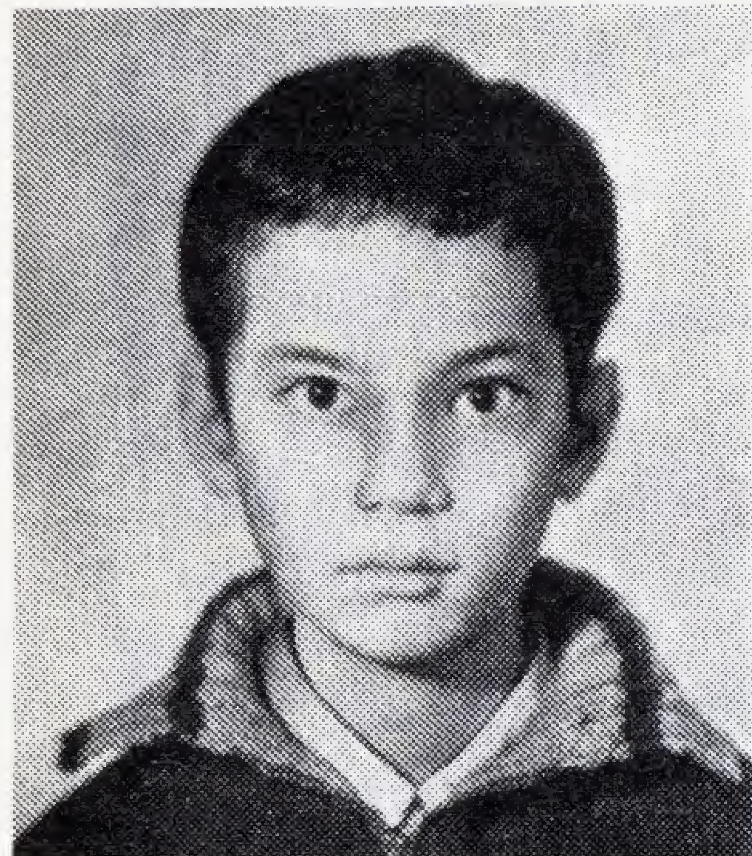
Чуть-чуть подумай. Если не понял, почему не надо покупать жирафа, то ЖИРАФ, а если понял, то КОНЕЦ.

По этой программе ты будешь думать, пока не поймешь, почему не надо покупать жирафа.

Они еще долго спорили и пришли к выводу, что обе эти работы заслуживают первого приза, но работа Кирилла чуть лучше, поскольку он свободно пишет рекурсивные программы и двойные циклы (это он сделал в своей сказке про зайца, которого выгнала из избушки лиса).

Поэтому было решено наградить их обоих калькуляторами: Кириллу дарит калькулятор британская фирма «Джеральд компьютерс», а Игорь получит советский калькулятор «Электроника». Вот фотографии победителей.

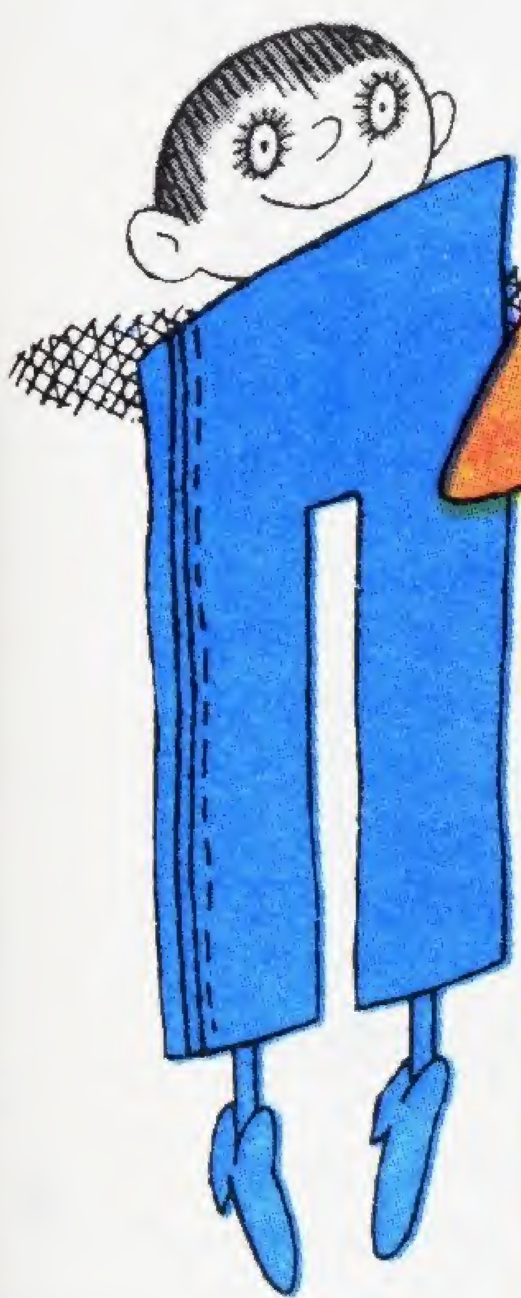
Остальные призеры награждены почетными грамотами. Ну, а те, кому на этот раз не удалось получить первый приз, пусть не вешают носа. Готовьтесь к конкурсу 1987 года!

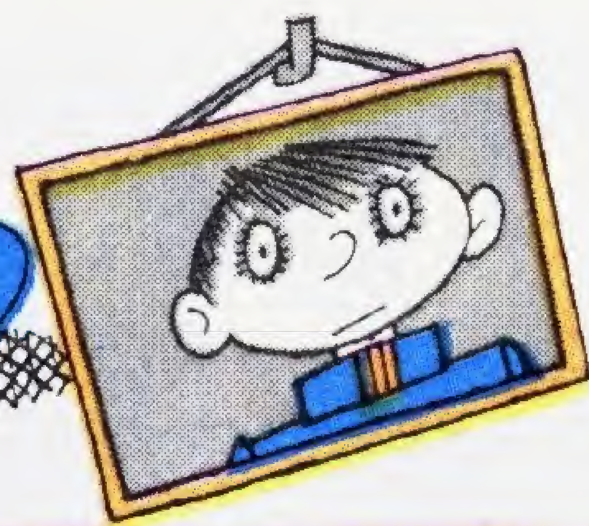
Кирилл Мишачев.

Игорь Тырнов.

ПЕРЕМЕНКА

Сначала на ПЕРЕМЕНКЕ появились двое. Один представился: «Здрасте, Петров!» А другой: «Привет! Васечкин». Тут мы пригляделись и поняли, что их не двое, а четверо. Потому что Петрова и Васечкина без Владимира АЛЕНИКОВА и Вадима ЗЕЛИКОВСКОГО вообще бы не было. Это они сначала придумали самих Петрова и Васечкина, а затем стали снимать про них фильмы, сочинять повести, пьесы, рассказы.

Правда, Владимир Алеников и Вадим Зеликовский говорят, что Петрова и Васечкина они вовсе не придумали. Объясняют, что Петров и Васечкин существуют на самом деле. А они только пересказывают про них различные истории.

Мы им поверили. И попросили рассказать нам несколько новых историй про Петрова и Васечкина. А они согласились.

Это мой папа

В телефонную кабину заходит Васечкин. Он ставит портфель на пол и решительно набирает номер.

— Феликс Александрович? — говорит он явно измененным голосом. — Петя Васечкин сегодня в школу не придет. Он заболел.

— Чем?

— У него грипп. Вирусный. Да, температура высокая.

— Кто говорит?

— Как кто? Васечкин говорит. Владимир Эдуардович...

— Кто такой Владимир Эдуардович?

— Как кто такой? Это мой папа!

Джентльмены

Прозвенел звонок на урок. Пятый «А», сокрушая все на своем пути, ворвался в класс и расселся. Девочки, которым не хватило мест, стояли сзади.

Вошла учительница Алла Ивановна. Все встали, потом сели. Девочки по-прежнему стояли.

Алла Ивановна не выдержала.

— Неужели же в вашем классе нет ни одного джентльмена? — спросила она.

— Что вы, Алла Ивановна! — ответил ей с места удивленный Петров.— Джентльменов у нас навалом, а вот стульев вечно не хватает!

Прогадал

Васечкин и Петров идут по улице и едят мороженое. Они останавливаются около газетного стенда.

— Смотри-ка, про меня напечатали! — изумленно говорит Васечкин.— Ну надо же, а!

— Иди ты! — поражается Петров.— Где? Дай поглядеть-то.

— Да не толкайся ты! Сам прочту! — осадил его Васечкин.— Вот слушай: «За истекший квартал автобусы нашего города перевезли 1 678 523 пассажира». Ну как? — удовлетворенно спрашивает он.

— Что ну как? — недоумевает Петров.— А где же здесь про тебя?

— Ну и балда же ты! — презрительно говорит Васечкин и, явно подражая какому-то учителю, объясняет: — Я же в истекшем квартале ездил на автобусе. Значит, это и про меня написано. Теперь понял?

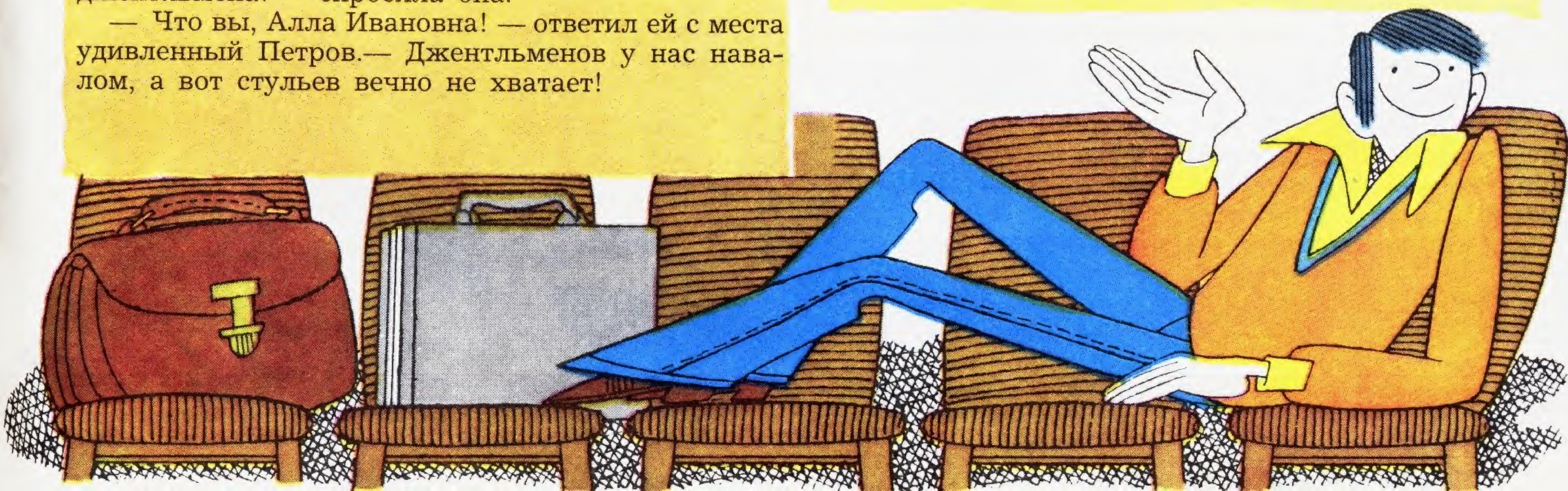
— Ага! — соображает Петров, и вдруг его осеняет.— Слушай,— говорит он,— значит, это и про меня! Я ведь тоже ездил на автобусе. В истекшем квартале. А?

Но Васечкину эта идея явно не нравится. Прежде чем ответить, он секунду раздумывает.

— А вот и нет! — наконец произносит он.

— Как нет? — обижается Петров.— Это почему про тебя «да», а про меня «нет»?

— Да потому, что ты все время без билета ездил. А пассажиров считали по оторванным билетам. А раз ты билет не отрывал, значит, тебя никто и не сосчитал. Поэтому здесь про тебя не сказано. Понял?

УЗНАВАЙКА

МАРАФОН ПО-КОРОЛЕВСКИ

Состязания в марафоне — беге на дистанцию 42 километра 195 метров — пользуются особым почетом не случайно. Марафон — труднейшее испытание воли и мужества бегунов, которое проводится в память о легендарном подвиге, совершенном 2500 лет назад...

В 490 году до новой эры страшная опасность нависла над Древней Грецией: огромные полчища персов вторглись на ее территорию, сея смерть и разрушения. Наскоро собрав небольшое войско, греческий полководец Мильтиад выступил навстречу врагу. Противники скрестили оружие у деревни Марафон. И хотя персов было вдвое больше, но исключительные стойкость и героизм греков помогли им разбить неприятеля.

От исхода этой битвы зависела судьба Греции. Понятно, с какой тревогой все ждали вестей с поля боя. Поэтому, едва окончив сражение, Мильтиад посылает в Афины юношу Фидиппида скорее сообщить о победе. Зная, как необходима эта весть людям, Фидиппид всю дорогу бежал, бежал как можно быстрее, бежал из последних сил... А добежав до Афин, сумел только воскликнуть: «Радуйтесь! Мы победили!» — и упал замертво.

Этот подвиг не был забыт. В честь греческого юноши стали проводить соревнования по бегу на дистанции, которая стоила ему жизни. Первые такие соревнования, названные марафонским пробегом, или попросту марафоном, состоялись в 1896 году на Олимпийских играх в Греции, где бегуны повторили весь путь Фидиппида. В последующие годы марафон становится все более популярным: в разных странах мира и частях света состязаются бегуны на знаменитой марафонской дистанции...

42 километра 195 метров, ни сантиметра больше или меньше. Не правда ли, поразительная точность! Тебя, конечно, интересует, как удалось с такой точностью установить длину? Представь, это интересует не только тебя. Тем более что расстояние от поля марафонской битвы до Афин всего... 37 километров. Как же так? Откуда взялись остальные 5 километров, да в придачу эти странные 195 метров? Оказывается, своим появлением они обязаны... королеве Англии. А получилось это вот как.

До поры до времени марафон бегали, как и положено, по более короткой трассе. Но в 1908 году Олимпийские игры проводились в Лондоне, и королева Англии пожелала лично увидеть старт марафонцев из окна своего Виндзорского замка. Разве ей могли отказать?!. Расстояние же от Виндзорского замка, куда перенесли старт, до финиша на стадионе «Уайт Сити», равное 42 километрам 195 метрам, и стало с тех пор общепризнанной дистанцией марафона.

МАЛИНОВКИ ЗАСЛЫШАВ ГОЛОСОК...

Об этой птичке пишут стихи и слагают песни. Трудно найти человека, который не слышал бы о малиновке. Но что о ней известно еще? Например, почему она так называется и как выглядит?

Беру «Иллюстрированную энциклопедию птиц», листаю страницы... Воробьи, попугаи, аисты, целая стая уток... Здесь встречаются кто угодно: райская птица, секретарь, носорог, сторож крокодилов, но только не малиновка.

«Странно», — думаю и открываю 3-томный энциклопедический словарь на букву «М». Внимательно просматриваю статьи. О малиновке — ни слова, будто ее вовсе нет. «Это уже становится интересно». Иду в библиотеку, зарываюсь в справочники, словари, книги, и разгадка оказывается такой неожиданной!..

Кажется очевидным, что птичка как-то связана с малиной. То ли она малинового цвета, то ли живет в малиннике, то ли часто лакомится этой ягодой. Однако на самом деле — ни первое, ни второе, ни третье. И вообще она... не малиновка. Живущая в наших лесах серая птичка с рыжей грудкой имеет собственное имя — зарянка. В народе же ее величают малиновкой за мелодичное пение. Исстари на Руси мелодичный колокольный звон называли «малиновым». От него-то птичке и досталось ее народное название.

Но какое отношение колокольный звон имеет к малине? Представь себе — никакого! Название «малиновый» происходит от бельгийского города Малин, колокола которого славились мелодичным звоном.

ПИОНЕРСКИЙ КРОССВОРД

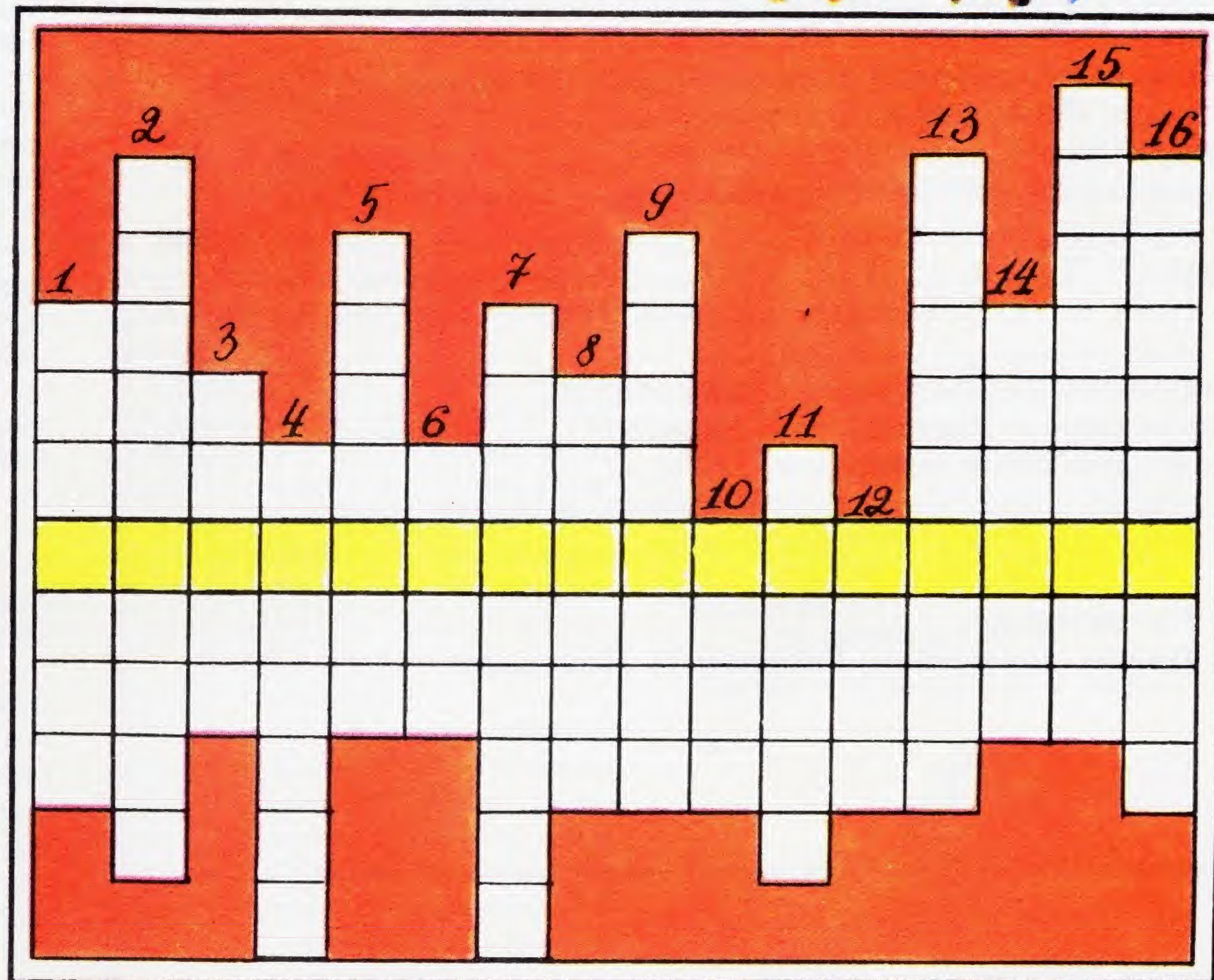

Ты знаешь, что во многих странах мира есть пионерские организации. И у каждой организации — своя пионерская форма, свои галстуки и значки. Некоторые из них здесь нарисованы. Угадай, в какой стране какие значки и галстуки носят. Названия стран вписывай по вертикали. Если все страны будут отгаданы верно, то в желтых клеточках — по горизонтали — ты прочтешь название одной из твоих любимых книг.

Ответы в следующем номере.

1

2

3

4

5

6

7

8

9

10

11

12

13

14

15

16

Ответы на кроссворд, напечатанный в № 5.

1. Арбитр. 2. Регата. 3. «Аврора». 4. Африка. 5. Алушта. 6. Шхуна. 7. Минер. 8. «Искра». 9. Донка. 10. Топка. В оранжевых кружочках: **Шмидт.**

Содержание

Есть такая партия! — В. Луцкий. Рисунок И. Панкова ..... II обл.
Год 1917-й. Июнь.— Подготовили Т. Кузьмина и В. Миллер 2
Деду, которому двадцать лет...— Поэма А. Исмаилова. Перевел Б. Пчелинцев 4
Мальчишка-командир.— Главы из повести Б. Камова 6
Юнкоровский пост РВС 18
Вызовем марсиан или все решим сами? — Е. Рыбинский 21
Политическая ошибка.— Рассказ А. Некрасова 25
В кают-компании «Кораблика» 27
Международный пионерский клуб «Товарищ» 28
Стихи Л. Фадеевой 32
Всем, всем, добрый день! — Главы из книги С. Фурина. Фотографии В. Гусева 34
«Кораблик» 42
Оранжевый портрет с крапинками.— Повесть В. Крапивина. Продолжение 44
Игры с Чипом.— Ведет доктор физико-математических наук А. Мигдал. Рисунок Н. и Т. Доброхотовых 59
Переменка.— Рисунок Е. Шабельника 61
Узнавайка.— Рисунки Н. Федоровой 62
Подводим итоги конкурса 64
В стране шаха — владыки черных и белых полей.— Рисунки Н. и Т. Доброхотовых ..... III обл.

На обложке:
Цветы друзьям.— Рисунок И. Панкова.

Адрес для писем: **101459, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14, 11-й этаж.**
Телефон 212-14-17.

Сдано в набор 03.04.87.
Подписано к печати 20.04.87. А 07101. Формат 84 × 60⅛.
Офсетная печать. Усл. печ. л. 7,44. Учетно-изд. л. 9,00.
Усл. кр.-отт. 31,16. Тираж 1 750 000 экз. Изд. № 1240. Заказ № 470.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции
типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда».
125865, Москва, А-137, ГСП, ул. «Правды», 24.

Подводим итоги конкурса

Как вы думаете, сколько писем с эскизами значка получила редакция за время конкурса? Мы вам скажем точно: 7 830! Много это или мало?

С одной стороны, мало, потому что из огромного (более чем полуторамиллионного) числа наших читателей мы получили всего 7 830 работ.

А с другой стороны, это и много, потому что выбрать лучший эскиз из такого количества присланных работ было очень и очень сложно.

Тогда мы решили не выбирать один эскиз, а использовать в создании значка идеи, предложения всех ребят. Судите сами, с какими задумками, порой очень смешными, нам приходилось встречаться: кто-то из ребят главными героями значка хотел сделать Глобус и Солнце в пионерских галстуках, кто-то на первый план выносил горы бумаги и металлолома, кому-то по душе пришелся Чебурашка с горном...

Но чаще всего встречалось такое предложение юных художников: изобразить на значке двух пионеров, мальчика и девочку, которые бы сажали деревья, кормили птиц, играли в мяч, читали книгу, пели песню и, наконец, просто улыбались. Нам эта идея тоже понравилась.

Итак, по единодушному мнению ребят, на значке журнала будут нарисованы пионер и пионерка. Теперь — дело за художниками журнала, которые на основе ваших эскизов создадут значок «Пионера».

Мы хотим поблагодарить всех, кто принял участие в конкурсе, и особенно отметить эскизы **Оли Кузнецовой** из г. Орехова-Зуева, **Ани Фундатор** из Гродно, **Иваны Слезаковой** из чехословацкого города Броунова, **Андрея Квосина** из Ростова-на-Дону, **Светы Жабровской** из Москвы и **Анатолия Бердюгина** из Ленинграда. Спасибо большое вам, дорогие ребята! До новых конкурсов!

В стране шаха-владыки черных и белых полей

Чемпиону — двенадцать лет

Сильнейших юных шахматистов страны собрало первенство СССР, проводившееся в литовском городе Капсукасе. Хотя и принимали участие в турнире ребята в возрасте до 18 лет, чемпионом Советского Союза стал двенадцатилетний кандидат в мастера Гата Камский. Ленинградский школьник повторил успех Гарри Каспарова, также в столь юном возрасте победившего в подобном соревновании.

Гата играет в солидном позиционном стиле, демонстрируя хорошую технику. Он хорошо учится, а шахматами занимается под руководством отца.

Посмотрите окончание партии Гаты Камского (белые) с харьковчанином Борисом Альтерманом. Партия имела большое значение для борьбы за лидерство в турнире.

(Диаграмма № 1)

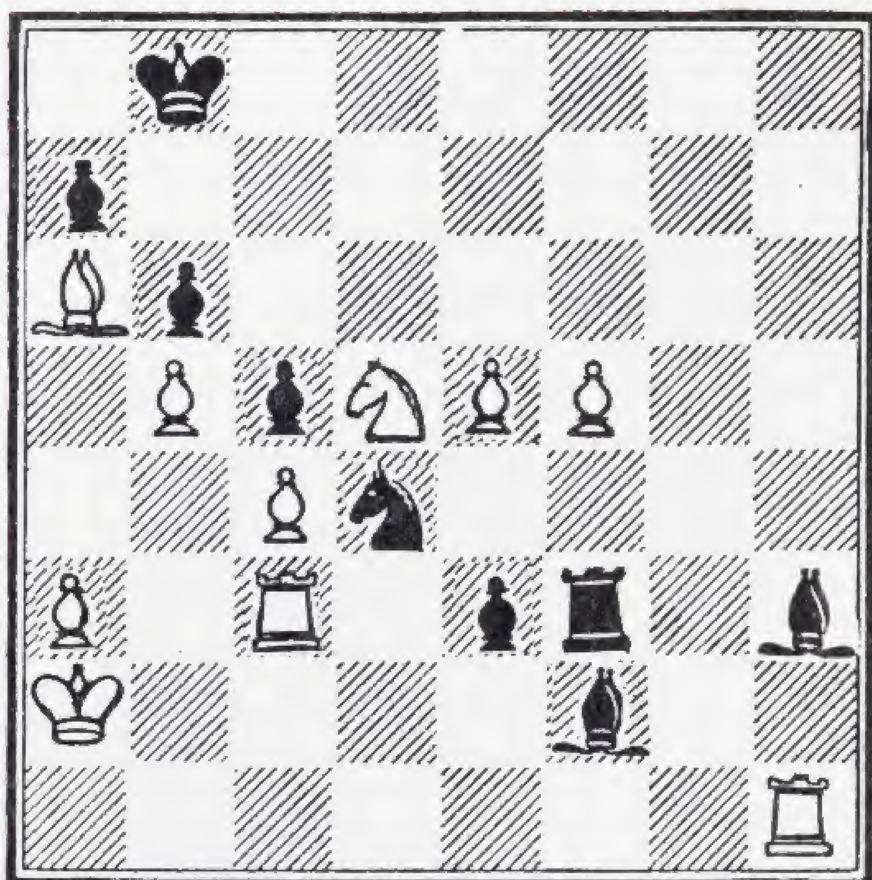

Диаграмма № 1.

Проходные пешки белых очень сильны. Далее было: 51. e5—e6 Kd4:f5 52. e6—e7 Kf5:e7 53. Kd5:e7 Kpb8—c7 54. Ke7—d5+ Kpc7—d6 55. Kd5:e3 (Вовремя уничтожая главного врага.) 55... Cf2:e3 56. Лh1 — e1 Лf3—f2+ 57. Kpa2—b3 Ce3—d2 58. Лc3—d3+ Kpd6—c7 59. Лe1—e7+ Черные сдались.

Мемориалы памяти

Сергей Всеволодович Белавенец. Имя это хорошо известно шахматистам старшего поколения.

Памяти С. Белавенца были посвящены мемориальные соревнования республиканских детских шахматных школ, организованные Центральным шахматным клубом СССР. Победили юные шахматисты из Харькова, второе место заняла команда Московского городского Дворца пионеров.

В историю шахмат навсегда вошло имя девятого чемпиона мира Тиграна Петросяна. Добиваясь многих замечательных побед, участвуя в крупнейших соревнованиях, «железный Тигран» (так называли его друзья) всегда находил время и для занятий с юными любителями шахмат. Не раз он бывал гостем финальных встреч клуба «Белая ладья», разбирал с ребятами сыгранные партии.

Памяти Тиграна Петросяна был посвящен турнир, проведенный республиканским шахматным клубом общества «Спартак». Победу оспаривали сборные команды союзных республик, Москвы и Ленинграда. Лучших результатов добились шахматисты РСФСР. В эту команду вошли воспитанники детской шахматной школы Воронежа.

На диаграмме вы видите позицию из партии между Альгирдасом Аугустайтисом (г. Кейдайняй) и Павлом Клопингером (г. Ангрен). Эта партия получила специальный приз как самая красивая на мемориале Петросяна.

(Диаграмма № 2)

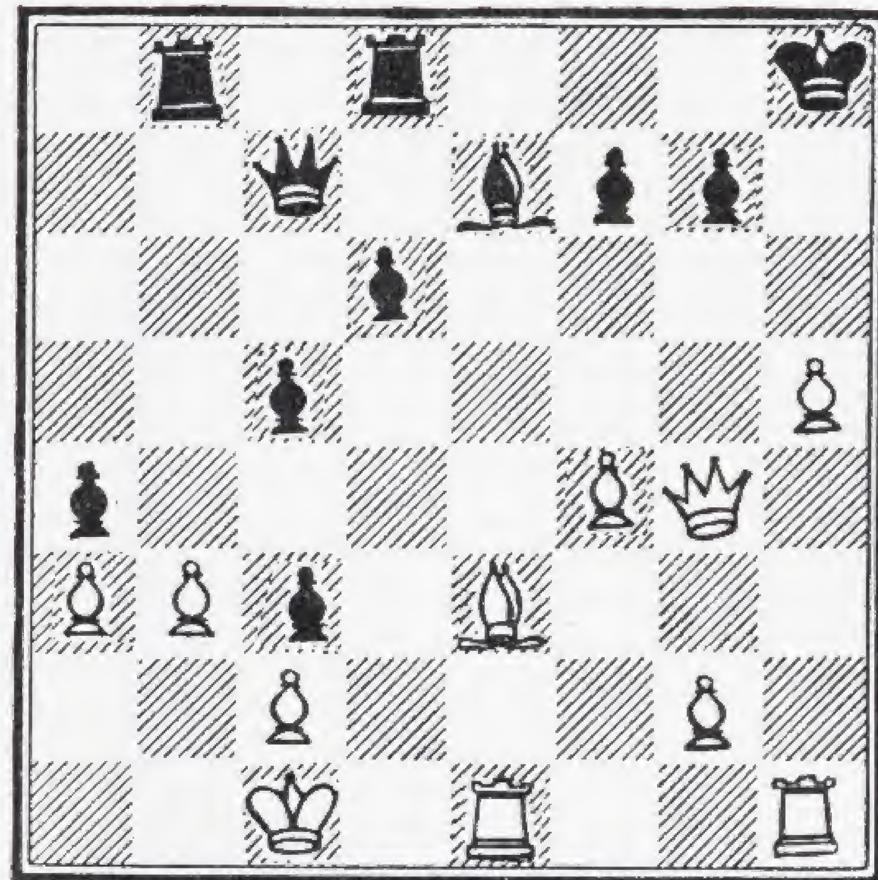
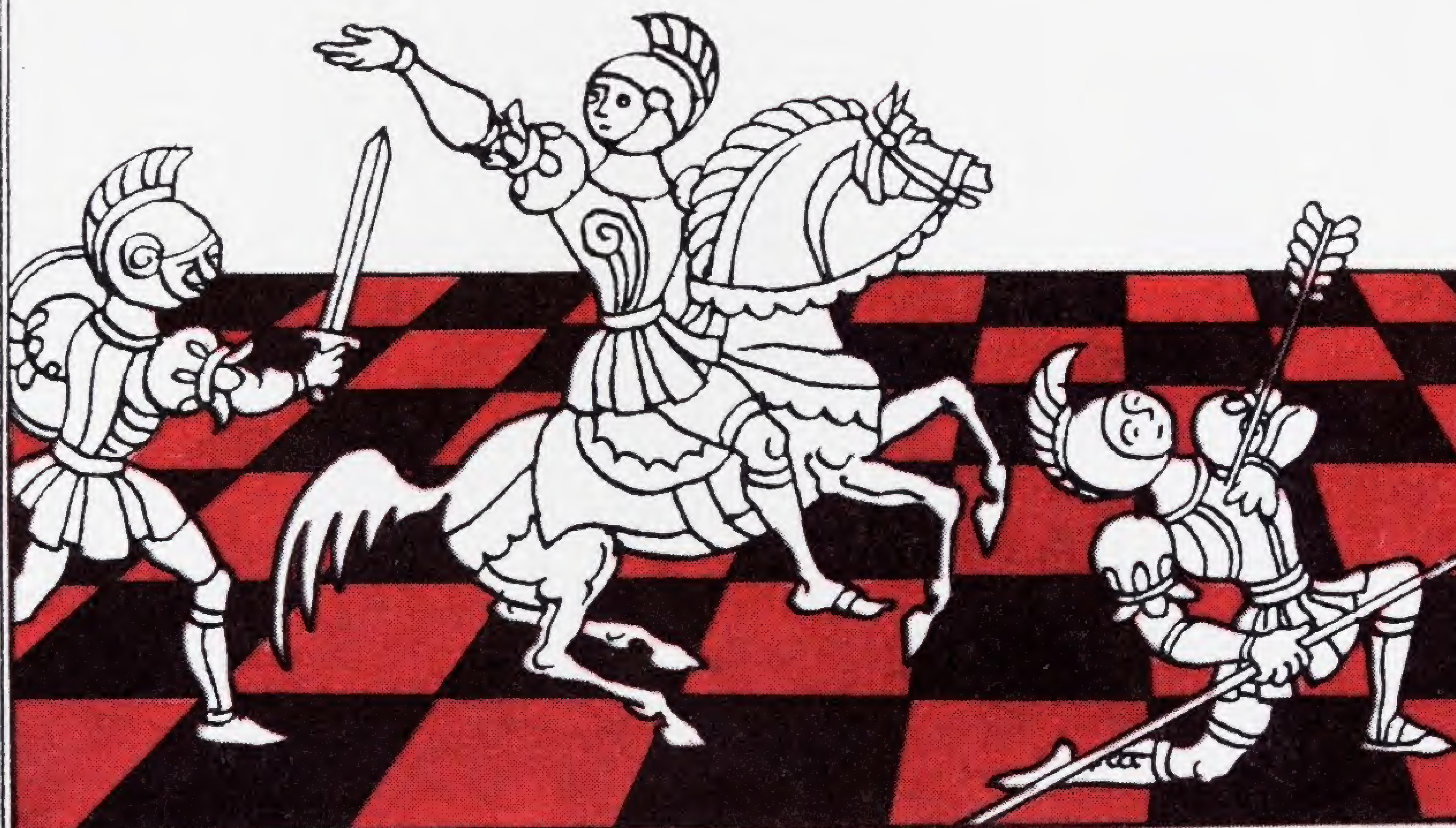

Диаграмма № 2.

Белые очень сильно и реши-

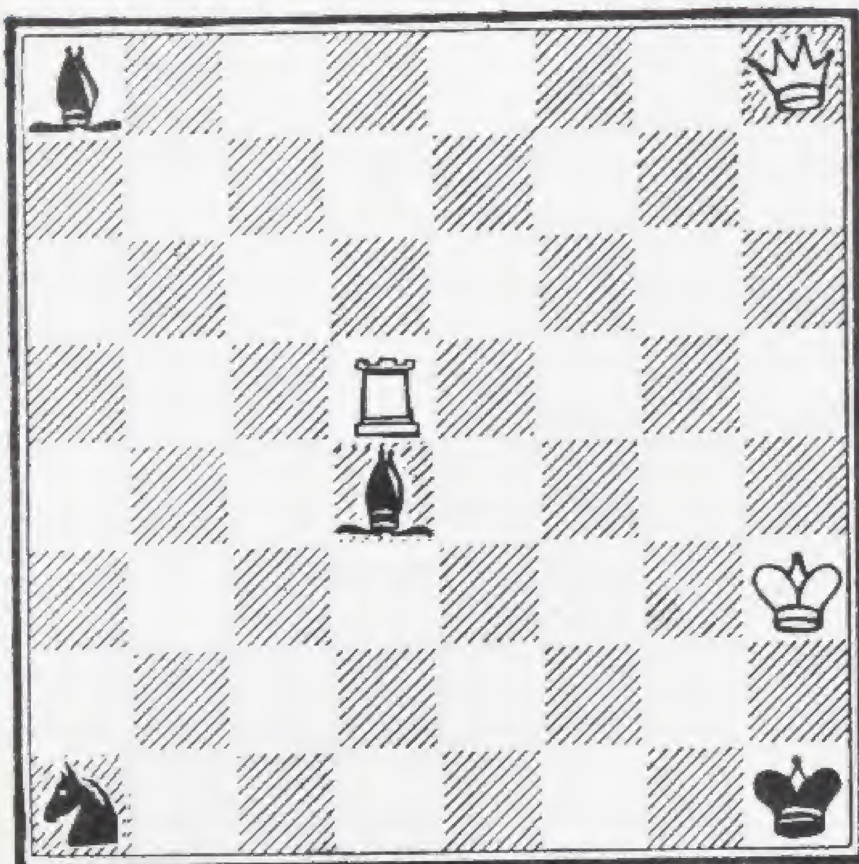

Диаграмма № 3.

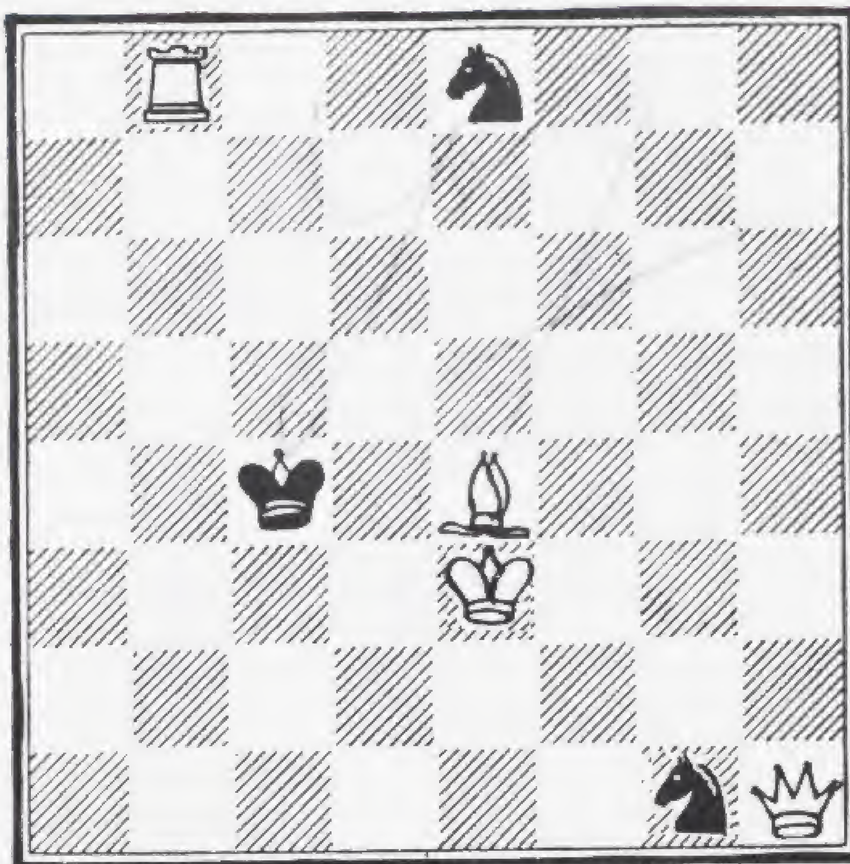

Диаграмма № 4.

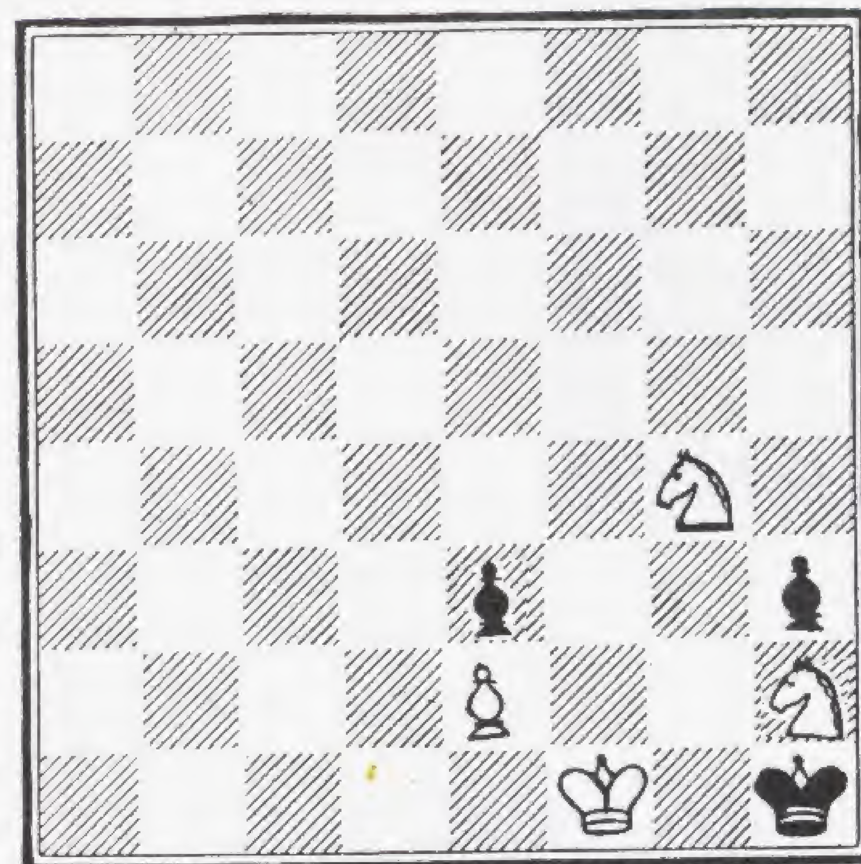

Диаграмма № 5.

тельно провели атаку на оборонительные укрепления черного короля. События в партии развивались так: 25. h5—h6 g7—g6 26. f4—f5! a4:b3 27. f5:g6 f7:g6 28. Ce3—d4+ Kph8—h7 (К разгрому черных приводило 28... cd 29. Ф:d4+) 29. Лe1—e6 Лd8—g8 30. Cd4—g7 Ce7—g5+ (Лучшей защиты уже нет) 31. Фg4:g5 Фc7—f7 32. Лe6—e7. Черные сдались.

Три по два!

Наш конкурс мы проводили совместно с шахматным клубом общества «Спартак». Членом этого общества много лет был Тигран Петросян. В наш конкурс включены три задания, в каждом из них игру начинают белые, в двух мат достигается в два хода, в одном — в три.

Для победы в нашем конкурсе надо правильно решить все задания и ответить на следующие два вопроса:

1. В КАКИЕ ГОДЫ ПЕТРОСЯН БЫЛ ЧЕМПИОНОМ МИРА?
2. СКОЛЬКО РАЗ ПЕТРОСЯН ВЫСТУПАЛ В ФИНАЛАХ ПЕРВЕНСТВА СССР, КАКОВЫ ЛУЧШИЕ РЕЗУЛЬТАТЫ, КОТОРЫХ ОН ДОБИВАЛСЯ В ЭТИХ ТУРНИРАХ?

Двадцать победителей заочного соревнования будут награждены грамотами нашего журнала и клуба «Спартак».

(Диаграмма № 3)

(Диаграмма № 4)

(Диаграмма № 5)

Как мы уже говорили, в 3-й и 4-й позициях белые, начиная игру, дают мат в два хода. В позиции № 5 мат достигается в три хода.

Ждем ваших решений!

Цена 30 коп. Индекс 70694.